

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ли Гуаньяо

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ
ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ КИТАЯ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

д. филол. н. доцент М.Ю. Сидорова

Москва — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Историческое время и пространство как категории исторического нарратива и методология их лингвистического изучения в текстах учебников по истории Китая.....	16
1.1. Понятия исторического нарратива, исторического времени и пространства: современные подходы к их изучению	16
1.1.1. Исторический нарратив и «нарративное понимание» мира.....	16
1.1.2. Историческое время как «важнейший материал» историка и ключевая категория исторического текста.....	26
1.1.3. Понятие исторического пространства и его роль в историческом нарративе	31
1.2. Методология лингвистического исследования способов конструирования исторического времени и пространства в историческом нарративе	33
1.2.1. Автоматизированный частотный анализ текста и его качественная интерпретация: степень применимости к нашему материалу	33
1.2.2. Применение инструментов коммуникативной грамматики для анализа текстов учебников по истории Китая	39
Выводы по главе 1	65
ГЛАВА 2. Историческое время и средства его конструирования в русскоязычных учебниках по истории Китая	67
2.1. Лексические и лексико-грамматические средства выражения исторического времени в текстах учебников по истории Китая	68
2.1.1. Прилагательные и отадективные наречия.....	69
2.1.2. Темпоральные наречия, не производные от прилагательных.....	78
2.1.3. Темпоральные (предложно-)падежные синтаксемы существительных	85
2.1.4. Существительные с темпоральным компонентом значения.....	114
2.1.5. Глаголы	123
2.1.6. Темпоральные союзы	126
2.1.7. Частицы.....	129
2.2. Текстовые тактики конструирования исторического времени.....	131

2.2.1. Вариативность точки отсчета на шкале времени и направления взгляда из этой точки.....	134
2.2.2. Историческое время, субъект истории и субъект-историк	136
2.2.3. Языковые средства и текстовые приемы интервального членения исторического времени	142
2.2.4 Языковые средства и текстовые приёмы делинеаризации исторического времени	148
2.2.6. Операции с категориями «новое — старое» и «впервые» («первый») в историческом тексте	157
2.2.7. Управление динамикой действия и длительностью событий.....	160
2.2.8. Варьирование точности указания на время события	169
Выводы по главе 2	171
ГЛАВА 3. Историческое пространство в российских учебниках по истории Китая через призму конструирующих его лексем.....	173
3.1. Взаимосвязь исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая: лингвистический аспект.....	173
3.2. Особенности функционирования лексем <i>Восток</i> и <i>восточный</i> в исследуемых текстах	181
3.3. Топонимы в российских учебниках по истории Китая	194
Выводы по главе 3	224
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	228
БИБЛИОГРАФИЯ.....	231

ВВЕДЕНИЕ

Великий русский историк Н.М. Карамзин, автор «Истории Государства Российского», писал в предисловии к своему труду: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»¹. Объясняя, зачем человеку читать историю, Карамзин пишет: «Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества»².

В этих двух цитатах передана основная суть истории как науки о времени, о прошлом. Но это наука не просто о датах событий. Это наука о причинах и следствиях. Она дает не только последовательность событий, но и их объяснения. Она не просто строит цепочку фактов, но и придает им смысл.

В последней трети XX в. в гуманитарных науках происходит нарративный, или лингвистический, поворот, который на новом уровне отражает такое отношение к истории. История понимается не просто как повествование или рассказ о событиях, но как сюжет, т.е. последовательность событий, организованных, согласованных, упорядоченных с определенной целью, с определенным смыслом. Выдающийся французский герменевтик П. Рикер

---

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 1, т. 1 — 4. — М: АСТ, Ермак, 2004. — 668 с. С. 7.

² Там же.

пишет книги «Время и рассказ» и «История и истина»³, а голландский философ Ф.Р. Анкерсмит — книги «История и тропология: взлет и падение метафоры»⁴ и «Нарративная логика. Семантический анализ языка историка»⁵. В работах сторонников нарративного подхода к истории ученый-историк представляется как субъект, который конструирует и интерпретирует прошлое в текстах. Поэтому особое значение придается языку, на котором пишется история, и соответственно лингвистическому анализу исторического текста. Не случайно первая из упомянутых книг Анкерсмита начинается со слов: «Философия XX века находится под обаянием феномена языка»⁶. Однако, несмотря на применение отдельных методов лингвистического анализа исторического текста представителями смежных гуманитарных дисциплин и некоторые подступы к решению этой проблемы в отечественной лингвистике, в русистике еще нет работ, где бы было представлено систематическое исследование исторического нарратива с позиций современной лингвистической теории.

Актуальность нашего исследования языковых средств и текстовых приемов конструирования исторического времени и пространства в русскоязычных учебниках по истории Китая, которые используются в университетах России, обусловлена: 1) повышенным интересом к китайской проблематике в современном научно-образовательном пространстве, 2) спецификой дисциплины «История Китая», которая позволяет обнаружить как общие для исторического нарратива средства и приемы конструирования пространства и времени, так и те, которые обусловлены национальной спецификой изучаемой страны. Кроме того, **актуальность** исследования обусловлена 3) задачами

---

³ Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. с франц. Т.В. Славко; науч. ред. И.И. Блауберг. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998. — 313 с. Рикер П. История и истина / пер. с фр. И.С. Вдовина, А.И. Мачульская. — СПб.: Алетейя, 2002. — 400 с.

⁴ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 368 с.

⁵ Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. — М.: Идея-Пресс, 2003. — 376 с.

⁶ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 368 с. С. 67.

оптимизации учебной коммуникации в современном информационном обществе и ориентацией междисциплинарных гуманитарных исследований на поиски путей взаимопонимания между отправителем сообщения, порой весьма сложного, и его получателем, который может быть недостаточно подготовлен к его обработке. Мы полагаем, что акцентирование внимания студентов на языковых средствах и тактических приемах построения исторического нарратива будет способствовать лучшему пониманию текста — и с точки зрения событийной последовательности, и с точки зрения авторской интенции. Предварительно эти средства и приемы должны быть выявлены и систематизированы лингвистическими методами⁷.

Степень научной разработанности проблемы. В основе нарративного понимания истории лежат работы таких видных ученых, как Ф. Анкерсмит, П. Рикер, А. Данто. Их идеи, касающиеся трактовки как исторического нарратива в целом, так и его важнейших категорий — исторического времени и пространства, а также роли субъекта-историка и субъектов истории в историческом нарративе, нашли свое развитие в работах современных российских исследователей (Н.Е. Копосов, И.М. Савельева и А.В. Полетаев, А.Л. Стризов, А. Борисенкова, И.К. Калимонов и М.Е. Байтеева, З.А. Чеканцева, Г.И. Герасимов, Н.В. Гриценко, Е.А. Корягина и др.). Пример изучения исторического нарратива с коммуникативной точки зрения представляют собой работы А.А. Эльдариона⁸. На ряд работ, посвященных изучению исторического нарратива⁹, ориентироваться нельзя, учитывая имеющиеся в них методологические и терминологические ошибки (см. главу 1 нашей работы). Задел для

---

⁷ Ли Гуаньяо. Взаимосвязь исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая: лингвистический аспект // Преподаватель XXI век. — 2025. — № 2. — С. 328—333.

⁸ Эльдарион А.А. Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2017. — Т. 6, № 3А. — С. 170—177. Эльдарион А.А. Исторический нарратив как форма существования исторической событийности: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 — Владивосток, 2019. — 24 с.

⁹ Леонтович О.А., Ханова А.А. Исторический нарратив: конститутивные признаки и языковые характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2024. — Т. 23. — № 6. — С. 167 — 180. 86. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 3. — С. 113—115.

лингвистического исследования исторического нарратива создан обширным массивом трудов лингвистов, изучавших языковые категории пространства и времени, — Г.А. Золотовой, М.В. Всеволодовой, А.В. Бондарко, Н.Д. Артюновой, Е.В. Падучевой, Ф.И. Панкова, Е.В. Петрухиной, Е.С. Яковлевой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой и др. Основной методологической базой нашего исследования служит теория коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой. Использование нами автоматизированного частотного анализа учебно-научного текста опирается на методику, предложенную в работах нашего научного руководителя М.Ю. Сидоровой и ее учеников (А.С. Шматко, А.П. Лосицкой, С.В. Лакиной).

Материалом исследования послужили семь учебников по истории Китая:

1. Л.Н. Булдыгерова. История Китая¹⁰;
2. Л.С. Васильев. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)¹¹;
3. Л.С. Васильев. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.)¹²;
4. Л.С. Васильев. Древний Китай. Т. 3. Период Чжаньго (V—III вв. до н.э.)¹³;
5. А.В. Меликсетов (ред.). История Китая. 2—е изд., испр. и доп. Авторы: Л.С. Васильев, З.Г. Лапина, А.В. Меликсетов, А.А. Писарев¹⁴;
6. О.Е. Непомнин. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века¹⁵;

---

¹⁰ Булдыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 168 с.

¹¹ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с.

¹² Васильев Л.С. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.). — М.: Восточная литература, 2000. — 628 с.

¹³ Васильев Л.С. Древний Китай: в 3 т. Т. 3. Период Чжаньго (V—III вв. до н. э.). — М.: Восточная литература, 2006. — 679 с.

¹⁴ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с.

7. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев (ред.) История Китая с древнейших времен до наших дней. Авторы: М.В. Крюков, Л.С. Переломов; Л.В. Симоновская, Э.П. Стужина, А.А. Бокщанин, З.Г. Лапина, М.Ф. Юрьев, С. Л. Тихвинский, В.И. Глунин, А.М. Григорьев¹⁶.

Принадлежность анализируемых в диссертации текстовых примеров к конкретному учебнику в диссертации указывается первой буквой фамилии автора или первого редактора: (Б), (В) и т.д. Страница не указывается. Примеры даются, как это принято в лингвистических исследованиях, курсивом. Примеры, представляющие собой значительные фрагменты текста, помимо выделения курсивом заключаются в кавычки. Жирным шрифтом выделяются обсуждаемые языковые единицы. Если же указанные учебники цитируются в качестве научных источников, то цитаты оформляются по общим правилам — в кавычках с атрибуцией цитаты в сноске.

Для автоматизированного анализа также были привлечены следующие издания:

- Д.Г. Грэй. История Древнего Китая¹⁷;
- Р. Крюгер. Китай. История страны¹⁸.

Поскольку данные книги являются переводными, в основное исследование они не вошли.

Объектом исследования стал исторический нарративный текст, в котором авторы учебников упорядочивают и объясняют события китайской истории.

---

¹⁵ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с.

¹⁶ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с.

¹⁷ Грэй Д.Г. История Древнего Китая / пер. с англ. А.Б. Вальдмана. — М.: Центрполиграф, 2006. — 598 с.

¹⁸ Крюгер Р. Китай. История страны. — М.: Эксмо, 2008. — 543 с.

Предметом исследования являются языковые средства конструирования исторического времени и исторического пространства в историческом нарративе и связанные с ними тактические приемы построения текста.

Цель исследования — выявить языковые средства конструирования исторического времени и исторического пространства в русскоязычных учебниках по истории Китая, на основе анализа этих средств охарактеризовать текстовые тактики построения «нарративной интриги» в данных учебниках, а также взаимодействие указанных категорий между собой и с категорией субъекта.

Для достижения указанной цели нами были решены следующие **задачи**:

1) на основе анализа научной литературы, создающей теоретическую базу для коммуникативно-грамматического анализа исторического текста, определить эффективные лингвистические инструменты такого анализа, соответствующие пониманию исторического нарратива, сформированному историками, философами и культурологами;

2) установить с использованием автоматизированного анализа текста основные языковые средства, которые значимы для конструирования исторического пространства и времени в российских учебниках по истории Китая, систематизировать эти средства и охарактеризовать их специфику в изучаемых текстах;

3) выявить и исследовать текстовые тактики, которые используют авторы учебников, конструируя с помощью выявленных языковых средств историческое время и пространство;

4) выявить лингвистическими методами и объяснить связь категорий исторического пространства и времени между собой и с категорией субъекта;

5) установить, какие из обнаруженных языковых средств и текстовых тактик конструирования исторического времени и пространства обладают особенностями, обусловленными китайской историей.

Теоретическая значимость работы состоит том, что нами был обнаружен и исследован языковой субстрат категорий исторического времени и пространства и подтверждена лингвистическими методами точка зрения историков, философов и культурологов на исторический текст как нарратив, при создании которого автор отбирает, организует и интерпретирует значимые события и конструирует историческое пространство и время, используя языковые средства и текстовые тактики наилучшим образом соответствующие его видению (объяснению) истории. Мы представили системно все языковые средства, используемые в историческом нарративе исследуемых учебников для конструирования категории исторического времени, и проанализировали ряд важных средств, конструирующих категорию пространства. Также нами через анализ языковых средств и текстовых тактик автора установлена взаимосвязь между категориями исторического времени и пространства и субъектной структурой исторического текста.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов для обучения русских и иностранных студентов-историков языку специальности, для обучения переводчиков и редакторов. Данные, полученные в ходе исследования, могут быть применены в сфере учебной лексикографии, при составлении словарей, словников, лексических минимумов по истории Китая.

Положения, выносимые на защиту

(1) Пространство и время в историческом тексте представляют собой создаваемые средствами языка конструкты, отражающие точку зрения автора на исторический процесс. Эти конструкты и исторический нарратив в целом могут быть эффективно исследованы с помощью инструментария коммуникативной грамматики (модус и диктум, субъектная структура текста, синтаксема, таксис, текстовые функции предикатов, система коммуникативных регистров, четырехступенчатая модель анализа текста), поскольку коммуникативно-грамматический подход наилучшим образом отвечает пониманию ис-

торического нарратива, сформированному историками, философами и культурологами.

(2) Российские учебники по истории Китая представляют не только научное содержание, но и учебную модель исторического знания и с лингвистической точки зрения включают как общие для учебно-научных текстов по истории отдельных стран характеристики, так и национально специфичные для истории Китая. К последним относятся, в частности, использование языковых средств, демонстрирующих не линейное, а циклическое понимание истории; династийное членение исторического времени; особенности употребления лексем *древний*, *(В)восток*, *восточный* и других обозначений сторон света; высокочастотных топонимов.

(3) Восприятие учебно-научного исторического текста подразумевает умение «прочитывать» некоторые языковые единицы по специальным правилам и интерпретировать авторские тактики в соответствии с законами исторического нарратива. Это касается, в частности, употребления прилагательного *современный* в темпорально-локативном или других значениях; синхронного или диахронного прочтения наречия *всегда*; переключения субъектных позиций историка и субъектов истории при оценке скорости, продолжительности и своевременности исторических событий; чередования точной и неточной темпоральной локализации; разнообразия способов номинации временных интервалов.

(4) Время и пространство в историческом нарративе взаимосвязаны, что находит выражение в конкретных языковых средствах и текстовых тактиках автора. В то же время они связаны с категорией субъекта, который представлен в историческом нарративе в двух основных ипостасях: автор-историк (модусный субъект) и субъекты истории, которые выступают и как диктумные, и как модусные субъекты. Кроме того, автор-историк может включать в текст точки зрения других модусных субъектов — других историков, источников, читателя. В качестве точки отсчета времени автором могут прини-

маться разные моменты на хронологической шкале, в зависимости от субъективной позиции, которую он выбирает.

(5) Категория исторического времени в исследованных нами текстах реализуется через лексические средства разных частей речи: существительные, прилагательные и отадаъективные наречия, неотадаъективные наречия, глаголы, частицы, союзы, предлоги; через грамматические категории, важнейшими из которых являются падеж (предложно-падежные синтаксемы) и время глагола; через полипредикативные конструкции (простые и сложные предложения). При этом не все слова с семой «время» во всех своих употреблениях участвуют в конструировании исторического времени, но, напротив, в конструирование исторического времени вовлекаются слова без этой семы, например оценочные прилагательные при существительных, обозначающих исторические интервалы (*трудный период*).

(6) Цель автора исторического нарратива — не только выстроить последовательность значимых событий, но и объяснить историю. Для этого в исследуемых учебниках используются особые тактики конструирования исторического времени: вариативность точки отсчета на шкале времени — ее движение по воле историка от современности до глубокой древности; разделение или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, которые помимо диктумной роли (участие в событиях) могут играть и модусную (оценка, свидетельство, планирование событий и т.д.); управление динамикой действия, длительностью событий и промежутков между ними, как бы «не заполненных» событиями и др. (всего нами выявлено 12 тактик).

(7) Особенности употребления высокочастотных топонимов в историческом нарративе обусловлены типом топонима (астионим, гидроним, хороним), его индивидуальными характеристиками (например, статус столицы для города или направление течения реки) и типом событий, которые связаны с определенным географическим объектом на разных этапах истории.

Научная новизна работы состоит в том, что она:

а) является первым лингвистическим исследованием российских учебников по истории Китая;

б) впервые в русистике предлагает интегральный анализ текстового воплощения категорий исторического времени и исторического пространства в историческом нарративе — от конкретных языковых средств до замысла (стратегии) автора.

Обоснованность и достоверность полученных результатов обеспечиваются современными методами анализа материала, большим объемом исследованного массива текстов и опорой на широкий круг релевантных научных источников.

В исследовании использованы **методы** коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой¹⁹ в сочетании с автоматизированной обработкой текста с помощью лемматизатора MyStem, которая применяется ограниченно — для выявления частотных слов и сочетаний слов. Все термины коммуникативной грамматики используются в значениях, указанных в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой²⁰.

В разделе 1.2.1. подробно продемонстрирована методика применения трех основных инструментов коммуникативно-грамматического анализа текста (субъектная перспектива, система коммуникативных регистров, таксисный анализ) к нашему материалу и обоснована большая значимость первого и третьего инструментов, в связи с подавляющей монорегистровостью исследуемых текстов, которая делает регистровую характеристику значимой

---

¹⁹ Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: Наука, 1982. — 368 с. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с. 66. Онипенко Н.К. Лингвистический анализ текста и терминологический аппарат современной грамматической науки // Рациональное и эмоциональное в русском языке: международный сборник научных трудов. — М.: Изд-во МГОУ, 2012. — С. 383—389. Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. — 2001. — Т. 2. — С. 107—121. 76. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. — М.: Центр-М, 2001. — 400 с.

²⁰ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с.

для общей характеристики текстов, но не для выявления особенностей их построения.

Логика нашего исследования опирается на четырехступенчатую модель анализа текста Г.А. Золотовой, подразумевающую движение исследователя как от конкретных языковых единиц и категорий допредикативного уровня через уровень предикативных единиц к тактике и стратегии автора текста, так и в обратном направлении (от гипотезы о стратегии автора к конкретным языковым средствам, ее воплощающим). В основе всей коммуникативно-грамматической концепции, включая указанные три исследовательских инструмента и модель четырехступенчатого анализа текста, лежит положение о трехсторонности языкового знака (форма — значение — функция), что обуславливает наше внимание к функционированию в исследуемых текстах синтаксисом различных частей речи и к функционированию предикативных единиц в составе текстового целого.

Компьютерный анализ текстов учебников, выполненный с помощью лемматизатора MyStem, в сочетании с ручной обработкой, позволил нам получить их частотные словники и выявить типовую сочетаемость лексем. Ограниченность возможностей частотного автоматизированного анализа текста для нашего материала объясняется следующими причинами. Во-первых, в учебниках описываются несовпадающие исторические периоды, и наша ориентация на изучение авторитетных и востребованных в российском высшем образовании учебников неизбежно по объективным причинам приводит к «дисбалансу» в сторону текстов, посвященных древнему Китаю. Во-вторых, как показал компьютерный анализ, в учебниках по истории иное соотношение слов, входящих в 2000 самых частотных слов общелитературного языка²¹, и специализированной лексики, чем в учебниках по естественнонаучным дисциплинам (общелитературная лексика играет бóльшую роль в

---

²¹ Ляшевская О.Н., Шаров, С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М.: Азбуковник, 2009. — 1087 с.

учебниках по истории); отличается и состав биграмм (в учебниках по истории менее частотны составные термины структуры “прилагательное + существительное” и “существительное + Родит. пад. ”). В-третьих, среди исследованных учебников есть коллективные, в число авторов которых входят учёные, являющиеся авторами других учебников, а в учебниках, принадлежащих разным авторам, есть текстовые совпадения. Эти факторы обусловили необходимость ограниченного и осторожного использования результатов количественного анализа в работе. Тем не менее в сочетании с ручным контекстуальным анализом автоматизированная обработка текста позволила определить круг исследуемых языковых единиц.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано шесть статей общим объемом 4,1 п.л., в том числе четыре статьи (объемом 3,1 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных диссертационным советом МГУ имени М.В. Ломоносова. Теоретические положения и практические наблюдения были представлены на семи международных конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА 1. Историческое время и пространство как категории исторического нарратива и методология их лингвистического изучения в текстах учебников по истории Китая

1.1. Понятия исторического нарратива, исторического времени и пространства: современные подходы к их изучению

1.1.1. Исторический нарратив и «нарративное понимание» мира

Начиная с последней трети XX в., в социальных науках, в том числе в истории, распространяется конструктивистский подход. В его русле историческое время и история в целом все больше понимаются как конструкты, создаваемые лингвистическими средствами, и через них (путем анализа текстов) познаваемые: «происходившее в действительности становится историей лишь в той мере, в какой попадает в область разума и преобразуется в ней»²². В результате «лингвистического поворота» «появились специальные исследования языковых механизмов, оказывающих воздействие на то, как историки пишут историю»²³, и изменилось представление о статусе истории, которая стала трактоваться как наука нарративная, а не открывающая общие закономерности (в отличие от наук естественных): «Исследованию подверглись весьма разнообразные языковые механизмы — от глубинных тропологических структур исторического дискурса до «регулятивных метафор среднего уровня» и более или менее поверхностных стилистических эффектов. Но главной темой лингвистического поворота стала унаследованная от аналитической философии истории проблема исторического повествования. Именно в

---

²² Копосов Н.Е. Как думают историки. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 236 с. С. 8.

²³ Копосов Н.Е. Как думают историки. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 236 с. С. 11.

качестве повествования история была теперь противопоставлена «законополагающим» наукам»²⁴.

В 1992 г. в работе «Trusting the Tale: Narrativist Turn in the Human Sciences» канадского лингвиста и теоретика литературы М. Крейсморты появляется словосочетание «нарративный поворот» как реакция на лавинообразный рост числа работ, посвященных нарративу, в самых различных областях знания²⁵. «Нарративный поворот» может пониматься в двух смыслах: «В узком смысле — это признание познавательной значимости нарратива для конкретных наук (в рамках дискуссии об объяснении и понимании в истории, включения нарративных методов в психологию, лингвистические исследования сверхфразовых единств и т.д.), в широком — это признание за нарративом и «нарративным знанием» фундаментальной роли в познавательных процессах в целом (в рамках традиций, связанных, с одной стороны, с онтологической герменевтикой М. Хайдеггера, Г. Гадамера и др., а с другой — с аналитикой обыденного языка в прагматизме Л. Витгенштейна, У. Куайна, Р. Рорти и др.)»²⁶.

Значительный вклад в распространение нарративного взгляда на историю внес П. Рикер, согласно которому история основана на способности человека видеть интригу в хронологически упорядоченной серии эпизодов, т.е. на особом «нарративном понимании» мира²⁷. Именно нашей способности к нарративному пониманию мира мы обязаны существованием истории: «Повествуя о фактах или событиях, мы помещаем их в некую последовательность так, что одно следует за другим, предшествует третьему и т.д. <...> Само

---

²⁴ Там же.

²⁵ Иванов Е.А. Исторический нарратив как философско-эпистемологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 5.7.1 — онтология и теория познания / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. — 30 с.

²⁶ Иванов Е.А. Исторический нарратив как философско-эпистемологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 5.7.1 — онтология и теория познания / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. — 30 с. С. 2.

²⁷ Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. с франц. Т.В. Славко; науч. ред. И.И. Блауберг. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998. — 313 с. Рикер П. История и истина / пер. с фр. И.С. Вдовина, А.И. Мачульская. — СПб.: Алетейя, 2002. — 400 с.

представление о прошлом, настоящем и будущем опыте формируется в процессе повествования»²⁸.

Упорядочивая факты, нарратив придает им логику, осмысленность каузальность, выстраивает их в последовательность, имеющую начало и конец. Это относится ко всем типам нарратива, в том числе историческому. «...История преподносит людям не собрание изолированных фактов. Она эти факты организует. Она их объясняет, а для того, чтобы объяснять, объединяет их в серии, которым она уделяет весьма неравное внимание. Ибо, хочет она того или нет, она упорно собирает, а затем классифицирует и группирует факты прошлого в зависимости от сегодняшних потребностей» — цит. по²⁹³⁰.

Отношение исследователей исторического нарратива к работам нарратологов, занимающихся изучением художественных текстов, двойственное. С одной стороны, первые не могут не учитывать достижения последних, среди которых такие крупные фигуры, как Р. Барт, Ж. Женетт и др... Нарратологам принадлежит приоритет в разработке данной проблематики (начиная с исследований В. Проппа) и создание общих понятий и терминов, в которых исследуется нарратив. Действительно, определение нарратива, данное В. Шмидом, «тексты, излагающие историю и в той или иной мере обладающие опосредующей инстанцией нарратора»³¹, вполне можно отнести к историческим текстам, в том числе учебным. Однако исторический нарратив принципиально отличается от художественного своей референцией, задачами и коммуникативной рамкой. Представители смежных гуманитарных направлений, в частности философы, критикуют нарратологов, в первую очередь за «редукционистский подход», в котором событие объявляется «функцией языка», и за неспособность объяснить различия между фикциональным и

---

²⁸ Борисенкова А. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. — 2007. — Т. 6, № 1. — С. 55—63. С. 58.

²⁹ Febvre L. *Combats pour l'histoire*. — Paris: Colin, 1953. — 458 p.

³⁰ Калимонов И.К. Концепция исторического повествования Поля Рикера // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2005. — Вып. 147 (2). — С. 85—99.

³¹ Шмид В. *Нарратология*. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 311 с. С. 13.

нефикциональным нарративом³², и пытаются найти свои пути к пониманию нарратива в различных областях знания. В то же время попытки участия в разработке нарратологической проблематики и решения задачи разграничения «истории» и «литературы» со стороны специалистов, далеких от филологических методов, могут привести к возникновению таких терминов, как «нарратив повествовательного типа»³³, которые с точки зрения лингвистики выглядят абсурдными.

Формирование нарративного взгляда на историю было изначально во многом связано с проблемой установления истинности или ложности исторического знания, желанием историков сохранить различия между памятью и воображением, между историей и художественной литературой в условиях, когда истинность высказывания нельзя проверить прямым соотнесением его с реальностью (поскольку эта реальность уже в прошлом). А. Данто на страницах своей «Аналитической философии истории» описал деятельность историка с помощью двух блестящих аналогий: «Ребенок может сказать, что помнит, будто видел вчера медведя, а мать ответит, что он лишь воображает, будто видел медведя. <...> Мы считаем, что она вспоминает, а он лишь воображает, опираясь на то, что ее утверждение согласуется с имеющимися «свидетельствами», а его — не согласуется. В описании матери согласуются вещи, которые не согласуются друг с другом в описании ребенка. Тогда можно сказать, что именно эта взаимная согласованность вещей и дает нам критерий истины: если что-то не согласуется с тем, что мы признали, мы считаем это ложным. Мы подгоняем всё друг к другу, принимая те суждения, которые согласуются с ранее признанными, и, отвергая те, которые не согласуются. Мы принимаем или отвергаем исторические предложения в соответствии с тем, приводят ли они нас к открытию новых свидетельств. Они поз-

---

³² Олейников А.А. История — событие и рассказ: критический анализ философии нарративной формы: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. — М., 1999. — 171 с.

³³ Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 3. — С. 113—115.

воляют нам упорядочивать то, что мы находим в современном мире: документ ведет нас от Колизея, который мы можем видеть сейчас, к палаццо Фарнезе, который мы точно так же можем воспринимать в настоящее время, и в последнем мы находим камни, взятые из первого. Утверждение «Семья Фарнезе использовала камни Колизея для строительства своего палаццо» помогает связать между собой эти два множества камней. Мы находим недостающие камни»³⁴. Ключевыми словами здесь являются *согласованность* и *упорядочивание*. Историк упорядочивает имеющиеся у него «камни», приводит к согласованности имеющиеся у него факты — так рождается исторический нарратив.

Это не может не привлекать внимания историка к языку, в котором он тут же обнаруживает наименования, «ссылающиеся на прошлое», как, например, слово *шрам*, обозначающее не просто «белесый рубец», а «рубец, полученный в результате какого-то прошлого события»: «При существующих правилах словоупотребления сказать о ком-то, что у него есть шрам, значит подразумевать, что когда-то он был ранен»³⁵. Таким образом, то, что казалось констатацией простого наблюдения, обретает темпоральную перспективу в силу выбора определенной лексемы.

Тот же А. Данто еще на одном наглядном примере показал, какие условия должны быть выполнены, чтобы некоторое предложение (последовательность сообщений о событиях) была воспринята как часть исторического сочинения. Выясняется, что необходимые условия исторического сочинения («любое историческое сочинение должно: (а) сообщать о действительно имевших место событиях и (б) сообщать о них в том порядке, в котором они произошли»³⁶), не являются достаточными, чтобы удовлетворяющая этим условиям текстовая последовательность воспринималась именно как историческое сочинение. Так, в предложении «Нарамсин построил Храм солнца в

---

³⁴ Данто А. Аналитическая философия истории. — М.: Идея-Пресс, 2002. С. 72.

³⁵ Там же. С. 72.

³⁶ Там же. С. 115.

Сиппаре, затем Филипп III (Испанский) изгнал морисков, затем Хусто Хосе де Уркиса разбил войска Буэнос-Айреса при Сепеде, затем Артур Данто проснулся в семь часов утра 20 октября 1961 года»³⁷ перечислены имевшие место события в хронологическом порядке, но на фрагмент исторического сочинения оно не похоже.

Чего же не хватает? Добавив еще одно необходимое условие («(с) оно должно объяснять произошедшие события»), А. Данто показывает, что и этого недостаточно: «Нарам-син построил Храм солнца в Сиппаре вследствие давления, которое оказывали на него жрецы; затем Филипп III (Испанский) изгнал морисков из-за их религиозных убеждений; затем Хусто Хосе де Уркиса разбил войска Буэнос-Айреса при Сепеде, поскольку его армия была лучше вооружена; затем Артур Данто проснулся в семь часов утра 20 октября 1961 года, поскольку он хотел пораньше начать осмотр раскопок Черветери»³⁸ — объяснения добавлены, но перед нами по-прежнему явно не фрагмент исторического повествования.

Для повествования требуется нечто большее: «любое повествование — это структура, налагаемая на события, которая одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения»³⁹. Отбор того, что важно, и того, что с ним связано, — этот критерий приближает нас к пониманию того, что такое повествование, но повествование вообще, а не **историческое** повествование. Отбор значимых событий и лиц для исторического повествования, с точки зрения Данто, производится по следующим критериям:

1) Прагматическое значение (историк отбирает для повествования те события и тех действующих лиц, которые представляют для него моральный интерес, и дает им моральную оценку).

2) Теоретическое значение: «Последовательность событий может иметь значение для исследователя, поскольку он рассматривает эти события как

---

³⁷ Там же. С. 115.

³⁸ Там же. С. 115—116.

³⁹ Там же. С. 129.

иллюстрации или свидетельства в пользу некоторой общей теории, которую он стремится подтвердить или опровергнуть»⁴⁰.

3) Значение в свете последствий: «Событие E можно назвать значимым для некоторого историка H, когда E имеет важные, с точки зрения H, последствия»⁴¹.

4) Раскрывающее значение: «Совокупность событий E имеет значение для историка, если на их основе он может восстановить ход других событий или хотя бы сделать вывод о том, что они имели место»⁴².

Таким образом, само повествование становится способом организации событий, а историк обретает «вовлеченность» в это повествование с позиции интерпретатора. Важность приобретает критерий отбора событий и придания им значимости, и с этой точки зрения более подробное повествование может уступать менее детализированному, но лучше соответствующему указанным принципам отбора.

Историк выигрывает у двух вымышленных Данто фигур: у Идеального Хрониста, обладающего записями всех когда-либо произошедших событий, сделанными сразу в момент этих событий, и у Идеального Свидетеля, присутствовавшего какому-либо событию и его непосредственно наблюдавшему. По сравнению с ними историк обладает знанием будущего, с позиций которого он отбирает и интерпретирует события прошлого для своей истории: «Вся истина о событии может быть открыта лишь позже, а зачастую намного позже самого события, и эту часть истории могут рассказать только историки... Идеальный свидетель слеп. Если не обращаться к будущему и не выходить за рамки того, что может быть сказано о случившемся сразу, как оно случилось, даже в 1618 г. невозможно было бы написать: «Вот начинается

---

⁴⁰ Там же. С. 130—131.

⁴¹ Там же. С. 131.

⁴² Там же.

тридцатилетняя война», если эта война была так названа именно за ее продолжительность⁴³.

Ущербность вымышленных Идеального свидетеля и Идеального хрониста, которые непосредственно наблюдают и записывают события в момент их осуществления, обнаруживается и при лингвистическом взгляде на содержание их записей. Когда Идеальный свидетель и Идеальный хронист «видят», что *человек берет и поворачивает отвертку*, они так и записывают, тогда как человек хочет *отремонтировать радио*. Анализируя ситуации типа постройки корабля или посадки розы («Виды деятельности, которые охватывает выражение «сажать розы», включают вскапывание земли, внесение в нее удобрений, посадку семян, а также покупку лопаты и семян и даже пролистывание каталога семян и обращение за помощью к опытному садоводу»⁴⁴), Данто делит глаголы на глаголы простых действий и «глаголы проектов». Там, где Идеальный хронист фиксирует обозначения простых действий, историк имеет возможность вникнуть в смысл произошедшего постфактум и обозначить «проект».

Учитывая эти и другие аргументы, Данто приходит к выводу, что историческое повествование (нарратив), одновременно всегда является и объяснением, и постулирует важность исторического нарратива и языковых средств его создания в следующей формулировке: «Роль повествований в истории должна быть теперь ясна. Они используются для объяснения изменений и, что наиболее характерно, широкомасштабных изменений, охватывающих периоды времени, огромные по сравнению с отдельной человеческой жизнью. В задачу истории входит выявить эти изменения, организовать прошлое во временные целостности и объяснить эти изменения, одновременно рассказывая о том, что произошло, и используя временную перспек-

---

⁴³ Там же. С. 147.

⁴⁴ Там же. С. 155.

тиву, отражаемую в языке в виде нарративных предложений»⁴⁵. Нарратив — лучшая реализация задач истории.

Исторический нарратив уже анализировался с коммуникативной точки зрения, однако не лингвистами, а философами. Так, А.А. Эльдарион предлагает понимание исторического нарратива как «продукта, конструированного структурой коммуникации»⁴⁶: «Исторический нарратив работает не столько на отображение содержания события, сколько на коммуникативный аспект, т.е. на передачу сообщения о событии»⁴⁷, причем целью передачи сообщения о событии является «нахождение взаимопонимания, согласия и преодоление разногласий». Для этого от автора-историка требуется особая позиция по отношению к повествуемому и к адресату коммуникации. Опираясь на концепцию Дильтея, в которой в качестве главного орудия исторического познания выдвигается переживание⁴⁸, автор указывает на необходимость для историка-нарратора занять «внутреннюю позицию» по отношению к своему нарративу: «События далекого прошлого становятся понятными, обретают смысл и значимость, когда мы внутренне переживаем их так, как если бы они случились в настоящем. Сопереживание и вчувствование, в это своеобразное понимание жизни у разных исторических персонажей, позволяет пережить состояние присутствия и передать его другим. Сопереживать и чувствовать можно только через включенный, субъективный рассказ, сухое отстраненное перечисление «беспристрастного автора» не дает нужного результата, здесь можно говорить об историческом понимании, которое опосредованно нарративом»⁴⁹.

---

⁴⁵ Там же. С. 241.

⁴⁶ Эльдарион А.А. Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2017. — Т. 6, № 3А. — С. 170—177.

⁴⁷ Там же. С. 171.

⁴⁸ Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / Пер. с нем. под ред. В.А. Куренного. — М.: Три квадрата, 2004. — С. 125.

⁴⁹ Эльдарион А.А. Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2017. — Т. 6, № 3А. — С. 170—177. С. 173.

В связи с этим особое значение приобретают адресованность исторического нарратива и позиция читателя, который должен быть способен к «коммуникативному согласию эмоционального толка, построенному на эмпатическом вчувствовании и понимании»⁵⁰.

О важности для исторического нарратива позиции читателя, для которого не безразлично, каким способом данные «организованы в текст», пишет и А.Л. Стризое: «Поскольку знание представляет собой осмысленную, усвоенную и переработанную субъектом информацию, то знакомство с текстом ставит перед нами двойную задачу: выявить процесс кодирования информации, надления ее смыслом, произведенным автором (историком), независимо от того, задан он данными источников или способами их организации в текст; а также сформировать собственное отношение к авторскому тексту, то есть произвести или хотя бы обозначить попытку собственного перекодирования (переинтерпретации) представленных в нем исторических фактов. Обе процедуры анализа — и автора текста, и читателя — для нас, в сущности, идентичны: в обоих случаях сознание предлагает наделить факты источника определенным смыслом, связывая их друг с другом»⁵¹. Если читателем является ученый-историк, он уже владеет всеми необходимыми процедурами декодирования (перекодирования), если же, как в нашем случае, — студент, только осваивающий законы профессиональной коммуникации, то для него процедуры понимания текста, особенности функционирования в нем тех или иных языковых элементов, текстовые тактики автора являются не такими ясными.

В заключение этого параграфа следует отметить, что «лингвистический переход» и нарративное понимание истории являлись и являются предметом дискуссий, в которых историки и философы пытаются определить статус ис-

---

⁵⁰ Там же. С. 175.

⁵¹ Стризое А.Л. Исторический текст как научный нарратив // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2012. — № 2. — С. 172—177. С. 173.

тории между наукой и искусством, а ее объяснительных механизмов — между законом (теорией) и «литературой» (текстом). Изложение этих дискуссий не входит в задачи нашей работы, мы рассматриваем историческое время и пространство с лингвистических позиций в рамках нарративного понимания истории⁵².

1.1.2. Историческое время как «важнейший материал» историка и ключевая категория исторического текста

Время — это не просто ключевая категория исторического текста: «время — важнейший «материал», с которым работает историк»⁵³. Сам предмет истории определяется через лексему *время* либо другие слова, центральным семантическим компонентом которых является «время». В.О. Ключевский пишет: «На научном языке слово *история* употребляется в двояком смысле: 1) как движение во времени, процесс, и 2) как познание процесса. Поэтому всё, что совершается во времени, имеет свою историю. Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит исторический процесс, т.е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в её развитии и результатах»⁵⁴. Ему вторят современные авторы: «Предмет истории — изменение общества во времени как целого. Только при таком понимании предмета история может выполнять функцию интеллектуального фундамента наук об обществе, изучающих общество с какой-то определённой стороны, а чаще рассматривающих его как набор некоторых статичных состояний. Именно поэтому про-

---

⁵² Подробно о дискуссиях вокруг нарративного подхода см. в Олейников А.А. История — событие и рассказ: критический анализ философии нарративной формы: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. — М., 1999. — 171 с.; Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. — 2006. — № 4. — С. 45 — 54; Эльдарин А.А. Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2017. — Т. 6, № 3А. — С. 170—177; Эльдарин А.А. Исторический нарратив как форма существования исторической событийности: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 — Владивосток, 2019. — 24 с.

⁵³ Чеканцева З.А. Время историка // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад. — М., 2010. — С. 66—78.

⁵⁴ Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах: Том 1: Курс русской истории. Часть 1. — М: Политиздат, 1956. — 431 с. С. 14.

блема динамики исторического развития была и остаётся одной из важнейших в историческом познании. Ответ на вопрос о природе исторического времени, по сути дела, концептуальная основа для описания истории как процесса изменения общества во времени»⁵⁵.

Будучи фундаментальным понятием в области исторических и социальных наук, историческое время представляет собой сложное и многомерное явление, которое не ограничивается лишь линейной последовательностью событий, но имеет когнитивную, символическую и социальную значимость. Понимание исторического времени влияет на понимание истории в целом и общества⁵⁶.

Важным для целей нашей работы является разграничение, которое вводят И.М. Савельева и А.В. Полетаев в работе «Теория исторического знания»⁵⁷. Авторы показывают, что понятие исторического времени совмещает два подхода к времени, сформированные человечеством:

«Время-1», которое «представляется как некая среда, в которой происходит движение (изменение)», и

«Время-2» — «нечто движущееся (меняющееся)»⁵⁸.

Соответственно, «обращение к концепции «Время-1» выражается в попытках «заполнить» время событиями»⁵⁹, оно связано с фигурой «наблюдателя», модусного субъекта, организующего эти события в хронологии и способного мыслить о них одновременно. «Время-2» связано с действующими субъектами исторического процесса, для которых и мимо которых оно неумолимо течет из прошлого в будущее (в этот процесс вовлекается и мо-

---

⁵⁵ Калимонов И.К., Байтеева М.В. Понятие «историческое время» и творчество историка: взгляды П. Рикера и Р. Козеллека // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 153. — № 3. — С. 255—266.

⁵⁶ Далее обзор работ дается с опорой на нашу статью: Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С. 9—19.

⁵⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. — СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. — 523 с.

⁵⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. — СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. — 523 с. С. 61.

⁵⁹ Там же. С. 69.

дусный субъект — историк постольку, поскольку мимо него время также протекает).

Таким образом, «Время-1» и «Время-2» являются двумя позициями, с которых может концептуализироваться историческое время. Находясь в режиме «Время-1», историк обладает способностью как бы одновременно видеть происходившие в разные хронологические моменты события и оперировать ими. Эта позиция, как указывал А. Данто⁶⁰, отличает историка от Идеального свидетеля, наблюдающего некое событие непосредственно, но лишенного представления о прошлом и будущем, и от Идеального Хроникера, фиксирующего все события «по мере их поступления», поэтому также ограниченного в их осмыслении и структурировании.

Историческое время не равно времени календарному: длительный период календарного времени может оказаться практически ничтожен в историческом смысле, при этом за незначительный отрезок календарного времени общество может проделать огромный путь во времени историческом. Историческое время социально и «опредмечено» конкретно-исторической деятельностью людей. Календарное время однократно и однонаправленно, в историческом — возможны цикличность, повторяемость, «движение вспять»⁶¹. Как и календарное время, время историческое состоит из моментов и интервалов, но его моменты и интервалы также обладают его сущностными свойствами.

Действительность историческому времени придает именно его социальный характер: «Историческое время — это, прежде всего, время истории как реального процесса, содержанием которого являются события, из которых соткана жизнь человечества, отдельных народов, социальных групп и общностей, отдельных индивидов, событий, за которыми стоят действия людей,

---

⁶⁰ Данто А. Аналитическая философия истории. — М.: Идея-Пресс, 2002.

⁶¹ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. — М., 1984.

их стремления, интересы, цели, чувства...»⁶². Историческое время отражает и непрерывность жизни общества, и ее дискретность, разделенность на интервалы⁶³.

И эта непрерывность, и эта дискретность, и другие свойства исторического времени придаются ему сознанием человека, который пишет историю. Историческое время — инструмент для создания **образа** прошлого⁶⁴. И.К. Калимонов и М.В. Байтеева, анализируя герменевтические подходы П. Рикёра и Р. Козеллека, подчеркивают важность вовлеченности историков в конструирование исторического времени⁶⁵. Н.В. Гриценко убедительно показывает, что для прояснения содержательной и концептуальной сущности исторического времени требуется обращение к анализу понятий «исторический факт», «историческое событие», «историческое изменение», изучение хронотопа и различение моментного и интервального компонентов времени, а также понимание того, что историческое время конструируется на основе понятия об «исторической ценности»⁶⁶. В социальном измерении З.А. Чеканцева различает субъективное и объективное восприятие времени, подчеркивая значимость времени как инструмента и контекста исторической работы. Историческое время выступает при этом как междисциплинарный объект⁶⁷.

Важным компонентом исторического времени является понятие о длительности.

П. Рикер видит отличие истории от других социальных наук в том, что она «делает акцент на изменении и на различиях и отклонениях, связанных с

---

⁶² Корягина Е.А. К проблеме определения исторического времени // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14. — № 2. — С. 538—542. С. 541.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Герасимов Г.И. Историческое время // Философия и культура. — 2018. — № 4. — С. 28—38.

⁶⁵ Калимонов И.К., Байтеева М.В. Понятие «историческое время» и творчество историка: взгляды П. Рикера и Р. Козеллека // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 153. — № 3. — С. 255—266.

⁶⁶ Гриценко Н.В. Историческое время в социально-философском контексте автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филос. н., специальность 09.00.11. — Таганрог 2004. — 24 с.

⁶⁷ Чеканцева З.А. Время историка // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад. — М., 2010. — С. 66—78.

изменениями». И изменения, и различия, и отклонения «имеют совершенно очевидную временную коннотацию»⁶⁸. Историк «конструирует свою иерархию длительностей»: от событий большой продолжительности, до краткосрочных и даже «точечных», моментальных. Он также пишет: «Использование историком этого множества длительностей диктуется тремя связанными между собой факторами: специфической природой рассматриваемого изменения — экономического, институционального, политического, культурного или какого-либо другого; масштабом, в котором оно берется историком, и, наконец, временным ритмом, соответствующим этому масштабу»⁶⁹.

Существенными моментами в формулировке Рикера являются указания на то, что:

- а) историк использует длительности,
- б) длительности представляют собой иерархизованное множество.

Что объединяет все перечисленные исследования, демонстрирующие общий современный вектор рассмотрения исторического времени?

«Во-первых, то, что в них историческое время понимается как продукт, с одной стороны, интеллектуальной деятельности историка, пишущего историю, (модусного субъекта), с другой — социальной деятельности субъектов исторического процесса, творивших историю (диктумных субъектов).

Во-вторых, то, что историческое время трактуется в них как время социальное, т.е. время событий, происходящих в социуме, шагов, которые этот социум делает в том или ином направлении, с той или иной скоростью, в определенной последовательности.

В-третьих, то, что, являясь когнитивным конструктом, историческое время включает не просто отражение реальности, но ее определенное понимание, в основе которого лежит интенция, целеполагание автора текста.

---

⁶⁸ Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. — 728 с. С. 256.

⁶⁹ Там же. С. 257.

Из сказанного вытекает целесообразность лингвистического анализа средств вербализации времени в историческом тексте, выходящего на уровень обобщений, касающихся тактик и стратегий порождающего текст субъекта»⁷⁰.

1.1.3. Понятие исторического пространства и его роль в историческом нарративе

В отличие от категории исторического времени, роль категории пространства в истории не всегда была очевидна. Бернар Гене, рассуждая в своем труде о средневековом подходе к истории, приводит две точки зрения на этот вопрос. Согласно первой, историческое пространство наряду с историческим временем является одной из важнейших категорий истории: «Если следовать Гуго Сен-Викторскому, историческое знание сводится к трем важнейшим моментам: «Люди, благодаря которым события происходят, место, где они происходят, и время, когда они происходят». Впрочем, это сказано уже у Цицерона: «факты требуют, чтобы мы точно соблюдали хронологический порядок и описывали места, где они случаются»⁷¹. При этом Гене сообщает, что, например, историки Средневековья «не испытывали настоятельной необходимости определиться в пространстве»⁷².

В современной исторической науке историческое пространство является одной из ключевых категорий, позволяющих осмыслить и структурировать исторический процесс. А. Данто пишет: «В большинстве случаев утверждения, высказываемые историками, могут рассматриваться как подробные ответы на вопросы, которые я называю «историческими»... Эти вопросы имеют вид: «Что произошло в x?», где x обозначает определенное место

---

⁷⁰ 83. Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С. 9 — 19. С. 12.

⁷¹ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. — М.: Языки славянских культур, 2002. С. 23.

⁷² Там же.

в определенный промежуток времени в прошлом»⁷³. При этом термин «историческое пространство» не сводится к месту в географическом или физическом смысле слова, он охватывает множество аспектов, начиная от географических и социальных и заканчивая временными и культурными. Важно отметить, что понятие исторического пространства продолжает развиваться и приобретать новые значения в контексте современных исследований.

В классическом понимании историческое пространство представляет собой определенную территорию, где происходят значимые исторические события. Это понятие тесно связано с географическим и природным пространством, поскольку условия среды оказывают непосредственное влияние на ход истории⁷⁴. Однако современное понимание исторического пространства выходит за рамки простой географической локализации. Оно включает в себя сложные взаимодействия между социальными, культурными и временными факторами, что делает его многоуровневым и многогранным понятием.

Одним из наиболее значимых аспектов является взаимодействие исторического пространства с понятием времени. В прошлом пространство часто воспринималось как статичный элемент, фиксирующий результаты исторических процессов, в то время как время играло ведущую роль в формировании событий⁷⁵. Однако в последние десятилетия исследователи начали переосмысливать эту взаимосвязь, утверждая, что пространство и время взаимозависимы и должны рассматриваться как единая система.

Социально-историческое пространство охватывает не только физические территории, но и социальные структуры, культурные традиции и политические реалии, которые формируются в результате взаимодействия различных факторов⁷⁶. Таким образом, историческое пространство становится не

---

⁷³ Данто А. Аналитическая философия истории. — М.: Идея-Пресс, 2002. — С. 110.

⁷⁴ Золотов В.И. Историческое пространство в современном историческом знании // Вестник Брянского государственного университета. — 2021. — № 3 (49). — С. 46—53.

⁷⁵ Боровкова О.В. Пространства исторической науки и их взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 394. — С. 79 — 83. С. 79 — 80.

⁷⁶ Там же. С. 82.

просто ареной для событий, но активным фактором исторического процесса, влияющим на его направление и развитие⁷⁷. Разумеется, указанные характеристики исторического пространства не могут не находить отражения в языковых средствах и тактических приемах построения исторического текста.

1.2. Методология лингвистического исследования способов конструирования исторического времени и пространства в историческом нарративе

1.2.1. Автоматизированный частотный анализ текста и его качественная интерпретация: степень применимости к нашему материалу

Актуальной задачей русистики является извлечение из учебников по данной дисциплине ее лексико-грамматической основы с исследовательскими целями (изучение концептуального каркаса данной дисциплины, дисциплинарной картины мира) и дидактическими целями (выявление понятий, представляющих особую важность и/или трудность для учащихся). Методика составления лексико—грамматической основы научной дисциплины принадлежит М.Ю. Сидоровой и реализована в работах ее учеников⁷⁸. Однако эта методика разработана на примере:

- а) естественнонаучных дисциплин;
- б) дисциплин, не включающих большое количество национально специфичных терминов и понятий.

---

⁷⁷ Золотов В.И. Историческое пространство в современном историческом знании // Вестник Брянского государственного университета. — 2021. — № 3 (49). — С. 46—53.

⁷⁸ Сидорова М.Ю., Шматко А.С. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии на русском языке: «лексический минимум» нового типа // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития: сб. материалов Междунар. науч. конференции. — Ереван: ЕГУ, 2019. — С. 670—675. Сидорова М.Ю., Шматко А.С. От «Лексического минимума» к «лексико-грамматической основе»: новый подход к представлению языка предметной области // Мир русского слова. — 2019. — № 3. — С. 83—92. Сидорова М.Ю., Шматко А.С., Певцов Д.Н. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии. — М.: Доброе слово и Ко, 2021.

Для дисциплины «История Китая» она потребовала адаптации с учетом особенностей дисциплины.

В данном исследовании перед нами стояла задача анализа категорий исторического времени и пространства в русскоязычных учебниках по истории Китая, а не создания лексико-грамматического минимума или частотного словника. Тем не менее количественные данные представляли для нас интерес в плане выявления а) факта присутствия той или иной лексической единицы в исследуемых текстах; б) наиболее частотных слов или сочетаний слов. С этой целью мы подвергли учебники по истории Китая, используемые в российских вузах, автоматизированному анализу с дополнительной ручной коррекцией и получили количественные результаты, т.е. составили частотные списки лексем и сочетаний лексем для каждого учебника и для всего массива текстов.

Общий объем текстового массива составил примерно 1 430 300 словоупотреблений («примерно» — поскольку существуют варианты трактовки слов с дефисным написанием и лемматизации).

В обработанный массив текстов входили следующие учебники:

1. Л.Н. Булдыгерова. История Китая⁷⁹;
2. Л.С. Васильев. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)⁸⁰;
3. Л.С. Васильев. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.)⁸¹;
4. Л.С. Васильев. Древний Китай. Т. 3. Период Чжаньго (V—III вв. до н.э.)⁸²;

---

⁷⁹ Булдыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 168 с.

⁸⁰ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с.

⁸¹ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII—V вв. до н.э.). — М.: Восточная литература, 2000. — 628 с.

⁸² Васильев Л.С. Древний Китай: в 3 т. Т. 3. Период Чжаньго (V—III вв. до н.э.). — М.: Восточная литература, 2006. — 679 с.

5. А.В. Меликсетов (ред.). История Китая. 2—е изд., испр. и доп. Авторы: Л.С. Васильев, З.Г. Лапина, А.В. Меликсетов, А.А. Писарев⁸³;
6. О.Е. Непомнин. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века⁸⁴;
7. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев (ред.) История Китая с древнейших времен до наших дней. Авторы: М.В. Крюков, Л.С. Переломов; Л.В. Симоновская, Э.П. Стужина, А.А. Бокщанин, З.Г. Лапина, М.Ф. Юрьев, С. Л. Тихвинский, В.И. Глунин, А.М. Григорьев⁸⁵.

Кроме того, были обработаны два переводных источника, не являющихся учебниками, которые в дальнейшем были исключены из анализа и использовались нами для научных сведений:

Д.Г. Грэй, пер. с англ. А.Б. Вальдман. История Древнего Китая⁸⁶;

Р. Крюгер, пер. с англ. Д. Воронин, Ю. Гольдберг. Китай. История страны⁸⁷.

Уже на первом этапе потребовалась большая ручная корректировка данных автоматизированного анализа текста, поскольку компьютер плохо справляется с китайскими именами собственными. В качестве стоп-листа был использован список из 2000 самых частотных слов по Новому частотному словарю русского языка⁸⁸. Помимо частотных списков лексем, содержащихся в изучаемых текстах, мы сформировали лексические семьи — группы одно-коренных слов.

---

⁸³ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с.

⁸⁴ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с.

⁸⁵ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с.

⁸⁶ Грэй Д.Г. История Древнего Китая / пер. с англ. А.Б. Вальдмана. — М.: Центрполиграф, 2006. — 598 с.

⁸⁷ Крюгер Р. Китай. История страны. — М.: Эксмо, 2008. — 543 с.

⁸⁸ Ляшевская О.Н., Шаров, С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М.: Азбуковник, 2009. — 1087 с.

Наше исследование лексического состава девяти учебников по истории Китая, используемых в российских вузах, показало, что эти тексты содержат богатый и разнообразный лексический материал, который отражает основные события, факты, идеи и концепты китайской истории.

Самым частотным ожидаемо оказалось имя собственное *Китай*, которое встречается 7587 раз. Однако значение этого слова менялось в разные исторические периоды и в разных культурных контекстах. Российский востоковед М.Ю. Ульянов в своей лекции, посвященной периодизации истории Китая, отмечает: «Известно, что историки рассматривают все явления в категориях пространства и времени. Периодизация — это способ членения исторического времени. Но прежде, чем углубляться в периодизацию, необходимо сказать о пространстве — что же такое Китай. Сейчас Китай — это огромное государство, которое занимает большую часть Восточной Азии, но историки знают, что в древности размеры территории, где жил государствообразующий этнос, были значительно меньше» <https://postnauka.org/video/45458> .

Это высказывание является конкретной иллюстрацией более общего положения, которое мы должны учитывать при анализе текстов. Референт имени собственного или нарицательного в истории Китая может быть не равен себе, если речь идет о разных эпохах. В первую очередь это касается самого названия *Китай*, которое обозначает определенную территорию, населенную китайцами, а также государственное образование, которое управляет этой территорией. Однако границы, форма правления и роль Китая в мировой политике не были постоянными и подвергались влиянию различных факторов, таких как войны, революции, экономический рост и т.д. Например, в древности Китай был раздроблен на множество враждующих государств, а в XX веке он пережил колониальное разделение, гражданскую войну и коммунистическую революцию. Сегодня Китай является одной из ведущих держав мира, обладающей ядерным оружием, космической программой и огромным экономическим потенциалом.

Другие высокочастотные слова в исследуемых учебниках также отражают важные события, персонажей, институты и взаимоотношения в китайской истории.

Таблица 1. Наиболее частотные лексемы в исследуемых текстах (за вычетом 2000 самых частотных слов русского языка)

1. Китай	7587
2. китайский	4466
3. правитель	2636
4. царство	2471
5. император	1839
6. ван	1755
7. провинция	1723
8. империя	1616
9. династия	1483
10. цинский	1474
11. цзинь	1299
12. крестьянин	1216

Как мы видим, большинство слов первой десятки по частотности, следующие за словами *Китай* и *китайский*, являются именами, относящимися к высшему управлению государством, включая три именованя правителя (*правитель, ван, император*). Часть этих слов являются специфичными для истории Китая, часть — входят в общелитературный русский язык. Но русские студенты, изучающие историю Китая, должны иметь в виду, что значения, казалось бы, одних и тех же слов, знакомых им по истории России и входящих в тексты по дисциплине «История Китая», не совпадают: за словами *правитель, царство, император, древний* и многими другими в истории России и истории Китая стоят принципиально разные референты, и нельзя переносить представления из русской истории на историю Китая.

Сравним также понятия *Древний Китай* и *Древняя Русь*, сочетающие темпоральный (*древний*) и пространственный (*Китай, Русь*) компоненты. Это две великие цивилизации, которые занимают важное место в мировой истории. Понимание их исторических рамок важно для исследователей, которые хотят узнать больше о периодах развития и культурных различиях между этими народами. *Древний Китай* и *Древняя Русь* различаются не только географически, но и с временной точки зрения.

При всей вариативности определения хронологических рамок *Древнего Китая*⁸⁹, он локализуется в гораздо более далеком от нас временном пласте, чем *Древняя Русь* (IX—XIII вв.). Так, с точки зрения М.Е. Кравцовой, которая опирается в периодизации истории Китая на тип государственности, характер социально-экономических отношений и развитость культурных форм, Древний Китай — это фаза истории Китая между архаическим Китаем (с раннего палеолита до возникновения государственности) и традиционным Китаем (III в. — 1912 г.)⁹⁰. Таким образом, Древний Китай объединяет «период ранних государств (эпохи Шан-Инь, XVI—XI вв. до н.э., и Чжоу, XI—III вв. до н.э.) и период ранних империй (эпохи Цинь и Хань, III вв. до н.э. — III вв. н.э.)»⁹¹.

Также следует учесть, что параметр древности относительно Китая имеет особое ценностное значение. Как отмечает Л.С. Васильев в начале своей истории Древнего Китая: «История Китая уходит корнями далеко в глубь веков. Длительность и непрерывность ее на протяжении ряда тысячелетий, весьма заметные на фоне истории многих других современных народов, во многом объясняются как мощью историко-культурной традиции, так и спецификой последней, прежде всего гипертрофированным почтением китайцев к своему прошлому. Китай в этом смысле — явление уникальное» разительно отличающееся, скажем, от соседней с ним Индии. Он — страна истории,

---

⁸⁹ Ульянов М.Ю. Заметки о новой книге по истории Древнего Китая (на пути к созданию академической истории) // Общество и государство в Китае. — 2014. — Т. 44, № 2. — С. 518—559.

⁹⁰ Кравцова М.Е. История культуры Китая. — СПб.: Лань, 1999. — 416 с. С. 39.

⁹¹ Там же.

страна высокопочитаемых предков и тщательно изучавшихся преданий старины. Заботливо фиксировавшиеся в многочисленных письменных памятниках деяния древних и события прошлого, особенно далекого прошлого, — вот первое, с чем обстоятельно знакомилось каждое новое, входившее в жизнь поколение, чему прежде всего и главным образом учили в школе. Больше того, именно знание истории, преданий старины, мудрости почти обожествленных древних правителей и мыслителей было не только критерием образованности, но и залогом успеха в продвижении по службе, в обретении способными и амбициозными престижа, авторитета, власти»⁹² В этом отношении, как отмечает Васильев, Китай разительно отличается даже от Индии, «древность цивилизации которой сопоставима с китайской, а интеллектуальный потенциал поистине неизмерим»⁹³. У русских также отсутствует подобное отношение к Древней Руси («очень древнее, следовательно ценное»). Русский студент должен извлечь из учебника по истории Китая не просто знания об исторических границах Древнего Китая и изменениях его географических и политических границ, но и особую ценностную характеристику.

Подобные особенности не могут быть выявлены количественным анализом, поэтому количественный анализ непременно дополняется качественным, который представляет собой сочетание анализа контекстов с привлечением словарей и энциклопедических источников.

1.2.2. Применение инструментов коммуникативной грамматики для анализа текстов учебников по истории Китая

Вопрос о применении коммуникативно-грамматического инструментария для анализа учебных текстов в целом и исторических в частности в последние годы приобрёл особую актуальность. Причина этого кроется в из-

---

⁹² Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с. С. 5.

⁹³ Там же.

менении парадигмы лингвистического анализа: внимание филологов движется уже не просто от отдельных языковых единиц и категорий к их функции в предложении, но от предложения к тексту в целом. Как отмечает О.Ф. Кривнова: «Исследовательский фокус смещается от изолированной структуры предложения к его функциональной нагрузке в тексте и к его роли в реализации коммуникативного намерения»⁹⁴.

В рамках данной работы под коммуникативно-грамматическим инструментарием мы будем понимать совокупность понятий и процедур, предложенных в трудах Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой и других ученых школы Г.А. Золотовой, а также в рамках практикоориентированной научной школы М.В. Всеволодовой⁹⁵ (в частности в работах Ф.И. Панкова⁹⁶). Эти научные школы объединяет интегральный, антропоцентрический подход к языку, в котором отдельные единицы и категории интерпретируются как включенные в текстовую целостность для реализации стратегии (замысла) автора, с учетом субъектной перспективы текста и движения (развития) в нем содержания — последовательности действий, мыслей и т.д.

Одним из базовых положений теории коммуникативной грамматики является опора на трехмерность языковой единицы, взаимосвязанное рассмотрение ее формы, значения и функции⁹⁷. Соответственно операции «селекции и комбинации» (Р.О. Якобсон), выполняемые автором при построении предложения и текста являются не просто актом формирования грамматического высказывания, но выражением коммуникативного намерения субъекта. Через изучение этих операций с конкретными языковыми единицами и категориями мы можем приблизиться к пониманию интенции автора, и наоборот

---

⁹⁴ Кривнова О.Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» опыт теоретико-экспериментального исследования: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19. — М.: МГУ, 2007. — 53 с. С. 1.

⁹⁵ Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. — М.: Издательство Московского университета, 2000. — 502 с.

⁹⁶ Панков Ф.И. Выражение временных отношений // Книга о грамматике. — СПб., 2018. — С. 253—281. Панков Ф.И. Категория наречной темпоральности и ее речевые реализации // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. — М., 1997. — Вып. 1. — С. 161—174.

⁹⁷ Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. — 2001. — Т. 2. — С. 107—121. С. 108—109.

— через интенцию автора мы можем интерпретировать выбор и сочетание языковых элементов образующих текст.

Этот взгляд соответствует и пониманию отношения исторического текста к исторической мысли у современных историков. И.П. Вейнберг отмечает, что, «научно-логическая историческая мысль не только применяет письменный способ фиксации и передачи прошлых состояний, но последний оказывает огромное воздействие на формирование и оформление научно-логической исторической мысли, причем в такой степени, что правомерно заключить: «Историописание — это процесс наделения значением (или, наоборот, отрицания значения) явлений действительности»⁹⁸»⁹⁹.

Такой подход отражен в четырехступенчатой модели анализа текста Г.А. Золотовой, в которой мы можем двигаться в обоих направлениях: подниматься от конкретных языковых средств к замыслу автора или спускаться от замысла к языковым средствам¹⁰⁰.

Переход от рассмотрения «текста как сообщения» к «тексту как коммуникативному действию» позволяет углубить понимание учебного исторического текста как текста, реализующего далеко не нейтральную передачу информации, а направленного на формирование смыслов и отношений. Так, автор учебника может в разных его фрагментах выступать с более объективной или с выражено субъективной позиции.

Ср., например, два утверждения из учебников Л.Н. Булдыгеровой «Непрерывность развития китайского очага культуры, его этнических и политических традиций — одна из важнейших особенностей истории Китая»¹⁰¹ и Л.С. Васильева: «Историческая память в этой стране исключительна: зафиксированы мелкие и мельчайшие детали как важных, так и весьма второсте-

---

⁹⁸ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. — М., 1984. С. 57.

⁹⁹ Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. — М.: Еврейский университет, 1993. — 350 с. С. 11.

¹⁰⁰ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с.

¹⁰¹ Булдыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 168 с. С. 3.

пенных событий»¹⁰². В первом случае автор хотя и использует оценочное прилагательное *важнейший*, но формулирует свое высказывание в биниминативной конструкции, в которой места подлежащего и сказуемого занимают абстрактные имена (*непрерывность* и *особенности*), как историческую аксиому, стремится к объективизации знания. Л.С. Васильев в предложении, где место субъекта занимает опять же абстрактное имя (*память*) использует пять прилагательных с оценочным компонентом значения (*исключительна, мелкие и мельчайшие, важные, второстепенные*), наречие степени *весьма* и прием градации. Очевидна его ориентация на субъективизированную подачу материала, более открытую демонстрацию авторской позиции: он оценивает историческую память в Китае.

Подчеркнем, что, по нашим наблюдениям, нельзя говорить о том, что у одних авторов преобладает первый, а у других — второй способ сообщения исторического знания. Напротив, степень эксплицированности авторского начала, проявления модусной позиции историка варьируется в разных частях одного и того же текста: какая-то информация подается как объективная, маркируя текст как строгий академический дискурс, а в других случаях автор щедро расставляет знаки своей субъективной оценки. Для этого у него существует большой выбор языковых средств разных уровней — лексических и грамматических.

Далее мы рассмотрим в применении к исследованию исторического текста три главных инструмента коммуникативной грамматики:

- 1) субъектная перспектива текста;
- 2) система коммуникативных регистров;
- 3) таксисная организация текста.

В связи с подавляющей монорегистровостью исследуемых текстов (информативный регистр) мы более подробно остановимся на первом и тре-

---

¹⁰² Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с. С. 5.

тьем инструментах, тем более, что они соотносятся с двумя значениями слова «история», релевантными для нашего материала: «история — это последовательность событий, ситуаций и процессов в предшествующем развитии общества, т.е. в прошлом, и история — это отражение, исследование и описание этих событий, ситуаций и процессов в прошлом¹⁰³. Таксис — это способ организации «последовательности событий, ситуаций и процессов» в линейной последовательности вербального текста. А субъектная перспектива раскрывает закономерности отражения этих событий, ситуаций и процессов через призму сознания историка, организующего текст.

Субъектная перспектива текста

Важным аспектом коммуникативно-грамматического анализа текста является исследование его **субъектной перспективы**, то есть «размещения» самого автора, других упоминаемых им носителей точки зрения, адресата и внутритекстовых субъектов — «персонажей», или действующих лиц, истории в разных зонах диктума или модуса¹⁰⁴.

Категория субъекта непосредственно связана с темпоральностью: «Темпоральность (или языковое время) — это отражение реального времени, проецируемого нашим сознанием и передаваемое средствами языка. Будучи особой формой познания мира, темпоральность опирается на различные морфологические, синтаксические, лексические и прочие средства языкового выражения времени и представляет не течение времени, а ту последовательность событий, которая рассматривается с точки зрения говорящего. Точка зрения говорящего является неизменным исходным пунктом выражения

---

¹⁰³ Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. — М.: Еврейский университет, 1993. — 350 с. С. 9—10.

¹⁰⁴ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с. Золотова Г.А. Синтаксический словарь русского языка. — М., 1988.

временных отношений... В конечном счете именно от говорящего зависит способ представления событий: время задается позицией говорящего»¹⁰⁵.

В качестве модусного субъекта (субъекта мысли и/или речи) могут выступать:

1) сам автор, варьирующий свою самостоятельность как нарратора (часть информации он подает, не сопровождая ее ссылками на других субъектов речи/мысли, указанных далее в п. 2) и 3), часть информации передает «с чужих слов») — примеры см. ниже;

2) другие историки, ученые, специалисты — см. пример в п. 4) ниже;

3) источники исторического знания (атрибуированные и анонимные, воспринимающиеся как достоверные или вымышленные) — хроники, предания, легенды и т.п. — пример см. ниже в таблице;

4) адресаты исторических текстов — реальный читатель учебника и потенциальные получатели исторического знания: *В наши дни, в конце XX в., история и культура древнего Китая уже не только неплохо изучены специалистами; но и достаточно хорошо известны широкой публике* (В);

5) действующие лица истории, точка зрения которых может передаваться автором с опорой на документы или домысливаться, например, на основе их действий — пример см. ниже.

В качестве диктумных субъектов (носителей предсказуемых признаков — действий, качеств, состояний и т.д., а также субъектов-каузаторов) выступают действующие лица истории.

Рассмотрим с точки зрения субъектной перспективы фрагмент из учебника О.Е. Непомнина, посвященный 70—90-х годам XIX в. Композиционно он делится на три части (средняя выделена квадратными скобками):

«Видя это {политику династии Цин}, передовая часть шэньши и старой интеллигенции все настойчивее требовала реформ. [Одно за другим

---

¹⁰⁵ Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 — М., 2000. — 421 с. С. 22.

возникали «научные ассоциации» для изучения экономических и научных достижений стран Запада. Эти клубы строились по земляческому признаку — уроженцы той или иной провинции объединялись в свою ассоциацию. К апрелю 1898 г. в Пекине возникло восемь таких организаций. Кроме того, было создано патриотическое общество «Союз познавших позор». В середине апреля 1898 г. Кан Ювэй и его окружение основали в Пекине всекитайское общество патриотов и сторонников реформ — «Союз защиты государства» («Баогохуэй»). В Пекине и Шанхае находились центральные отделения Союза, а во всех провинциях и округах — его отделения.] Эти умеренные реформаторы все свои надежды возлагали на 28-летнего императора Цзайтяня. Кан Ювэй продолжал направлять во дворец все новые меморандумы с призывом к реформам и с критикой существующего положения. Реформаторы намеревались соединить традиционную бюрократическую основу общества с «обновленным» конфуцианством. Они рассчитывали укрепить страну, проводя политику протекционизма и поощрения национального капитала, просвещения и восстановления международного престижа Китая» (Н)¹⁰⁶.

В этом фрагменте в позиции темы (и субъекта) во всех предложениях выступают умеренные реформаторы (передовая часть шэньши и старой интеллигенции), их лидер Кан Ювэй и создаваемые ими общества.

В первом предложении реформаторы выступают в качестве субъекта мысли/речи, негативно относящегося к политике династии Цин и выражающего это отношение через требование реформ. Здесь автор сосредоточен на состоянии сознания субъектов истории, то есть на модусном плане.

Далее идет часть, в которой повествуется о создании различных обществ и их местонахождении — автор полностью сосредоточивается на диктумном плане.

---

¹⁰⁶ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 486.

В третьей части фрагмента автор возвращается к модусному плану, он сообщает не о действиях субъектов (из четырех предложений, только одно, с предикатом *продолжал направлять меморандумы*, относится к акциональному типу), сколько об их отношении к ситуации и об их намерениях. Намерения субъектов истории — осуществленные или не осуществленные — важные элемент исторического нарратива. Сообщение о них помогает раскрыть исторический процесс как результат действия разнонаправленных исторических сил.

Не случайно частотность глагола *намереваться* в нашем массиве текстов равна 33,35 ipm (употреблений на миллион словоупотреблений) против 12,8 ipm в Новом частотном словаре¹⁰⁷, а частотность глагола *рассчитывать* — 110,47 ipm против 58,2 (частотность *надеяться* — 59,75 ipm — уступает данным по Новому частотному словарю — 137,1, но это объяснимо различием в семантике глаголов: *намереваться* и *рассчитывать* подразумевают большую активность субъектов истории по реализации их намерений на практике).

В рассмотренном фрагменте, относящемся к не столь далеким от нас временам (70—90-х годам XIX в.), автор выступает как самостоятельный носитель исторического знания, не приводит никаких ссылок на документы, не апеллирует к другим историкам или источникам. Его позиция — это позиция полновластного нарратора, которому известны не только дела, но и мысли его героев.

Совершенно по-другому, с точки зрения субъектной перспективы, строится фрагмент исторического повествования, в котором автор считает нужным подкрепить информацию ссылками на источники. Приведем фрагмент из учебника Л.С. Васильева¹⁰⁸, посвященный Му-вану, жившему в

---

¹⁰⁷ Ляшевская О.Н., Шаров, С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М.: Азбуковник, 2009. — 1087 с.

¹⁰⁸ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с. С. 289.

947—928 годах до н.э. Модусный план здесь явно превалирует над диктумным.

Автор	<i>Об этом можно было бы и не упоминать в историческом очерке о событиях начала Чжоу, но необходимо считаться с высокочтимой в Китае традицией (В).</i>
Читатель	<i>Читатель должен знать, что... (В)</i>
Источники (древние тексты, традиция, предание...)	<i>«... Древние тексты связывают определенные идеи (из упомянутой схемы главы «Юй гун») именно с Му-ваном. Та же традиция, на сей раз литературная, мифологическая, приписывает Му-вану, как уже упоминалось [модус автора], и поездку на далекий запад к легендарной Сиван-му, в саду которой, по преданию, растут персики бессмертия. Но и это еще не все. Древнекитайские источники связывают с правлением Му-вана и еще одно весьма важное событие» (В)¹⁰⁹.</i>

Следует отметить, что авторский модус представлен, как правило, без экспликации авторского Я посредством местоимений первого лица. Высказывания, в которых автор обозначает себя личным местоимением, типа *Ответа на подобный вопрос у меня нет (В)* крайне редко встречаются в нашем материале, что обусловлено жанровыми конвенциями русского учебно-научного текста. Очевидно, что приведенный пример не воспринимается как типичный для жанра университетского учебника.

При этом нельзя отрицать важнейшую организующую роль авторского сознания в историческом тексте, которую Р. Дж. Коллингвуд характеризует следующим образом: «... Пропасть между историком и его объектом должна заполняться с обеих сторон. Объект должен быть объектом такого рода, чтобы он мог воскреснуть в уме историка; ум историка должен быть таким, чтобы он смог стать местом этого воскресения. Все это не означает, что его ум должен обладать какими-то строго определенными качествами, историческим тем-

¹⁰⁹ Там же.

пераментом; в равной мере это не значит, что ум историка должен быть натренирован в специальных правилах исторического метода. Это значит лишь то, что он должен быть подходящим человеком для изучения своего предмета. Предмет, изучаемый им, — определенная мысль, а ее изучение связано с ее воспроизведением в нем самом. Но чтобы это могло произойти в его собственном мышлении, его мысль фактически должна быть расположена к тому, чтобы стать вместилищем другой»¹¹⁰. Именно «способность не смотреть на объекты извне, а вновь переживать их и делает историка квалифицированным судьей»¹¹¹, по мнению Коллингвуда.

Система русского языка предоставляет историку большое количество разнообразных средств для оформления отсылок к источникам. Среди них:

1) двусоставные предложения с именовани­ем источника в позиции субъекта (*древние тексты, традиция, древнекитайские источники, Сыма Цянь, последующие политики и историографы древнего Китая, надписи* и т.п.) и глаголом рече­мыслительной деятельности (*связывать, приписывать, писать, знать, сообщают, свидетельствуют* и т.п.) в предикате;

2) предложения, в которых именовани­е источника оформлено как локативная синтаксе­ма, а позицию предиката занимает авторизационный глагол (*в надписях говорится, в хронике не уделяется внимания*);

3) предложения, в которых соотносятся данные разных источников (*источник X подтверждает источник Y, дает основания для переоценки источника Y*);

4) предложения с темпоральным локализатором источника (*Одно из первых упоминаний подобного рода относится к 574 г. до н.э. (В)*);

5) авторизирующие предложно-падежные синтаксемы типа *по преданию*;

6) полипредикативные распространения предложений, включающие глаголы рече­мыслительной деятельности (*как обрисовано в более поздней*

---

¹¹⁰ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. и коммент. Ю. А. Асеева. — М.: Наука, 1980. — 485 с. С. 291.

¹¹¹ Там же. С. 313.

историографической традиции, как явствует из капитального исследования Г. Крила, насколько можно судить по данным различных источников, судя по материалам источников).

Большое количество и разнообразие таких отсылок в тексте учебника по истории обусловлены спецификой истории как науки. И.П. Вейнберг отмечает, что «историк, как правило, не встречается непосредственно с предметом своего изучения — человеком и человеческим обществом прошлого, а знакомится с ними лишь по оставленным ими следам, т.е. по историческим источникам. Большинство источников, особенно письменные, фиксируют событие или явление уже *post factum*, после того, как оно произошло, что обуславливает неизбежное и необходимое отношение к нему, его осмысление и оценку тем, кто осуществляет фиксацию данного события или явления»¹¹². Аналогично говорит об особенностях истории М. Блок: «Историк как таковой... начисто лишен возможности лично установить факты, которые он изучает. Ни один египтолог не видел Рамсеса. Ни один специалист по наполеоновским войнам не слышал пушек Аустерлица. Итак, о предшествовавших эпохах мы можем говорить лишь на основе показаний свидетелей. Мы играем роль следователя, пытающегося восстановить картину преступления, при котором сам он не присутствовал, или физика, вынужденного из-за гриппа сидеть дома и узнающего о результатах своего опыта по сообщениям лабораторного служителя. Одним словом, в отличие от познания настоящего, познание прошлого всегда будет "непрямым"»¹¹³. Но важно понимать, что таким «непрямым» является познание всех исторических фактов, а экспликация этой непрямоты путем ссылок на источники и других ученых — это предмет авторского выбора ученого, одна из его текстовых тактик.

Важность анализа субъективной перспективы в историческом нарративе связана с необходимостью объяснения не только деятельности автора, по-

---

¹¹² Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. — М.: Еврейский университет, 1993. — 350 с. С. 4—5.

¹¹³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М.: Наука, 1986. — 254 с. С. 69.

рождающего текст, но и деятельности читателя по декодированию этого текста, извлечения из него смысла. В зоне диктума главное для читателя — определить, какому субъекту какой признак (действие, состояние и т.п.) приписывается, в зоне модуса — «прочитать» отношение субъекта к сообщаемому факту (например, оценку действия как позитивного или негативного, с исторической точки зрения, своевременного или несвоевременного) или способ его познания. Покажем это на примерах, которые мы проанализируем в порядке возрастания роли модусного компонента и усиления экспликации субъектной позиции историка.

(1) *Гуан У-ди активно преследовал практику порабощения людей и даже освободил казенных рабов, преступников—каторжников и большинство частных рабов, которым тоже были предоставлены земельные наделы* (Б).

Здесь Гуан У-ди (китайский император, основатель династии Восточная (Поздняя) Хань) выступает как основной диктумный субъект истории, ему приписываются предикаты *преследовал* и *освободил*. В предложении имеются еще два диктумных предиката *порабощение* и *были предоставлены*, субъекты которых не указаны. Очевидно, что субъектом предиката *порабощение* является не Гуан У-ди, тогда как субъектом предиката *были предоставлены*, скорее всего, является он. Но автору нужно не только сообщить нам о диктумных действиях императора, но и добавить некоторые модусные акценты. Использование наречия *активно* придаёт предикату дополнительную экспрессивную окраску, подчеркивая инициативность субъекта. Частица *даже* выполняет функцию прагматического акцента: она организует релативное усиление, делая акцент на неожиданности или исключительности действия. Следующая синтаксическая конструкция с последовательным перечислением *казенных рабов, преступников—каторжников и большинство частных рабов* формирует градацию, в которой последний элемент воспринимается как кульминация.

(2) «В целом после всех видов изъятий крестьянству (а фактически — почти только его податной половине) оставалось 11-14% произведенного им прибавочного продукта, тогда как доля «класса-государства» и частных рентополучателей, а также других эксплуататорских слоев — ростовщиков и торговцев — равнялась 8689%. Крестьянская часть в натуральном выражении составляла 6—8 млн т. Однако и этот скромный фонд распределялся внутри самого крестьянства **неравномерно**. На арендаторские и полуарендаторские слои приходилась **крайне малая часть**, а **основная его масса** оставалась у кулацких и зажиточных середняцких дворов податных земледельцев»¹¹⁴ (Н).

Этот фрагмент не повествовательный, а описательный. В нем не передается последовательность действий, а фиксируется положение на определенный момент времени. В этом фрагменте автор стремится донести до читателя не только факты и количественные данные, но свою оценку печального положения крестьянства в цинском Китае. Используются приемы градации, противопоставления, оценочные слова. Трудность восприятия этого фрагмента текста состоит в том, что в нем присутствует большое количество диктумных субъектов: крестьянство (внутри которого выделяются арендаторские и полуарендаторские слои, кулацкие и зажиточные середняцкие податные земледельцы) и противопоставленные ему эксплуататорские слои (которые в свою очередь включают «класс-государство», частных рентополучателей, ростовщиков и торговцев). Никаких действий они не совершают. Здесь господствует модусное сознание автора текста, который доказывает свою мысль об эксплуатации цинского крестьянства, совмещая числовые показатели с вербальными оценками — *оставалось, скромный фонд, неравномерно, крайне малая часть, основная масса*.

---

¹¹⁴ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 251.

Обратим также внимание на вставную конструкцию в скобках, где диктумное содержание, выраженное в словосочетании *его податная половина*, предваряется противительным союзом *а*, словом *фактически*, наречием *почти* и частицей *только*, выражающими точку зрения автора, которую он хочет донести до читателя: крестьянству оставалось крайне мало, и то, что оставалось, приходилось только на одну его часть. Такую же тактику, направленную на то, чтобы усилить воздействие от приводимых данных, автор использует и чуть позже в этом фрагменте. Он сообщает о том, сколько составляла крестьянская часть в натуральном выражении, и начинает следующее предложение с *Однако и (= только) этот скромный фонд...*, показывая читателю, что эта цифра еще меньше, чем кажется.

(3) *«Дело в том, что еще и в IX, даже в VIII в. до н.э., спустя два-три века после поражения Шан, когда государство Западное Чжоу уже близилось к своему концу и даже когда оно уже рухнуло, а чжоуский ван перенес столицу на восток, превратившись из некоего всесильного правителя в своего рода первого среди равных в ряду правителей самостоятельных царств, тот механизм централизованной редистрибуции, о котором уже столько было сказано, еще не сложился. И именно в этом была главная причина возникновения субуделов-вотчин в старых укрупнившихся уделах. Разумеется, этот механизм формировался — но в силу обстоятельств и, в первую очередь, в результате противодействия дезинтеграционных процессов и ослабления власти центра достаточно медленно. А коль скоро так, то не приходится удивляться, что формой вознаграждения для наиболее близких и заслуженных — причем особенно в таких обстоятельствах, когда не пожаловать крупную награду было просто невозможно, — по-прежнему было выделение наследственного удела, вотчины. К этой форме, к слову, на рубеже IXVIII вв.*

до н.э., *т.е. уже накануне гибели западночжоуского государства, прибежали и сами чжоуские ваны*»¹¹⁵ (В).

Отличия последнего примера от двух предыдущих бросаются в глаза. В нем на пять предложений — семь вводно-модальных слов и выражений, обслуживающих структуризацию текста и коммуникативное взаимодействие автора с читателем. Если в предыдущих примерах все проявления авторской точки зрения были связаны с характеристикой исторических событий и их субъектов, то в этом фрагменте главные их функции — управление вниманием читателя и сопровождение его по тексту. Автор подчеркивает причинно-следственные связи, отсылает читателя к предшествующему тексту, акцентирует логику исторического развития, ранжирует информацию по важности, уточняет темпоральный показатель с помощью событийного имени (сначала используется темпоральный локализатор *на рубеже IXVIII вв. до н.э.*, затем он конкретизируется через предложно-падежную синтаксему **накануне + Родит. пад.:** *уже накануне гибели западночжоуского государства*), а затем — еще и с помощью придаточного предложения. Параллельно с вводно-модальными словами и выражениями и темовыделителем — частицей *именно*, выполняющими эти функции, в тексте присутствуют и частицы, выражающие авторскую точку зрения на диктумный план (исторические события), а конкретно — на движение времени в нем, скорость развития событий: *еще — даже — уже — даже — уже — еще — уже*. Ярко выраженная субъектная позиция автора проявляется и в том, что он проникает в сферу сознания своих «героев» — субъектов истории — сообщая об их мыслях во вставной конструкции с *причем*.

Соответственно читатель должен извлечь из этого текста не только диктумное содержание, само по себе весьма сложное с точки зрения смысловой организации, прежде всего темпоральной (в первом предложении этого

---

¹¹⁵ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с. С. 274.

примера девять темпоральных маркеров, которые читателю следует соотнести между собой и с основной предикацией, расположенной в конце конструкции (*механизм...не сложился*) — подробнее эта конструкция будет рассмотрена в п. 1.3.3.). Читатель должен декодировать точку зрения автора на динамику и логику развития событий: прочитав этот фрагмент, он должен понимать не только, что происходило, но и насколько сложным был этот процесс и насколько естественно шло его развитие.

Анализ этого фрагмента заставляет нас обратить внимание еще на одну важную особенность исследуемых текстов, выявляемую методом коммуниктивно-грамматического анализа, — это специфика диктумных субъектов. В историческом тексте в позиции субъекта предложения наряду с

1) личными именами — собственными и нарицательными (*Гуан У-ди, чжоуский ван*);

2) коллективно-личными именами (*научные ассоциации, правительственные войска*);

3) лично-собирательными именами (*крестьянство, чиновничество*);
используются:

4) абстрактные имена (*механизм, аппарат, торговый и ссудный капитал, государство*) и

5) локативные имена (*приморские провинции, деревня*).

Центральное место при этом, разумеется, занимают личные субъекты, поскольку, по словам Р. Дж. Коллингвуда, «история — это наука о *res gestae*, попытка ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом»¹¹⁶.

Интересно, что дисбаланс между типами субъектов в историческом нарративе может быть предметом критики. Так, упрекая авторов второго тома «Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III в. н.э.)» (отв. ред. Л.С. Пе-

---

¹¹⁶ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. и коммент. Ю. А. Асеева. — М.: Наука, 1980. — 485 с. С. 13.

реломов) в составе 10-томника «История Китая с древнейших времён до начала XXI века» за чрезмерно лаконичное освещение одного из исторических периодов, рецензент, историк М.Ю. Ульянов пишет: «При такой степени сокращения политическая история оказалась почти полностью деперсонифицирована. Упомянутые в тексте царства живут самостоятельной жизнью: сами вторгаются, воюют, заключают договора и т.п. Упоминания носителей высшей власти в книге есть, но в других главах, и их всего три: циньский Сяо-гун (361—338 до н.э.), который упомянут при рассказе о реформаторе Шан Яне (с. 20), чуский Хуай-ван (328—299) — в связи с некой «проезжей грамотой» (с. 21), циньский Чжуан Сян-ван (отец Ин Чжэна, будущего Цинь Шихуана) — в связи с упоминанием о его смерти (с. 24). В итоге складывается неверное впечатление: будто бы цари в политической жизни периода Чжаньго значительной роли не играли, а других политических деятелей, кроме реформаторов и философов, и не было»¹¹⁷.

Диктумные субъекты имеют непосредственное отношение к категории времени. Во-первых, они являются участниками событий, составляющих исторический нарратив, именно они двигают историю вперед. Во-вторых, категория субъекта связана с категорией времени, поскольку синологи используют критерий участия того или иного типа субъектов в тех или иных действиях, организационных структурах и т.п. для периодизации исторического процесса (т.е., грубо говоря, граница между периодами проводится, исходя из принципа, кто в этот период чем мог заниматься). В качестве примера приведем статью¹¹⁸, в которой для периодизации политической истории Китая периода поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) авторам нужно было создать полный список всех субъектов политического процесса, которые в то или иное время могли быть вовлечены в государственное управление и по-

---

¹¹⁷ Ульянов М.Ю. Заметки о новой книге по истории Древнего Китая (на пути к созданию академической истории) // Общество и государство в Китае. — 2014. — Т. 44, № 2. — С. 518—559. С. 526.

¹¹⁸ Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // 44 научная конференция «Общество и государство в Китае», часть II, выпуск 15. — М., 2014. — С. 312 — 367.

литическую борьбу: от ближайших членов семьи монарха до провинциальной элиты низшего уровня.

Коммуникативные регистры

Вторым помимо субъектной перспективы важным инструментом коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой является **система коммуникативных регистров**. О ней мы скажем здесь кратко, поскольку рассматриваемые нами тексты достаточно регистрово однородны. Они не содержат, в отличие от художественных произведений, посвященных историческим событиям, или от путеводителей по Китаю, блоков репродуктивного регистра и представляют собой по большей мере монорегистровые произведения, в которых чередуются блоки информативно-повествовательного (собственно исторический нарратив) и информативно-описательного регистров (используется для описания не изменяющегося положения дел в какой-то период времени, для качественной характеристики, для объяснения причинно-следственных и других логических связей). Генеритивный регистр встречается в цитатах: *В Китае говорят: «Из хорошего металла не делают гвоздей, хороший человек не идет в солдаты»* (Б). Волюнтивный регистр используется при эксплицитном взаимодействии автора с читателем, когда адресату текста предлагается что-то вспомнить или на чем-то сосредоточить внимание.

Монополия информативного регистра в исследуемых текстах означает отсутствие в них перцептивного модуса. Время и пространство организуются модусом ментальным, соответственно используются темпоральные и локативные маркеры.

Таксис

Третьим важным аспектом анализа текста, разработанным в концепции коммуникативной грамматики, является **таксис** — соотношение предикатов в

тексте по предикативным категориям, в первую очередь по времени, а также по модальности и лицу.

Проблема одновременности и последовательности (моно/политемпоральности), а также моно / полимодальности и моно/полисубъектности крайне актуальна для исследования учебно-научного исторического текста, поскольку такой текст состоит в подавляющем большинстве из полипредикативных конструкций, отношения между предикациями в которых могут быть весьма сложными. В качестве примера возьмем первое предложение из уже проанализированного с точки зрения субъектной перспективы фрагмента учебника Л.С. Васильева и рассмотрим его с точки зрения временного таксиса. С этой целью «освободим» предложение от вводно-модальных компонентов, оставив только диктумную часть:

«Еще и в IX, даже в VIII в. до н.э., спустя два-три века после поражения Шан, когда государство Западное Чжоу уже близилось к своему концу и даже когда оно уже рухнуло, а чжоуский ван перенес столицу на восток, превратившись из некоего всесильного правителя в своего рода первого среди равных в ряду правителей самостоятельных царств, тот механизм централизованной редистрибуции еще не сложился»¹¹⁹.

В этом политемпоральном и полисубъектном предложении 6 предикаций и 4 разных субъекта, при этом главный предикат стоит на последнем месте в предложении:

- (1) поражение Шан;
- (2) государство Западное Чжоу близилось к концу;
- (3) государство Западное Чжоу рухнуло;
- (4) чжоуский ван перенес столицу;
- (5) превратившись в первого среди равных;
- (6) механизм не сложился.

---

¹¹⁹ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с. С. 277.

Первые пять предикаций, как мы уже сказали, служат темпоральными локализаторами, по отношению к которым определяется время шестой, и при этом называют события, на фоне которых мы должны оценивать «главное событие» предложения (точнее его отсутствие).

При этом между первыми пятью предикациями тоже есть таксисные отношения. Первое событие в цепочке — поражение Шан. Время этого события не указано, оно должно вычисляться: *IX, даже в VIII в. до н.э. = спустя два-три века после поражения Шан*, значит, поражение Шан было в XI веке до н.э.

Далее очень интересные таксисные отношения в придаточном с *когда*. Оно охватывает период, когда Западное Чжоу *близилось к концу* (здесь время как бы растягивается с помощью лексико-грамматических средств: семантика фразеологизма *близиться к концу* плюс несовершенный вид) и когда это государство *рухнуло* (здесь, напротив, время как бы собирается в точку, конец Чжоу подается как быстрый и интенсивный с помощью глагола *рухнуть* совершенного вида с суффиксом *-ну-*). Функция предиката *рухнуло* здесь не аористивная (он не двигает повествование вперед), а перфективная (он обслуживает «взгляд назад» из определенной временной точки, что подчеркивается частицей *уже*). Сразу же за ним идут еще два перфективных предиката: *перенес* и *превратившись*. Они тоже обозначают не последовательные действия, а фиксацию совершившихся изменений. Все эти предикаты представляют ситуацию в описываемый период как значительно изменившуюся со времени поражения Шан: времени прошло много, за это время произошло много событий, но не произошло главного события, о котором идет речь в предложении и которое названо опять же перфективным предикатом *сложилось* с отрицательной частицей.

Итак, в этом предложении все предикаты, выраженные глагольными формами совершенного вида, не аористивные, а перфективные. Движения времени вперед не происходит. Нарратор фактически не повествует, а опи-

сывает ситуацию в прошлом, как результат произошедших событий, подготовивших почву для другого события, которое все никак не может свершиться.

По нашим наблюдениям, построение текста, с концентрацией предикатов совершенного вида, выполняющих перфективную функцию, а не аористивную, более характерно для исследуемых учебников, чем длинные цепочки аористивов,двигающих повествование вперед. Фрагменты, подобные следующему, где подряд идет 11 основных аористивных предикатов (*были созданы — присоединились — были убиты — помогло — атаковало — нанесло — захватило — истребило — вступили — нанесли — выступило*), крайне редки:

*«[Первым таким выступлением было восстание 30 мая 1841 г. жителей дер. Саньюаньли (около Гуанчжоу) против англичан, захвативших эту местность и чинивших всевозможные насилия и грабежи]. Здесь **были созданы** пинъинтуани («отряды усмирения англичан»), к которым **присоединились** тысячи жителей примерно ста близлежащих деревень. 200 английских солдат и 2 офицера **были убиты** при попытке прорваться из окружения. Лишь вмешательство маньчжурского правителя Гуанчжоу **помогло** захватчикам спастись. В эти же дни население дер. Саньшацунь **атаковало** другой английский отряд, **нанесло** ему большие потери и **захватило** две пушки и другое вооружение. Ополчение Фо-шаньчжэня **истребил** несколько десятков английских солдат. В пров. Фуцзянь жители деревень, расположенных вблизи Сямыня, **вступили** в бой с английскими войсками и **нанесли** им потери. В Чжэцзяне организация «Хэйшуйдан» («Партия черной воды») **выступила** против англичан; [солевары и торговцы солью напали на английские корабли и поджигали их]»¹²⁰(С).*

---

¹²⁰ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 193.

В основном же исторический нарратив в наших учебниках организуется не продолжительными последовательностями аористивных предикатов, хотя, казалось бы, именно они являются «самыми повествовательными» и каждый из них обозначает новый шаг вперед по линии времени, а именно чередованием аористивных предикатов с перфективными и имперфективными. Это выглядит вполне логичным, если учитывать, что суть нарратива составляет не просто последовательность событий, но последовательность осмысленная и организованная определенным образом, превращенная в «нарративную интригу», по П. Рикеру. С помощью одних аористивов ее выстроить нельзя.

Следует заметить, что и цепочка аористивов, казалось бы, нарушающая эту закономерность, в только что приведенном примере, при ближайшем рассмотрении не обозначает последовательность действий в прямом смысле этого слова. Эти действия производятся в разных местах разными субъектами и могут быть одновременными. Эта одновременность в одном предложении эксплицируется темпоральным локализатором *В эти же дни...* Большое количество субъектов, быстрое «перемещение» автора вместе с читателем из одного региона в другой, количественные данные, сменяющие друг друга предикаты совершенного вида — все эти средства не только организуют историческое время, плотно заполняя его событиями, но и создает пространственный объем, так же плотно заполненный событиями. Это один из примеров взаимодействия исторического времени и исторического пространства, о которых речь пойдет в главе 3.

В целом соотношение между аористивной и перфективной функцией в исследуемых текстах достаточно сложное и, как нам представляется, существенно отличается от художественного текста. Историком необходимо постоянно оперировать «отрезками», или «порциями», времени, которые часто определяются в китайской истории через время правления той или иной династии. Поэтому авторы как бы «нарезают» историю на фрагменты, выбирают определенные точки отсчета (начальные или конечные), в которых «фикси-

руют» ситуацию, а дальше описывают и раскрывают ее с помощью имперфективных и перфективных предикатов. Например, смотрят на правление императора (династии) с конечной точки этого правления и суммируют все, что им было сделано, либо отталкиваются от начальной точки, формулируя в аористивном предикате некоторое главное действие, которое затем конкретизируется (примеры см. ниже).

Следующие два примера демонстрируют типичный случай таксисной организации повествования в исследуемых учебниках.

Аористивные предикаты двигают повествование вперед по линии времени, затем перфективные предикаты «добавляют объема», более детально раскрывая события, обобщенно названные аористивным предикатом.

(1) *«Как только Цины **укрепили** свою власть в стране, они **ограничили** деятельность иностранцев. При третьем маньчжурском императоре Юнчжэне (1723—1735) **были закрыты** иностранные фактории и более 300 христианских церквей. Многие миссионеры **подверглись изгнанию**. Преемник Юнчжэна император Цяньлун в 1756 г. **запретил** иностранную торговлю в портах Китая»*¹²¹(С).

Аористивный предикат *ограничили* можно здесь назвать «зонтичным»: последующие предикаты совершенного вида *были закрыты, подверглись изгнанию, запретил* конкретизируют его содержание. Их статус представляется проблематичным: с одной стороны, они называют последовательные действия цинских императоров, с другой — вряд ли можно говорить, что *были закрыты* по отношению к *ограничили* называет «последующее действие».

(2) *«С окончанием «смуты» и переходом цинского династийно-демографического цикла от стадии разрухи к фазе восстановления новая власть **стала насаждать контроль** государства над духовной сферой. [Данное укрепление поколебленных «смуты» идеологических основ социума*

---

¹²¹ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 183.

первые маньчжурские императоры Китая вели под лозунгом «возвращения к древности», т.е. к упрочению частично расшатанных конфуцианских общественных норм]. Это идеологическое и организационное наступление началось уже при Фулине и резко усилилось при Сюанье. Затем эстафету приняли Иньчжэнь и Хунли»¹²²(Н).

Пример абсолютно аналогичный предыдущему, за исключением того, что между «зонтичным» аористивным предикатом и раскрывающими его перфективными сделана «врезка» с имперфективным предикатом (*вели укрепление*), выделенная квадратными скобками. В первом предложении фрагмента повествование делает шаг вперед, что подчеркивается темпоральными предложно-падежными синтаксемами *с окончанием смуты и переходом...* Предикат *стала насаждать контроль* как бы открывает новый период времени, о котором далее пойдет речь. То, что следующие перфективы раскрывают его, акцентирует местоимение *это* перед существительным *наступление*, стоящим в позиции темы.

«Разрыв» цепочки аористивов имперфективами представлен в учебниках в двух основных случаях.

1) Аористивы называют последовательные действия (события), имперфектив — длительное, не результативное действие, встроенное в эту цепочку (*защищались* — в примере ниже).

2) Аористивы называют последовательные события, имперфективы — события длящиеся, одновременные всем событиям, названным аористивными предикатами (*посылал и обвиняло* — в примере ниже).

Пример (жирным шрифтом выделены аористивы, пунктиром подчеркнуты имперфективы):

*«После победы над китайскими патриотами на материке и о-ве Тайвань маньчжуры **начали военные действия** против русских. В 1684 г. боль-*

---

¹²² Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 338.

шое войско, оснащенное артиллерией, двинулось к Амуру. Албазинцы, которых было всего 350 человек, защищались до последней возможности, но все же были вынуждены покинуть острог. Однако осенью, когда созрел хлеб, они вернулись для сбора урожая и отстроили свои дома. Канси через военнопленных посылал свои требования и жалобы в Москву. Царское правительство обвиняло богдыхана в том, что он начал войну без формального ее объявления»¹²³(С).

Действие, названное в предикации *албазинцы защищались*, «заполняет» промежуток времени между аористивами *двинулись* (после него) и *были вынуждены покинуть* (перед ним). На фоне действий, названных аористивными предикатами, действие албазинцев воспринимается как продолжительное и нерезультативное. Действия Канси и царского правительства, обозначенные предикатами *посылал* и *обвиняло*, происходят не после действия, обозначенного последним аористивом — *отстроили*. Они продолжаются длительное время, «одновременно» с предыдущими аористивными предикатами.

Роль анализа таксисных отношений в историческом тексте трудно переоценить. Британский историк Дж. Тош, рассуждая о фундаментальных аспектах исторического сознания, отмечает, что «история — это не просто коллекция моментальных снимков прошлого, даже самых ярких и контекстуально богатых»¹²⁴. К фундаментальным аспектам исторического сознания относится «понимание истории как процесса, связи между событиями во времени, что придает им больший смысл, чем их рассмотрение в изоляции»¹²⁵.

В заключение следует отметить, что продемонстрированная в данном параграфе методология функционально-коммуникативной грамматики подразумевает взаимосвязь между коммуникативным намерением автора, типом текста и выбираемыми автором языковыми средствами и приемами построе-

---

¹²³ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 184.

¹²⁴ Тош Д. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка / пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2000. — 296 с. С. 20.

¹²⁵ Там же.

ния текста. Эта методология принципиально противоположна методологии ряда нарративных исследований, игнорирующих взаимосвязь данных факторов и считающих возможным делать выводы об историческом нарративе на материале «не только собственно исторических текстов, но и литературных произведений, основанных на исторических событиях, а также нарративных песен, пьес, опер, балетов, картин и фильмов (документальных, художественных, мультипликационных)»¹²⁶.

Вряд ли можно говорить о лингвистической основательности анализа, основанного на отказе исследователей провести «строгую разграничительную линию между историческим нарративом, содержащим точные факты, и художественным нарративом об историческом событии», поскольку их (исследователей) «интересуют культурно-специфические особенности повествования, позволяющие воссоздать отношение носителей и неносителей китайской культуры к Великому шелковому пути, его влияние на менталитет и национальное самосознание китайцев, роль в мировой истории и связь с современностью»¹²⁷. Говорить о том, что, например, средства выражения темпоральности одинаково работают в «нарративных песнях» и научных исторических текстах, нельзя. Наше исследование посвящено конкретно определенному типу исторических текстов, и его результаты не могут экстраполироваться на другие типы исторических текстов без дополнительной проверки и коррекции.

---

¹²⁶ Леонтович О.А., Ханова А.А. Исторический нарратив: конститутивные признаки и языковые характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2024. — Т. 23. — № 6. — С. 167—180. С. 169.

¹²⁷ Там же.

Выводы по главе 1

1. Не всякий текст, посвященный событиям прошлого, является историческим нарративом и подлежит исследованию как исторический нарратив. Исторический нарратив — это текст, в котором события упорядочены и согласованы определенным образом. Понимание исторического нарратива подразумевает извлечение из него не только информации о том, какое событие, где и когда произошло, кто в нем участвовал, но и информации о том, какой смысл вкладывает автор в сообщение именно об этом событии, именно с этими деталями, почему он упорядочивает и согласует события именно так, а не иначе. Достигнуть этого понимания можно путем анализа языковых средств и текстовых приемов, которые использует автор.

2. Важнейшими категориями исторического нарратива являются историческое время и историческое пространство. Историческое время не равно времени календарному (хронологическому). Оно нелинейно, неравномерно, событийно обусловлено, носит социальный характер. Историческое время связано с категориями модусного и диктумного субъекта. Оно является конструктом, с помощью которого автор исторического текста доносит до читателя образ прошлого. Историческое пространство также является текстовым конструктом, связанным с категорией исторического времени. Оно не равно физическому или географическому пространству и, как и историческое время, познается посредством анализа языковых средств, конституирующих текст.

3. Автоматизированный анализ текста, выявляющий наиболее частотные слова и сочетания слов, создает удобную базу для лингвистического анализа исторических нарративов в учебниках по истории Китая, но для выявления того, как авторы этих учебников конструируют историческое пространство и время, необходимы инструменты функционально-коммуникативной грамматики. Изучение субъектной перспективы текста

дает нам возможность определить типы модусных и диктумных субъектов исторического нарратива, а с помощью исследования текстовых функций предикатов (аористив, имперфектив, перфектив) мы можем понять, каким образом историк структурирует историческое время, заполняя его значимыми событиями.

ГЛАВА 2. Историческое время и средства его конструирования в русскоязычных учебниках по истории Китая

Данная глава посвящена одной из центральных проблем вербального оформления исторического нарратива — выражению в нем категории времени. Наше исследование языковых средств конструирования исторического времени в русскоязычных учебниках по истории Китая включало два этапа¹²⁸.

На первом этапе были выявлены и систематизированы языковые средства выражения времени, которые встречаются в нашем массиве текстов (раздел 2.1). Результаты этого этапа достаточно очевидны: поскольку категория времени занимает важнейшее место в историческом тексте, он активно востребует разнообразные языковые средства ее выражения — как лексические, так и грамматические. Среди них представлены средства всех 4 микрополей, составляющих функционально-семантическое поле темпоральности: 1. Микрополе прошлое / настоящее / будущее (собственно темпоральность); 2. Микрополе одновременность / разновременность (таксис); 3. Микрополе протяженность времени (дуративность); 4. Микрополе кратность / однократность (фреквентативность)¹²⁹. Нами были составлены списки этих средств, которые составляют необходимую базу дальнейшего анализа, но не определяют **специфики** исторического нарратива в целом и исторического нарратива в русскоязычных учебниках по истории Китая.

---

¹²⁸ Материалы данной главы диссертации нашли отражение в следующих публикациях, выполненных автором в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, представлены основные результаты, положения и выводы исследования: Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С.70 — 81. 83. Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С. 9 — 19.

¹²⁹ Панков Ф.И. Выражение временных отношений // Книга о грамматике. — СПб., 2018. — С. 253—281. Панков Ф.И. Категория наречной темпоральности и ее речевые реализации // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. — М., 1997. — Вып. 1. — С. 161—174.

На втором этапе (раздел 2.2.) мы выходим на уровень исследования тактических приемов построения исторического нарратива (согласно модели анализа текста Г.А. Золотовой¹³⁰) и рассматриваем языковые средства, которые востребуются этими тактиками и позволяют представить исторические события не как простую последовательности, а как «интригу», основанную на смыслах и интерпретациях, вносимых в эту последовательность автором.

2.1. Лексические и лексико-грамматические средства выражения исторического времени в текстах учебников по истории Китая

В данном разделе мы сосредоточимся на лексических средствах, используемых авторами учебников для конструирования исторического времени.

Следует подчеркнуть, что не каждая лексема с семой «время» в каждом своем употреблении участвует в конструировании исторического времени. Это наглядно видно из сравнения следующих примеров:

Лексема не участвует в конструировании исторического времени	Лексема участвует в конструировании исторического времени (организации нарративной последовательности), т.е. характеризует продолжительность события или локализует его на оси исторического времени
<i>Женщина несла на руках двухлетнего ребенка.</i>	<i>Двухлетняя засуха привела к резкому удорожанию хлеба.</i>
<i>Жителям было запрещено выходить на улицу ночью.</i>	<i>После дневного марш-броска через лес повстанцы ночью атаковали лагерь правительственных войск.</i>
<i>Обычное право обязывало землевладельца перед продажей земли предварительно заручиться согласием на это членов общины (М).</i>	<i>Перед смертью в 220 г. он недвусмысленно сравнивал себя с великим чжоуским Вэнь-ваном (М).</i>

¹³⁰ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с.

С другой стороны, в конструировании исторического времени могут участвовать лексемы, не имеющие в своем значении семы «время», а включающиеся в это конструирование в силу контекстных условий, например, оценочные прилагательные, которые сочетаются с темпоральными существительными типа *век, период, эпоха* и под.: *Это был **тяжелый** период в жизни страны.*

2.1.1. Прилагательные и отадективные наречия

Важную роль в репрезентации категории времени в историческом тексте играют **имена прилагательные и образованные от них отадективные наречия**: *древнейший, древний, древнекитайский; современный, ультрасовременный; ранний — поздний, раньше, ранее — позже, позднее; быстрый — медленный, замедленный, быстро — медленно; немедленно, незамедлительно; постепенный, постепенно: частый — редкий, часто — редко, зачастую — изредка; новый, новейший — старый, старинный, устаревший, по-новому, по-старому; прежний; давний, давнишний, давно, недавно; обычный, обычно; первоочередной; непрерывный, беспрерывный, непрерывно; временный — постоянный, временно — постоянно; долгий, длительный, продолжительный — короткий, долго, недолго; дальнейший, в дальнейшем; предыдущий, следующий, последующий, следовавший; очередной; первый, впервые; первоначальный, первоначально; последний; вечный; бессрочный; одновременно и др. В эту группу входят также прилагательные, образованные от имен событий и периодов времени — *средневековый, послевоенный, месячный, годичный, двухмесячный, ежемесячный* и под. Национально-специфичным является обозначение исторических периодов прилагательными, образованными от названий правящих династий (*цинский период, минский цикл, сунское время*).*

Рассмотрим некоторые из перечисленных лексем подробнее.

Древний — ранний — поздний — современный

Одной из ключевых характеристик истории Китая является древность китайской цивилизации: «Китай — страна одной из **древнейших** цивилизаций мира, возникших за несколько тысячелетий до нашей эры в бассейнах великих рек — Тигра и Евфрата, Нила, Инда и Хуанхэ. Непрерывность развития китайского очага культуры, его этнических и политических традиций — одна из важных особенностей истории Китая»¹³¹. Столь же важной в учебниках, доводящих историю Китая до наших дней, является характеристика *современный*: «Китай называют одним из четырех драконов Азии: это динамично развивающаяся страна, где мирно уживаются **древние** пагоды и зеркальные небоскребы, традиционная культура и **ультрасовременное** производство» (С)¹³².

В качестве синонима *древний* может выступать прилагательное *ранний*: *Из всех наиболее **ранних** неолитических культур, открытых в бассейне Хуанхэ и на близлежащих территориях, большую роль в процессе формирования китайского этноса сыграли три: Цюйцзялин, Мацзяяо, Яншао (С)*. Помимо этого прилагательное *ранний* используется в значении «принадлежащий, относящийся к начальному периоду, начальной поре чего-н.»: *Культура **раннего** средневековья отражает значительное влияние буддизма*. В этом случае прилагательное *ранний* не выступает, как синоним прилагательного *древний*. В следующем предложении это хорошо видно:

*Упоминание о наложницах и евнухах можно найти в самых **древних** китайских письменных источниках, но только во времена **ранних** империй они начинают играть политическую роль (Б.) — **ранние** империи — это не древние империи, а первые в ряду империй, они были позже, чем тот период, о котором свидетельствуют **древние** источники*.

Во этом случае антонимом *ранний* служит прилагательное *поздний*:

---

¹³¹ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 7.

¹³² Там же.

Прилагательное *современный* употребляется в учебниках в трех типах контекстов. Первый можно назвать темпорально-локативным:

Царство Цинь находилось на северо-западе страны (на территории современных провинций Шэньси и Ганьсу) (С); Столица яньского государства Цзи находилась близ современного Пекина (С); Царство У было основано Сунь Цюанем со столицей в районе современного Нанкина (М).

Здесь это прилагательное используется, чтобы помочь определить место, где ранее находился какой-то объект или произошло какое-то событие, с помощью современных реалий, известных студентам. В случае если в таком предложении присутствует личный субъект, как в последнем примере выше, мы должны понимать, что слово *современный* принадлежит не его субъектной сфере, а субъектной сфере историка — автора текста. В момент основания царства У Сунь Цюанем Нанкина на его нынешнем месте еще не существовало, но автор использует этот ориентир, чтобы дать читателю лучшее представление о месте, где происходили события древности.

Второй контекст — собственно темпоральный:

Исходя из экономико-географических особенностей современного Китая подразделяется на Восточный и Западный (Б); Население современного Китая составляет около 1 млрд 400 млн человек, с плотностью населения 130 чел./км² и средней продолжительностью жизни в 73 года (Б).

В этих примерах прилагательное *современный* можно заменить на наречие *сейчас, сегодня*: *Исходя из экономико-географических особенностей сегодня Китай подразделяется на Восточный и Западный (Б); Население Китая сейчас составляет около 1 млрд 400 млн человек, с плотностью населения 130 чел./км² и средней продолжительностью жизни в 73 года (Б).*

Третий тип контекстов можно назвать темпорально-оценочным. В этом случае прилагательное *современный* обозначает «передовой, высокоразвитый, соответствующий последнему слову техники»: *В 1958 г. было выплавлено на современных предприятиях 8 млн т, кустарным способом — 3 млн т, всего 11*

млн т (С). В этом значении, но не в двух предыдущих, может также употребляться прилагательное *ультрасовременный*, как мы видели в примере выше.

Кроме того, в разделах, посвященных древнейшей истории Китая, встречается терминологическое употребление прилагательного *современный* в составе номинации *современный человек*¹³³: *Известно, что предки современного человека в Китае впервые достигли стадии Homo sapiens в нескольких местах земного шара 50 тыс. лет до н. э.* (Б).

Уже на примере нескольких рассмотренных прилагательных можно заметить троякий характер нарративного времени в учебнике.

С одной стороны, оно, как и полагается времени, «движется» из прошлого в будущее. С другой — наш взгляд на него имеет противоположную направленность: мы смотрим из современности как бы назад, вглубь веков. С третьей — возможно принятие за условную точку отсчета не нашего времени, а какого-либо значимого момента в прошлом. В зависимости от этого меняются темпоральные характеристики.

Ср. два контекста с прилагательным *древний*. В первом — новатором по отношению к древности и представителем *изменившейся эпохи*, которая и является точкой отсчета, выступает Конфуций: *Однако вместе с тем Конфуций — это и конфуцианство, т.е. доктрина, приспособившая древние мудрые этические нормы к требованиям изменившейся эпохи...* (М).

Во втором примере точкой отсчета является современная Чжу Си и другим ученым и писателям его времени *культура средневекового Китая*, по сравнению с которой уже конфуцианство выступает как древность: *В сунское время началось движение за «новое толкование» классических произведений конфуцианского канона. Ученые и писатели противопоставляли древнюю культуру новой, т.е. современной им культуре средневекового Китая. Не-*

---

¹³³ О проблемах определения этого термина см. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Значение археологии для изучения проблемы происхождения и эволюции человечества // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. — 2013. — № 3 (71). — С. 11—18.

которые из них смело ставили вопрос об аутентичности **древних трактатов** и выражали сомнение в авторстве Конфуция... **Древнее** конфуцианское учение было им [Чжу Си] «усовершенствовано» в религиозно-философском плане (С).

В следующем примере с прилагательным *древнекитайский* точка отсчета располагается в современности: *Как о том писал известный историк древнекитайской* [т.е. древней по отношению к нам] *мысли В.А. Рубин, это было движение от конфуцианской традиции к легизму* (М).

Первый — последний

Это важные смыслы в истории Китая. С одной стороны, китайцы были первыми во многих изобретениях, в самых разных областях науки и техники. Согласно тематическому словарю «Философия науки и техники»¹³⁴, китайцы впервые в истории человечества ввели понятие «отрицательные числа», составили звездный каталог и создали небесный глобус, описали пятна на солнце, изобрели бумагу, водяную мельницу, насос для выкачивания воды из-под земли, магнитный компас, сейсмограф, намного раньше европейцев применили шпоры для управления лошади, тачку для перевозки грузов, освоили все стадии книгопечатания вплоть до подвижных литер. С другой стороны, широко известен в мире фильм Бернардо Бертолуччи «Последний император», получивший 9 «Оскаров» и посвященный трагической судьбе последнего правителя империи Цин. Последний император (правитель), конец империи — важные смыслы в китайской истории, при этом смыслы повторяющиеся (в каждой династии был последний правитель, в отличие от истории русской, в которой был один последний император).

Что касается слова *первый*, то в учебниках по истории Китая при конструировании исторического времени мы встречаем его:

---

¹³⁴ Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник: учеб. пособие для студентов всех спец.— М.: МИИТ, 2009. — 424 с.

1) в значении «не существовавший, не бывавший раньше», причем не в мире, а именно в истории Китая или на каком-то интервале этой истории, например, *в древнем Китае: По имеющимся в распоряжении исследователей древнекитайским источникам, это был первый в истории Китая случай, когда большой удел был дан во владение не от имени вана (Н)*. Аналогичную функцию выполняет наречие *впервые: Франко-китайская война впервые создала реальную угрозу потери Китаем Тайваня. (Н)*;

2) в значении «предшествующий всем другим однородным или подобным; первоначальный, начальный»: *первая «опиумная» война, в первые века правления чжоуских ванов.*

Для первого значения важны те параметры, критерии, по которым некоторое событие или объект характеризуется как *первый*, поскольку именно они определяют важность этого события или объекта ср.:

Соглашение, подписанное в Нерчинске 27 августа 1689 г., было первым договором Китая с европейцами (С) и Нанкинский договор был первым неравноправным договором в истории Китая (С). Два договора характеризуются как первые в истории Китая: один по субъекту, с которым был подписан договор, второй — по условиям договора.

При этом для учебников по истории Китая смысл «первый в истории Китая» оказывается важнее и частотнее, чем «первый в мире».

Смысл «первый» может выражаться и другими лексемами, на приме, *Основоположником китайской историографии считается Сыма Цянь (Б)*.

Кроме того, слово *первый* при конструировании исторического времени встречается в выражениях

— *(в) первое время: Перешедшие на службу к маньчжурам чиновники должны были носить одежду их покроя, первое время говорить и писать на их языке (Н)*;

— *на первых порах: Циньский Му-гун, посадив цзиньского Чжун Эра на престол, дал ему 3 тыс. своих людей, чтобы они охраняли его и помогли ему на первых порах в управлении (В).*

Эти выражения служат знаками не просто временности, но «грядущих изменений», они относятся к действиям или состояниям, которые вскоре должны измениться, поэтому в ближайшем контексте часто встречаются слова *перемены, изменения*, при этом с указанием на постепенность перемен: *Завершение антияпонской войны и переход к новому историческому этапу не сразу привели к переменам в аграрно-крестьянской политике КПК. В первое время лозунг «каждому пахарю — свое поле» все еще продолжал трактоваться как политика снижения арендной платы и ссудного процента (М); Преследуя на первых порах танскую правящую элиту, руководители восстания постепенно изменили политику в отношении чиновников, возвратив их на прежние места (М).*

На этих примерах очень хорошо видны сущность «нарративной интриги» и взаимодействие категорий исторического времени и субъекта. Автор-историк смотрит на события из своего времени, он знает, что изменения постепенно, но произошли, поэтому использует временные маркеры *(в) первое время, на первых порах*.

При этом позиция субъектов истории может быть различной. В первых двух примерах выше они знают о временности признаков *говорить и писать на их языке*, помогать в управлении, потому что ограниченность во времени задана самими субъектами истории — *манчжурами и правителем Му-гуном*. Это они установили такие правила. Соответственно маркеры *(в) первое время и на первых порах* находятся в сфере сознания и автора, и субъектов истории. В двух последних примерах КПК и руководство восстания на исходный момент, описываемый автором учебника, не знают, что далее ситуация изменится, т.е. не ставят временное ограничение на определенную трактовку лозунга и преследование танской правящей элиты. Этого ограничения нет в их

сфере сознания, маркеры *(в) первое время и на первых порах* принадлежат полностью позиции автора.

Выражение *в первую очередь* не связано с конструированием исторического времени, оно выступает в качестве вводно-модального слова, ср.: *Значительным явлением в первой «опиумной» войне были создание народных отрядов самообороны и прямые выступления народных масс, в первую очередь в пров. Гуандун, против иностранных агрессоров (С).*

Прилагательное *последний* в темпоральном значении используется в следующих функциях.

1) Маркер конца династии: *После захвата Пекина в 1644 г. и казни **последнего** царевича из династии Мин в 1661 г. маньчжурским завоевателям пришлось преодолевать упорное сопротивление народа (Б).*

Интересно, что образ последнего правителя династии может быть представлен в одном из двух ракурсов: как образ страдальца, жертвы (предыдущий пример) или как образ разрушителя, виновника конца династии, как в следующих примерах, что является отражением точки зрения китайских источников, на которые опираются авторы учебников:

*Он и все его преемники отличались добродетелью, но **последний** правитель Шан Чжоу Синь предался праздности, забросил дела, не совершал жертвоприношений, то есть растранил своим неистовством все накопленное шанской династией дэ и утратил Мандат Неба для себя и своих потомков (Б); В труде знаменитого древнекитайского историка Сыма Цяня «Шицзи» («Исторические записки») сообщалось о том, что **последний** представитель «династии» Ся отличался страшной жестокостью и народ отвернулся от него (С).*

2) Маркер конца исторического периода: *Восстание ихэтуаней было, по сути, **последней** вспышкой агонии старого Китая (Б).*

3) Маркер ухода субъекта с политической сцены. *Это была **последняя** политическая битва тяжело больного Сунь Ятсена, 12 марта 1925 г. он*

умер. Смерть Сунь Ятсена была большой утратой для революции, но не приостановила уже наметившегося процесса (Б).

4) Характеристика некоторого субъекта со стороны его исторической связи с чем-то или кем-то последним: *Хотя война саньфань во многом носила проминский характер, князя — пособники завоевателей, в течение почти 16 лет (1645—1661) громившие минские войска, не могли провозгласить лозунг восстановления династии Мин, особенно У Саньгуй — убийца последнего южноминского императора* (Н).

Здесь важно то, что У Саньгуй не просто убийца императора, он убийца, прекративший южноминскую династию, что служит значимой его характеристикой, объясняющей его дальнейшие действия (он *особенно* не желал провозгласить лозунг восстановления династии). Это также признак нарративной интриги: каждый герой истории действует в соответствии с логикой своего характера (либо принимает неожиданное решение, которое опять же оценивается на фоне общей логики его характера, общего образа, выстроенного автором учебника).

5) Обозначение заключительной стадии, этапа какого-либо события: *В конце 1679 — начале 1680 г. война саньфань вступила в свою **последнюю** стадию* (Н).

6) Обозначение заключительного из отрезков, на которые делится календарный интервал (последняя треть века, последняя четверть столетия и под.): *Однако в **последней** трети XVI в. (указ 1586 г.) чиновники освобождались от уплаты поземельного налога с части принадлежавшей им земли* (М).

7) Обозначение завершения череды каких-либо действий, событий: *Вскоре после этого в ходе выяснения отношений между повстанцами различных движений верх взяли красnobровые. Но это был их **последний** успех* (М).

8) Обозначение остатков прошлого исторического периода, сохранившихся в следующем: *По окончании войны саньфань незавоеванным остался последний обломок империи Мин — государство Чжэнов на Тайване, но и его быстрое падение было predetermined истощенной экономикой, слабыми оборонными возможностями и внутренним разложением режима* (Н).

Некоторые другие важные для построения исторического нарратива прилагательные и отадъективные наречия будут проанализированы в разделе 2.2. в связи с текстовыми тактиками конструирования исторического времени.

2.1.2. Темпоральные наречия, не производные от прилагательных

В основном они используются для выражения последовательности (*потом, затем, впоследствии, сначала, только что, накануне* и под.) и фреквентативности (*всегда, иногда, не раз, подчас, несколько раз* и под.).

Примеры наречий, организующих темпоральную последовательность событий: *К лихолетью Крестьянской войны и чужеземного завоевания впоследствии добавились беды войны «трех князей-данников»* (Н); *Сначала кидане, а потом чжурчжэни опустошали равнины Хуанхэ* (Б); *После смерти У-ди, Китай вступил в длительный период стагнации, а затем кризиса* (Б); *В начале июня японцы без боя вошли в Тайбэй. Накануне чиновники, войска и ополченцы покинули столицу* (Н).

Примеры наречий, указывающих на фреквентативность: *Буддийская церковь, помогая светской власти укреплять ее положение и господство над народом, сама не всегда подчинялась растущей силе централизованной государственности* (М); *Обращения к населению иногда вывешивались на воротах* (М); *В одной и той же печи иньцы никогда не обжигали сосуды разных типов и форм, как это зачастую имело место раньше* (М); *Отряды гуннов не раз выступали на помощь императорам или брали на себя охрану границ* (М); *На предприятиях отсутствовали элементарные гигиенические условия, гос-*

*подставовали палочная дисциплина и полное бесправие рабочих, получавших нищенскую заработную плату, а **подчас** трудившихся на положении крепостных (М).*

Отрицательное наречие *никогда* может использоваться для указания на то, что действие не производится или признак не проявляется на протяжении ограниченного периода времени, как в приведенном выше примере, где общается о том, что иньцы, т.е. люди династии Инь, не обжигали сосуды. В этом случае, как опять же показывает приведенный пример, может проводиться сопоставление с предшествующим или последующим положением дел на шкале времени или с одновременным положением дел в другом месте: *На Амуре русских **никогда прежде** не было, местное население платило дань богдыхану (Б): Величия, подобного тому, какое было при Хуань-гуне, царство Ци **более никогда** не достигло (В).*

Другое употребление отрицательного наречия *никогда* — более сильное: отрицается существование или осуществление чего-либо на всем протяжении истории, которое ограничивается временем, когда историк создает свой текст: *Об эпохе Чжоу мы можем судить не только по данным надписей, хотя это и наиболее достоверный, ценный, бесспорно аутентичный и **никогда** никем не искажавшийся первоисточник (В).*

Важную роль в репрезентации «нарративного понимания» истории играет наречие *вовремя*: оно относится к группе темпоральных показателей, позволяющих автору учебника оценивать исторические события, действия исторических персонажей с точки зрения их своевременности, запоздалости, темпа и т.д.: *Тогда Лин-гун пригласил Чжао Дуня к себе на прием, спрятав воинов, которые должны были напасть на него. Однако преданные слуги **вовремя** узнали о заговоре и спасли Чжао Дуня (В).*

Местоименное наречие *как-то* также связано с позицией модусного субъекта — оно используется при пересказе легенд и хроник: *Он развлекался тем, что стрелял с башен своего дворца в проходивших мимо людей шари-*

ками из самострела, а **как-то** даже убил повара за то, что тот плохо приготовил медвежьей лапу, и велел прислужницам вынести труп в корзине через тронный зал (В); В хрониках и у Сыма Цяня сохранился лишь упоминавшийся уже мельком эпизод: Сюань-ван вмешался **как-то** в практику престолонаследия в Лу, сделав младшего сына правителя наследником — несмотря на соответствующее поучение, текст которого приведен в «Го юе» (В). В авторском тексте мы этот темпоральный маркер не обнаруживаем.

Важным смыслом при конструировании исторического нарратива является «всегда», а также связанные с ним «навсегда» и «как всегда»: Буддийская церковь, помогая светской власти укреплять ее положение и господство над народом, сама **не всегда** подчинялась растущей силе централизованной государственности (М); Чтобы **навсегда** стереть память о восстании, город был переименован в Энчжоу (М); Во владениях крупных феодалов землю, **как всегда**, дробили на мельчайшие участки и отдавали в держание земледельцам (М).

Наречие *всегда* входит в синонимико-вариативный ряд (СВР)¹³⁵, к которому также относятся *вечно*, *бесконечно*, *постоянно*, *непрерывно*, *беспрерывно* и именная темпоральная группа *всё время*¹³⁶. Из этих единиц в нашем материале со значимой частотностью встречаются только *всегда* (479 употреблений) и *постоянно* (209), при этом частотность *всегда* — меньше, чем в НКРЯ (619 ipm), а *постоянно* — больше (111 ipm), что обусловлено спецификой исторического текста.

---

¹³⁵Синонимико-вариативный ряд, согласно определению М.В. Всеволодовой, это ряд лексико-семантических вариантов слов одной части речи, сходных по значению, степень взаимозаменяемости которых в контекстах варьируется от взаимозаменяемости до взаимоисключения в зависимости от морфологических, синтаксических, коммуникативных факторов (Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. — М.: Издательство Московского университета, 2000. — 502 с. С. 68).

¹³⁶ Мареева Ю.А. Семантика и стилистика русских темпоральных наречий *всегда*, *вечно*, *бесконечно* (лингводидактический аспект) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2021. — № 201. — С. 194—200.

Использование наречия *всегда* в рассматриваемых нами текстах отличается следующей спецификой, связанной с типами субъектов, которым приписывается признак в сопровождении темпорального маркера *всегда*.

1) Использование *всегда* по отношению к групповым или абстрактным субъектам.

1.1) Наречие *всегда* используется для подчеркивания имманентного признака субъекта, обладающего этим признаком на всем протяжении своего существования. При этом речь идет не об индивидуальном субъекте, существование которого ограничено его жизнью (*Петя всегда хотел стать летчиком*), а о групповом субъекте или о государстве: *Это была та цивилизованность, что всегда отличала чжоусцев не только от варваров, но и от ближайших полуварварских соотечественников-соседей, прежде всего от Цинь и Чу (Б); Вторая категория состояла из китайцев, «по своей воле» перешедших в крепостную зависимость. Одни из тоучунжэней всегда были безземельными, другие недавно потеряли землю, отошедшую к завоевателям, третьи боялись ее лишиться (Н).*

Цивилизованность рассматривается как характерный признак, отличающий чжоусцев от всех их соседей. *Всегда* здесь является не только темпоральным маркером, но и смысловым акцентом. *Всегда были безземельными* — это классификационный признак, отличающий одну категорию крестьян от другой и определяющий их поведение и отношение к ним.

Такое использование *всегда* можно назвать диахронным, поскольку оно охватывает прошлое субъекта-носителя признака и текущий момент его существования, описываемый автором. В этот момент признак, отмеченный маркером *всегда*, может продолжаться, сохраняться или «прерываться», т.е. отменяться переходом субъекта в новое качество.

Текстовое окружение такого *всегда* указывает на диахронный взгляд в прошлое: *«Политическая слабость китайской буржуазии объяснялась в первую очередь тем, что китайский капитализм и китайская буржуазия не*

имели своей собственной *предыстории*, их *возникновение* явилось прежде всего результатом «открытия» Китая и привнесения развитых форм капитализма. Те социальные группы, из которых формировалась современная буржуазия, до «открытия» страны были интегральной частью господствующего класса традиционного, «азиатского» общества и не имели собственных *традиций* борьбы против этого общества. *Предпринимательские* слои в Китае *всегда* были устранены из политической жизни, и это *унаследовала* китайская буржуазия и в XX в.»¹³⁷ (М). В данном фрагменте рассказывается об истории китайской буржуазии с момента ее возникновения до XX в. Он наполнен лексическими единицами, указывающими на диахронный взгляд: *предыстория*, *возникновение*, *до «открытия» страны*, *традиции*, *унаследовала*. При этом автор не только сообщает читателю об истории китайской буржуазии, но и расширяет временную и субъектную перспективу в прошлое: с помощью всегда вводится характеристика уже не просто буржуазии, но более широкого круга субъектов — *предпринимательских слоев*.

1.2) *Всегда* может функционировать как синоним *обязательно*, *во всех случаях в определенный момент (период)*: тогда имеются в виду не разные временные инстанции одного субъекта истории, а речь идет о практике, принятой в определенное время. Можно назвать такое употребление синхронным или дистрибутивным.

Это хорошо видно по следующему фрагменту, описывающему положение крестьянства в Китае в определенный период времени:

«На полях крупных феодалов трудились разные группы зависимых от хозяина крестьян. Эти были буцзюй, кэху, дяньху — «возделыватели» земли. (Термин дяньху позднее стал пониматься как арендатор.) Они держали от феодала небольшие участки земли, платили ренту и выполняли работы по требованию господина.

---

¹³⁷ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 425.

Феодалы использовали также и труд рабов, но значительно реже, поскольку землю на рабов они **не всегда** могли вытребовать. На полях, полученных на кормление чиновниками, чаще всего работали государственные надельные крестьяне.

Какую бы форму ни принимало крестьянское землепользование, это **всегда** был небольшой участок поля, который нужно было обработать своими примитивными орудиями производства»¹³⁸ (С).

Предикаты несовершенного вида — *трудились, были, держали, платили, выполняли, могли, работали* — создают узуально-характеризующий контекст. Речь в нем идет о признаках, которые были присущи субъектам — феодалам и крестьянам — не на всем протяжении их существования, а в ограниченный период, но в необязательном порядке (*не всегда могли вытребовать*) или в обязательном порядке (*это всегда был небольшой участок поля*).

См. еще один аналогичный пример: *Для содержания армии повстанцы были вынуждены проводить насильственные мобилизации и реквизировать продовольствие, что не всегда находило поддержку у населения* (М) — ... что не во всех случаях (не у всего населения) находило поддержку. Речь при этом идет о весьма коротком промежутке времени — одном из этапов одного восстания.

Читатель учебника должен проявлять внимательность при разграничении диахронного и синхронного *всегда*.

2) Использование *всегда* по отношению к индивидуальным субъектам в значении «на протяжении всей жизни» или «на протяжении определенного периода жизни» субъекта истории: *В армии Чан Кай-ши, контролю над которой он всегда придавал особое значение, действовали две основные группировки «военной бюрократии»* (С).

---

¹³⁸ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 67.

Чтобы разграничить случаи, когда такое употребление *всегда* является в полном смысле слова темпоральным и когда оно носит характер экспрессивного акцента, иногда нужно владеть историческими знаниями и контекстом. В некоторых случаях такое *всегда* кажется довольно пустым семантически: *Сунь Ят-сен пытался достичь цели... при помощи вершущих комбинаций, используя южных милитаристов, из демагогических соображений и региональных интересов заявлявших о своей поддержке Сунь Ят-сена, но всегда готовых в случае разногласий выступить против него* (С) — здесь *всегда* — это скорее экспрессивный акцент, чем собственно временной маркер. На это указывает уточнение условий, при которых может состояться выступление южных милитаристов — *в случае разногласий*.

В других случаях слово *всегда* принципиально важно: *«Примечательно идейное обоснование Лян Цичао своей позиции: «Я всегда, в любое время против революции, — подчеркивал он, обращаясь к монархистам. — Я против вашей монархической революции в настоящее время так же, как и вы были против республиканской революции в прошлом»»*¹³⁹ (М).

3) Модусное *всегда*, которое используется в предикации, передающей отношение к каким-либо лицам, событиям, институциям, признакам, при этом время модуса оказывается шире времени основной предикации: *«Незавершенность складывания классов нового, буржуазного общества и недоразрушенность старых традиционных общностей, переходность всей социальной структуры Китая послесиньхайского времени делали социальные позиции новой интеллигенции весьма автономными, а относительно высокий образовательный уровень (всегда в Китае престижный) и приобщенность к современным формам производственной и политической организации позволяли не без успеха претендовать на лидерство в политической жизни страны»*¹⁴⁰

---

¹³⁹ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 381.

¹⁴⁰ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 426.

(М). Диктумные предикации здесь относятся к послесиньхайскому времени, модусная вставка (отношение к образованию в Китае) — имеет более широкий временной охват, распространяясь на всю историю Китая.

4) Признак, отмеченный временным маркером *всегда*, относится ко всему Китаю. При этом распространение характеристики, отмеченной временным маркером *всегда* на «всю историю Китая» может быть ограничено: *Рабство в Китае было всегда, вплоть до XX в.* (Б).

2.1.3. Темпоральные (предложно-)падежные синтаксемы существительных

Темпоральные (предложно-)падежные синтаксемы, образуются от темпоральных, событийных и личных имен и используются

а) для точной или приблизительной датировки событий, например, **Родит. пад.:** *Война 630 г. ставила цель защитить земледельческие районы страны от вторжений кочевников* (С). **В период + Родит. пад.:** *В период правления императора Канси (1662—1723) были предприняты усилия по составлению энциклопедий и словарей* (М). **В период + между + Творит. пад.:** *В период между 1405 и 1433 г. было организовано семь экспедиций в страны Юго-Восточной и Южной Азии* (М);

б) для указания на продолжительность, например, **За + Винит. пад.:** *За несколько лет малолетний цзиньский Лин-гун превратился в великовозрастного жестокого и кровожадного тирана, проводившего жизнь в роскоши и разврате* (В);

в) для указания на частотность, например, **в + Винит. пад.:** *Дважды в год верховный правитель возглавлял самые важные, с точки зрения китайцев, религиозные церемонии* (М);

г) для выражения таксисных отношений, например, **после + Родит. пад.:** *Чжоусцы сразу же после крушения Шан умело использовали в своих интересах это обстоятельство* (В); **Во время + Родит. пад.:** *Пленных, захва-*

ченных во время междоусобных войн, использовали как рабочую силу (Б).; **перед + Творит. пад.:** *Перед смертью* Хуань-ван поручил Хэй Цзяню позаботиться о любимом младшем сыне Кэ (В) и т.п.

В учебниках по истории Китая представлены все темпоральные синтаксемы, указанные в «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой¹⁴¹ и описанные М.В. Всеволодовой¹⁴², однако их использование отражает специфику исторического нарратива. Так, для реализации важной для него категории засвидетельствованности, для указания на дату упоминания события в древнем источнике используется синтаксема **Под + Творит. пад.** (под таким-то годом в хронике упоминается), а партийные и правительственные постановления, директивы и т.п. датируются с помощью синтаксемы **От + Родит. пад.** (постановление пленума от такого-то числа). Получается, что эти две синтаксемы востребованы для повествования о разных периодах истории: древности и современности.

Активно используются темпоральные синтаксемы существительных с фазисным значением — *начало, конец, середина* (*К началу, к концу, к середине тысячелетия, века, года, месяца, события...* *В начале, в конце, в середине тысячелетия, века, года, месяца, правления...*) и темпоральные синтаксемы со словом *время*: *первое время, некоторое время, к тому времени, тем временем*. Значимость хронологических границ, переходов от одного периода к другому подчеркивается употреблением синтаксемы **На рубеже + Родит. пад.** (редко — **На грани + Родит. пад.**).

Как «интрига», «сюжет» понимается не только вся история или какой-то ее период в целом, но и отдельное событие: оно «неравномерно», имеет начало (завязку), кульминацию, конец (развязку), а несколько событий могут объединяться в одно как его последовательные составные части. Такое понимание события отражается в частности в использовании синтаксемы **в разгар +**

---

¹⁴¹ Золотова Г.А. Синтаксический словарь русского языка. — М.: Наука, 1988. — 439 с.

¹⁴² Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 283 с.

Родит. пад. и существительных *этап, стадия, фаза* и *период* в значении «этап».

Традиционная для нашего понимания линейность истории сочетается в истории Китая с теорией китайского династического цикла, что приводит к появлению в текстах авторов, придерживающихся этой теории, разнообразных синтаксем слова *цикл*, словосочетаний с ним и его производными *циклический, цикличность*. Теория цикличности «катализирует» и употребление существительных *эпоха, этап, стадия, период, фаза*, которые членят в данном случае уже не однонаправленный исторический вектор, но цикл: «Начиная с эпохи Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), в эволюции Среднего государства явственно проявляется фактор цикличности. Речь идет о чередовании династических циклов <...> Каждый цикл начинался после очередной военной и политической катастрофы... Цикл начинался с установления новой династии и с фазы всеобщей разрухи. На смену ей приходила стадия восстановления. На этом этапе... Наступал период стабилизации... На очередной стадии цикла...»¹⁴³.

Обращает на себя внимание принцип сочетания нескольких темпоральных синтаксем в одном предложении для темпоральной локализации одного события: *После смерти Гао-цзу в 195 г. до н.э. во время битвы с правителем царства Хуэйаньань ему наследует его сын Лю Ин (Б)*. «Нагнетание» темпоральных маркеров дает автору возможность не просто расположить событие на хронологической оси времени, но и ориентировать его относительно других событий и/или установить между ними причинно-следственные связи. Такие «сгустки» субстантивных показателей времени могут аранжироваться наречием или частицей, характеризующими темп, своевременность или запоздалость действий, оценивающими временной промежуток между событиями: *Вскоре после падения Лояна в 317 г. при-*

---

¹⁴³ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 7.

дворные, собравшиеся в г. Цзянье (позже Цзянькан), в районе современного Нанкина, провозгласили одного из отпрысков дома Сыма императором (С). В данном примере есть указание на конкретный год события — 317. Но автор учебника считает, что этого недостаточно. Он соотносит одно событие (провозглашение императора) с другим (падение Лояна), — первое произошло после второго. При этом автор с помощью *вскоре* указывает, что промежуток времени между событиями следует оценивать как незначительный с точки зрения исторического времени.

Желание авторов представить не просто последовательность событий, но «понимание истории» приводит к тому, что темпоральные лексеммы снабжаются присловными распространителями — адъективными и субстантивными, позволяющими более точно охарактеризовать, например, определенный период времени и дать ему оценку: ***В критический период военного и политического перелома 1648 — начала 1649 г. правительство Доргоня приняло действенные меры для удержания завоеванных китайских провинций в рамках государства Цин (М).*** Здесь период охарактеризован дважды — оценочным прилагательным и именной группой в Родит. пад., ср.:

в период 1648 — начала 1649 г. —

в критический период 1648 — начала 1649 г. —

в период военного и политического перелома 1648 — начала 1649 г. —

в критический период военного и политического перелома 1648 — начала 1649 г.

Из последней синтагмы мы получаем информацию и о временных границах периода, и о его оценке как критического, и о событиях, которыми он был наполнен.

Далее мы приводим список темпоральных синтаксем существительного, обнаруженных нами в исследуемых текстах с примерами и комментариями.

Синтаксемы Родит. пад.

Родит. пад. без предлога в присубстантивной позиции — образуется от темпоральных имен, для темпоральной локализации событий, исторических источников, времени жизни исторических личностей и издания документов. Используется в присловной позиции.

Примеры: *Наиболее крупным выступлением китайских рабочих после стачек 1919 г. была забастовка моряков Гонконга в январе 1922 г. (С); По записям 606 г., на государственном учете состояло 46 с лишним млн душ, а в 754 г. — около 53 млн (С); Известный философ и ученый XVII в. Гу Янь-у писал с негодованием, что «чиновники по сбору налогов слетаются, как искры, а приказы о сборе налогов часты, как шерсть вола» (С); Специальным Желтым реестром 1385 г. была закреплена система трудовых повинностей для ремесленников (С); Любовь к героям Ляншаньбо и Юэ Фэю у китайцев цинской эпохи сохранялась неизменной (Н).*

Относительно событий эта синтаксема используется, как правило, в контексте повторной номинации: в первом примере выше о стачках уже сообщалось ранее по тексту. Ср. также: *Классовая разобщенность китайского общества, порожденная Крестьянской войной 1628—1647 гг., уступала место национальному единству перед общим врагом (Н).* О Крестьянской войне уже шла речь выше в тексте.

В этой синтаксеме мы часто встречаем в текстах учебников слова *начало, конец и середина + века или тысячелетия*, что является типичной характеристикой исторического текста: *Длительные войны и междоусобия начала VII в. привели к опустошению многих районов страны, к запустению полей, к массовой гибели земледельческого населения (С).*

Во время + Родит. пад. — синтаксема от событийных имен. Она используется с аористивными, имперфективными и перфективными предикатами, что дает разные варианты «одновременности» событий.

Примеры.

Аористивные предикаты (наименования действий, двигающих повествование вперед): **Во время личной встречи с Гуан-сюем Юань заявил, что «убить Жун Лу так же легко, как расправиться с собакой»** (М);

Имперфективные предикаты (итеративные или узуально-характеризующие): **Во время восстаний и походов крестьяне расправлялись со своими угнетателями** (С) — повторяющиеся действия (расправлялись), происходившие в период, названный синтаксемой **Во время + Родит. пад.**; **Во время переговоров военные действия фактически не прекращались, хотя имели преимущественно местный, ограниченный характер** — узуальный признак (не прекращались, имели ограниченный характер), проявляющийся в период, названный синтаксемой **Во время + Родит. пад.**

Перфективные предикаты (изменение состояния, результат действий, событий, произошедших в определенный период): **Во время войн Ян Цзяня многие земли, ранее принадлежавшие знати и чиновникам — противникам объединения страны, подверглись конфискации** (С); **Во время внутренних войн и нашествий кочевников в IV—V вв. почти все города Китая были разграблены или сожжены** (С); **Во время Крестьянской войны и маньчжурского нашествия сильно пострадала столичная провинция Чжили, а также Шаньси и Шаньдун** (Н).

Темпоральное значение синтаксемы может совмещаться с каузативным, как в двух последних примерах (возможно, в трех). Диагностическим признаком может служить возможность замены *во время* на *в результате*, ср.: *В результате внутренних войн и нашествий кочевников... В результате Крестьянской войны и маньчжурского нашествия...*

Синтаксема **во времена + Родит. пад.** имеет более узкий круг употребления. Во-первых, она образуется в основном от имен правителей и империй: **Во времена Кан-вана столицей стал город Цзинь** (В); Упоминание о наложницах и евнухах можно найти в самых древних китайских письменных источниках, но только **во времена ранних империй** они начинают играть

политическую роль (Б). Примеры этой синтаксемы от темпоральных и при-
знаковых имен в наших текстах единичны: *Во времена цинской реакции об
этих трех выдающихся мыслителях люди мало знали, да и то понаслышке*
(Н); *Во времена средневековья...* (В). Во-вторых, она используется только для
характеристики временных периодов, значительно отдаленных от современ-
ности. Нельзя сказать * *во времена Олимпиады в Пекине*.

В период + Родит. пад. — используется с событийными именами и
названиями династий.

Примеры: *Именно здесь в период правления циского царя Хуаньгуна
(374—356 гг. до н. э.) было создано первое в истории Китая своеобразное
высшее учебное заведение — академия Цзися* (С); *В период подъема движе-
ния повстанцы пытались знакомить население со своими намерениями* (С).

При указании на период правления какой-либо династии количество
компонентов в конструкции может варьироваться (*в период правления дина-
стии / империи X — в период династии / империи X — в период X*), что де-
монстрируют следующие примеры:

*В период правления династии Хань в стране возросло количество
наемников* (С);

*Существовавшая в период империй Цинь и Хань практика откупа от
повинностей позволяла богатым землевладельцам, торговцам и ремесленни-
кам избавляться от них* (С);

Китай в период Чжаньго (V—III вв. до н. э.) (С).

В качестве синонима выступает конструкция **При + Предл. пад.**, кото-
рая тоже может включать разное количество компонентов, ср.: *При династии
Чжэнов осуществлялись меры, направленные на подъем экономики* (М);
*Мобилизованных общинников направляли на строительство... Великой стены
(она реконструировалась и при Ханях)* (С). Но в этом случае вариант *при
правлении династии X* не употребляется. Название династии может исполь-
зоваться во множественном числе, как мы видим в приведенном примере, и в

единственном числе, например *при ранней Хань* (см. пример с предлогом *на протяжении* ниже).

Составные предлоги (сочетания, эквивалентные предлогу) *во время, в период, в конце* + *Родит. пад.* по результатам автоматизированного количественного анализа входят в 100 самых частотных биграмм нашего массива текстов.

В начале, в конце, в середине + *Родит. пад.* — образуются как от темпоральных, так и от событийных имен, а также от наименований династий. Уже круг употребления у синтаксемы *в разгар* + *Родит. пад.*, которая образуется в рассматриваемых текстах только от ограниченного круга событийных имен с отрицательной коннотацией (*война, кризис* и под.).

Следует отметить, что морфологическая характеристика подобных образований является дискуссионной в русистике. В целях нашего исследования представляется целесообразным рассматривать *в начале, в конце, в середине, в разгаре* и подобные сочетания как сочетания, эквивалентные предлогу, в русле концепции М.В. Всеволодовой и ее учеников¹⁴⁴.

Примеры:

Еще в начале VIII в. до н.э. после смерти правителя Му-хоу разгорелась борьба за власть между его наследниками (В).

В разгар этой войны, в октябре 1924 г., один из чжилийских генералов, Фэн Юйсян, выступил против руководителей чжилийской группировки У Пэйфу и Цао Куня (М); **В разгар тяжелого кризиса** либо после его преодоления, как то было в Хань во времена Лю Бана, Ван Мана или Гуан У-ди, происходил радикальный передел земель (М).

---

¹⁴⁴ Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2003. — № 2. — С. 17—58. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. Русские предложные единицы (предлоги и их эквиваленты). Синонимия и антонимия // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 26. — С. 112—127.

Интересно, что синтаксема **в конце + Родит. пад.** употребляется в исследуемых нами текстах в полтора раза чаще, чем **в начале + Родит. пад.**: 654 раз — **в конце + Родит. пад.** и 445 раз — **в начале + Родит. пад.**

В течение + Родит. пад. — от темпоральных и событийных имен, употребляется для характеристики как точного, так и неточного временного интервала.

Примеры: ***В течение XVIII в.** росло крупное землевладение за счет разорения земледельцев (С); **В течение более двух столетий** плодородные маньчжурские земли пустовали (С).*

В качестве синонима выступает синтаксема **на протяжении + Родит. пад.**: *Из сообщения того же Жу Чуня известно, что при Ранней Хань в районе к югу от Хуанхэ существовал обычай, по которому заложника можно было выкупать в любое время **на протяжении первых трех лет**: «Если же чжуйцзы **в течение трех лет** не будет выкуплен, то он превращается в раба (С).*

Последнее предложение показывает, что данная синтаксема также может использоваться в значении, синонимичном **За + Винит. пад.**: *В Китае **в течение года** ввозилось в среднем 400 ящиков опиума (М). Ср.: не будет выкуплен за год, ввозилось за год.*

Также синтаксеммы с предлогами **в течение** и **на протяжении** могут использоваться с эмфатической целью, подчеркивая продолжительность периода времени, которое занимало событие на временной шкале. Ср.:

***В течение 17 месяцев** сторонники «Сяодахуй» мужественно боролись против реакции, выдерживая блокаду маньчжурских войск, получавших поддержку из сетльмента (С) и **17 месяцев** сторонники...*

*Расовая и культурная разность этих стран **на протяжении** многих веков была практически непреодолимой (Б) и ...многие века была практически непреодолимой.*

Эмфаза при использовании *на протяжении* может усиливаться включением компонента *весь — на всем протяжении*: *В действительности, как свидетельствуют источники, на всем протяжении своего формирования и развития это общество не только оказывало влияние на соседние народы, но и воспринимало от них многие культурные достижения, впитывало разнообразные этнические компоненты (С).*

До + Родит. пад. — обозначение конечной временной границы, образуется от темпоральных и событийных имен, может сопровождаться эмфазой с помощью частиц *вплоть* (акцентирует, что событие длилось до указанной временной границы) и *еще* (указывает на заблаговременность действия или некоторое «забегание» события вперед на шкале истории). Эта синтаксема может сочетаться с обозначением начальной временной границы синтаксемами **от + Родит. пад.** или **с + Родит. пад.** Образует также сочетания, эквивалентные предлогу, **до конца, начала, середины + Родит. пад.**

В качестве конечной точки может выступать какое-то событие или точка на временной шкале прошлого либо *наше время*.

Примеры: *Но процесс отделения торговли от ремесла протекал медленно и продолжался **вплоть до XX в.** (С); Многие архитектурные памятники XIV—XVII вв. сохранились **до нашего времени** (С); Китайское государство **вплоть до конца XIX в.** продолжало придерживаться политики ограничения активности предпринимательского слоя (М); **Еще до начала войны** в штабе Квантунской армии... захватчики разработали перспективные планы экономического развития Маньчжурии (М).*

Иногда синтаксема образуется от личного имени: *И эта модель была создана до середины VI в. до н.э., т.е. **до Конфуция**, который, как известно, в свое время восклицал: «О, сколь велик был Яо как правитель! (М). До Конфуция — до времени, до эпохи Конфуция.*

Эта синтаксема используется в предложениях с сопоставительным и противопоставительным значением. В некоторых случаях об изменении си-

туации сообщается в пределах предложения (*До конца VII в. китайское правительство проводило экспансионистскую внешнюю политику, а в первой половине VIII в. пыталось удержать завоеванные позиции* (С)), иногда требуется выход в более широкий контекст: *До начала японо-китайской войны Сунь Ятсен считал возможным добиться некоторого улучшения положения страны путем проведения либеральных реформ цинским двором* (С). В последнем предложении не указано, что после начала войны точка зрения Сунь Ятсена изменилась, но читатель догадывается об этом по темпоральной «отсечке», использованной автором.

Накануне + Родит. пад. и в преддверии + Родит. пад. — добавляют к темпоральному значению предшествования сопоставительные и каузативные смыслы и как бы «приближают» два события, выстраиваемые в последовательность, друг к другу. *Накануне и в преддверии* — это «непосредственно перед», в истории предшествующие события оказывают влияние на последующие, поэтому данные синтаксемы мы встречаем в двух противоположных случаях: либо когда одно событие оценивается автором как неуместное накануне / в преддверии другого, невыгодное, неправильное с исторической точки зрения, либо, наоборот, когда первое событие является подготовкой ко второму.

Пример: *«Ее неслыханная страсть к роскоши привела к тому, что накануне войны с Францией (1884—1885) на строительство летнего дворца Ихэюань и гигантского парка вокруг него пошла даже часть ассигнований, предназначенных на закупку боевых кораблей за границей... В преддверии очередной схватки за власть Цыси в 1881 г. отравила свою соправительницу — императрицу Цыань, дабы та не стала орудием в руках ее противников»*¹⁴⁵ (Н). В первом случае речь идет о том, что траты императрицы Цыси на летний дворец и парк были особенно неуместны, потому что на пороге стояла война.

---

¹⁴⁵ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 451.

Во втором случае сообщается о «предусмотрительности» императрицы Цыси, отравившей соправительницу, чтобы обеспечить себе более выгодную позицию в схватке за власть. В очередной раз мы встречаемся с иллюстрацией нарративного понимания истории: автор не просто перечисляет события, он встраивает их в логику исторического процесса. И постройка дворца, и отравление соправительницы не просто предшествовали войне и схватке за власть, но имели на них влияние. Кроме того, мы получаем больше информации о личности императрицы Цыси, совершавшей именно такие действия накануне/в преддверии важных событий.

Позиция автора может дополнительно эксплицироваться с помощью частицы *как раз*: *Опиумокурение ослабляло оборонительные способности Цинской империи как раз накануне ее вооруженного столкновения с флотом и войсками капиталистической Англии (Н).*

Около + Родит. пад. — примерное, неточное указание на временную точку или интервал, образуется только от темпоральных имен.

Примеры: *Около 100 лет Танская империя удерживала под своей властью часть Великого шелкового пути (С); Около 40 лет эти царства воевали друг с другом и кочевниками (Б); Потомки Чу-гуна правили в Вэй еще около двух с половиной столетий (В).*

Эта синтаксема также используется для указания неточно известных дат жизни исторических личностей: *Творцом одной из этико-политических и философских школ был Моцзы (около 479—381 гг. до н.э.) (С).*

От + Родит. пад. — датировка партийных и правительственных постановлений, директив и т.п.

Примеры: *В обращении Политбюро ЦК КПК к гоминьдану и нанкинскому правительству от 15 декабря 1936 г. выдвигалось требование принять условия Чжан Сюэ-ляна (С); Как говорилось во внутрипартийной директиве ЦК КПК от 1 октября 1946 г., «опыт трех месяцев показывает, что там, где директива ЦК от 4 мая ...выполнялась твердо и оперативно и аграрный*

вопрос разрешен глубоко и радикально, крестьяне вместе с нашей партией и нашей армией борются против наступления войск Чан Кай-ши (С). Ср. с датировкой эдикта времен империи Тан в том же учебнике: Ли Юань, основатель Танского государства, в специальном эдикте 624 г. обвинял буддистов в стремлении уклониться от государственных повинностей и упрекал монахов в корыстолюбии (С).

По мере + Родит. пад. — встречается в обоих значениях, выделенных в толковом словаре под ред. Ефремовой для этого предлога («1. Употребляется при указании на действие, которое совершается постепенно. 2. Употребляется при указании на причинную зависимость действия; в соответствии с чем-либо, в зависимости от чего-либо» (<https://gufo.me/dict/efremova>), при этом в ряде случаев данные значения трудно разделить. Также встречается в сложных предложениях.

Примеры: *По мере роста имущественной дифференциации в деревне этот процесс приобрел все больший размах (С); По мере укрепления царской власти уездная система постепенно распространялась на земли всего государства (С); Ненависть к новым порядкам и их живому олицетворению Ши-хуану усиливалась, по мере того как первые результаты реформ, давших экономический эффект, стали перекрываться дискомфортом (М).*

После + Родит. пад. — образуется от темпоральных и событийных имен, обозначает последовательность событий, часто включает каузативный или условный компонент значения.

Примеры: *Летом 1935 г. после встречи в Сычуани армий 1-го и 4-го фронтов в руководстве КПК возник острый кризис (С); После смерти Сыма Яня в 289 г. началась борьба за престол (С); После достижения 60-летнего возраста их обычно освобождали (С) — при условии достижения 60 лет; После этой казни царство Ци почти столетие как бы приходило в себя (М) — из-за этой казни.*

В предложении может эксплицироваться связь между событиями, одно из которых обозначено синтаксемой **после + Родит. пад.** Иногда предыдущее событие как бы открывает дорогу последующему, иногда устраняет помеху или создает условия для его осуществления, иногда последующее событие выступает в противовес предыдущему. Например: *После смерти У Цзэ-тянь, которая пожаловала буддийской церковной организации большие пространства полей, была проведена конфискация монастырских земельных владений (С); После завершения Последнего ледникового периода около 10 тыс. лет до н. э. установившийся на земле климат позволил сделать первые шаги от выживания к цивилизации (Б) — снятие помехи.*

Иногда автор считает нужным указать на маленький временной промежуток между событиями с помощью наречия *вскоре (Вскоре после взятия Сюйчжоу, 5 декабря 1948 г., войска 4-й полевой армии и двух групп войск Северного Китая начали третье крупнейшее сражение (С); Вскоре после победы над Шан У-ван умер (М))* или указать время, прошедшее «после»: *Сунское правительство через 60 лет после казни было принуждено присвоить полководцу высокий титул и воздвигнуть могилу и храмы в Ханчжоу и в Учане (С).*

Образование этой синтаксемы от личных имен нехарактерно. Требуется очень большая историческая значимость имени, личность, которая изменила жизнь нации, чтобы такая синтаксема образовалась. Таким именем, конечно, является Конфуций: *Но, как бы то ни было, именно за первые два века после Конфуция, в период Чжаньго, Китай сумел добиться очень многого (М).* Ср. с примером, в котором использована синтаксема *до Конфуция*, выше.

С + Родит. пад., с конца, с начала, с середины + Родит. пад., со времени + Родит. пад. — синтаксемы темпоральных и событийных, реже — личных имен, обозначающие начальную точку, событие или период отсчета времени. Конец интервала может быть обозначен (например, синтаксемой **до + Родит. пад.** или **по + Дательн. пад.**) или не обозначен.

Примеры.

Только начальная точка (интервал, событие): *С начала 30-х годов в ответ на агрессию японского милитаризма в Китае происходит новый подъем освободительного движения (С); С XV—XVI вв. переживало расцвет строительное дело (С); Императорские указы со времени У Цзэ-тянь воспрещали «занимать поля без ограничений» и «скрывать податных» (С); Подданные цинского императора с конца XVII в. представляли собой обезличенные существа, лишённые инициативы и приспособленные к механическому выполнению сословных, профессиональных, служебных и семейных функций (Н).*

Значение начала может быть эксплицировано дополнительно с помощью формы начиная: *Данный вид борьбы с непокоренными интеллектуалами азиатская деспотия в Китае практиковала начиная с эпохи Хань (Н) — ... с эпохи Хань; Начиная же с конца XII в. с ростом имущественного неравенства монголы стали кочевать аилами (М) — С конца XII в. ....*

Начальная и конечная точка (интервал, событие): *Всего же в трех крупнейших сражениях в Северо-Восточном, Северном и Восточном Китае с осени 1948 по январь 1949 г. противник потерял свыше 1,5 млн солдат и офицеров и обширные территории (С); Сами императоры с 1456 г. стали закреплять государственные земли в качестве своих личных владений (ху-анчжуан). К концу правления династии Мин число императорских поместий достигло 300 (С).*

Эта синтаксема в сочетании с синтаксемами, «закрывающими» интервал времени, является основным средством для периодизации истории: *Период политической раздробленности определяется в китайской историографии с 220 по 589 гг. (Б); В истории развития Китайской Народной Республики с конца 40-х до начала 70-х годов XX столетия различаются следующие периоды... (С);*

Указание на ограниченный временной интервал может служить для акцентирования количественной значимости событий или изменений, произошедших в его пределах: *В период с 1405 по 1421 г. он совершил шесть путешествий в Юго-Восточную Азию, Цейлон, Индию и Персидский залив* (Б) — имеется в виду, что шесть — это много, это должно произвести впечатление на читателя; *Тем не менее за десятилетие с 1926 по 1936 г. промышленное производство возросло на 86%, а среднегодовой прирост составил 6,4%, и это в те годы, когда весь западный мир страдал от экономического кризиса и его последствий* (Б).

Синтаксемы Дательн. пад.

К + Дательн. пад., к началу, концу, середине + Родит. пад., ко времени + Родит. пад. — образуется от темпоральных, реже — событийных, никогда — от личных существительных. Синтаксема обозначает точку или интервал на временной шкале по отношению к началу которого предоставляются количественные данные или фиксируется качественное состояние.

Примеры

Количественные данные: *К VI в. в государстве Северных Вэй насчитывалось до 50 тыс. монастырей и до 2 млн монахов* (С); *К концу июня потери гоминьдановцев превысили 80 тыс. человек* (С); *Весьма многочисленным населением империи, которое к концу XVIII в. по подсчетам современных исследователей составило около 300 млн человек, управляли всего 27 тыс. чиновников* (М),

Качественное состояние: *К XI в. довольно высокого уровня достигло строительное искусство* (С); *К середине XIV в. экономика империи пришла в упадок* (С); *Однако к февралю 1855 г. положение повстанцев ухудшилось* (С).

Синтаксема к тому времени употребляется в конструкциях с перфективными предикатами, обеспечивающими «взгляд назад» по ходу повествования: *В 23 г. один из отрядов Лю Сюаня, которого к тому времени провоз-*

гласили ханьским императором под именем Гэньши, овладел столицей империи г. Чанъань (С); Но южные войска встретили отпор со стороны хорошо организованной конницы тобийцев, завладевших **к тому времени** Северным Китаем (М); Чжурчжэни начали войну против империи Ляо, **к тому времени** значительно ослабевшей (М). В этих примерах синтаксема **к тому времени** находится в придаточном предложении или причастном обороте, обозначающем событие, случившееся до события, названного в главном предложении или основном предикате, и объясняет успех этого основного события, его логичность или неожиданность. Реже эта синтаксема встречается в главном предложении / при основном предикате, отсылая в таком случае к событию, названному ранее в тексте: *Маньчжурь к тому времени разгромили все минские армии* (Б); *Чжурчжэни, добившись покорности соседних племен, начали захватнические войны против киданьской империи Ляо. **К тому времени** это государство значительно ослабло* (С).

В структуре текста учебника синтаксема **к + Дательн. пад.** может вводить фрагмент текста, в котором сочетаются перфективные и имперфективные предикаты и дается объемная картина положения дел на определенный момент времени: *«Территория Северного Китая **ко времени тобийского завоевания и образования Северовэйского государства** являла картину упадка. Многие поля запустили и поросли сорняками, тутовые деревья засохли, ирригационная сеть разрушилась, деревни обезлюдели. Города превратились в развалины, их жители были истреблены, уведены в плен или бежали на юг. Ремесло сохранилось лишь кое-где в деревне. Торговать стало почти невозможно, а обмен осуществлялся натуральным способом. Функции денег зачастую выполняли шелковые ткани и лошади»¹⁴⁶* (С). Здесь перфективные предикаты: *запустили, поросли, засохли, разрушилась, обезлюдели, превратились, были истреблены, уведены, бежали, сохранилось, стало*. Они говорят

---

¹⁴⁶ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 58.

о том, какие негативные изменения произошли на территории Северного Китая в обозначенный в первом предложении фрагмента период времени. Имперфективные предикаты: *являла, осуществлялся, выполняли*. Они характеризуют текущее состояние.

Еще одна текстовая функция этой синтаксемы — организация времени в повествовании о военных действиях: ***К августу** английские суда находились на рейде Нанкина, и угроза захвата иностранцами древней столицы Китая представлялась реальной... **К октябрю** того же года армии, численность которой сократилась до 20 тыс. человек, удалось дойти до пригородов Тяньцзиня (М); **К 21 декабря** войска противника были расчленены и изолированы в нескольких городах, после этого соединения НОА начали разгром противника по частям (С); **К 221 г. до н.э.** в результате успешных воин вся Поднебесная оказалась в руках Ин Чжэна (Б).*

Синтаксемы Винит. пад.

Винит. пад. без предлога — от темпоральных имен, обозначает продолжительность, точную или не точную.

Примеры: ***Первые восемь лет существования (первые два периода)** КНР развивалась в союзе с СССР и другими социалистическими странами (С); **Возможно, отречение Ли Юаня от власти в 626 г., хотя он жил после этого еще 10 лет,** было связано с его политикой в отношении буддийской церкви (С); **Представители разных поколений таких фамилий, как Синь, Инь, Линху, Ли и Ган функционировали в сфере управления более тысячи лет** (С).*

В + Винит. пад. — образуется от темпоральных существительных и признаков имен типа *царствование, правление*, обеспечивает темпоральную локализацию событий на исторической оси, при этом событие может «занимать» весь период (имперфективные узуально-характеризующие и итеративные предикаты) или происходить в неопределенный момент времени,

т.е. неважно, когда конкретно, важно, что в этот период, что к его концу имеется результат (перфективные предикаты).

Примеры.

Имперфективные предикаты: **В годы своего возвышения Чжу Юань-чжан** постоянно пользовался советами ученых конфуцианцев (С); **В ту пору** казна еще не делилась на царскую и государственную, и всему, что касалось императора и его жилища, придавалась государственная важность (С).

Перфективные предикаты: **В царствование Хань** некоторые циньские центральные административные отделы разрослись в ведомства (С); **В кратковременное царствование Сунов** были сделаны попытки расширить фонды государственных земель, улучшить положение местного населения, завоевать север страны (С).

Синтаксема *в то же время* не синонимична синтаксеме *в то время* (**В то время** в городах жило многочисленное население (С)) — она в разных пропорциях, в зависимости от контекста и фоновых знаний субъекта, сочетает темпоративное и уступительное значения. Примеры: **В сунский период** значительно усовершенствовалось изготовление керамических и фарфоровых изделий... **В то же время** возникали и новые отрасли ремесла, которые обусловили новые научные открытия (С); **В определенной мере** представляя и защищая интересы частных магнатов... , императорская власть **в то же время** твердо управляла землевладельческой средой, как и остальной массой своих подданных (Н); **За годы войны** под руководством КПК были созданы крупные народные вооруженные силы и их опорная база — освобожденные районы.. **В то же время** углубился экономический и политический кризис реакционного гоминьдановского режима (С).

Синтаксема **в + Винит. пад.** может также использоваться для сообщения о регулярности, периодичности событий, выражая тот период, в который происходит определенное их число: *Один раз в три года они выбирали общего для всех восьми аймаков вождя (С); Земельный налог, который податные дворы выплачивали государству дважды в год (летом и осенью), взимался чаще всего натурой (С); Цины обещали не чинить препятствий караванам, один раз в три года прибывавшим в Пекин (С).*

За + Винит. пад. — от темпоральных существительных, обозначает временные пределы, в которых проявляется свойство или осуществляются действия. Пределы могут устанавливаться с количественным показателем (*за пять лет*), посредством указания на событие, их определяющее (*за годы войны*), или комбинированием этих двух способов (*за пять лет войны*).

Примеры: *За три с половиной месяца путешественники благополучно добрались до китайской столицы (Б); Особенное недовольство вызвали денежные реформы Ван Мана. За 14 лет своего правления он провел пять денежных реформ (С); За период правления минской династии земледелие в Китае достигло новых высот (М).*

Синтаксема может использоваться для обозначения последовательности событий, разделенных определенным сроком, совместно с синтаксемой **до + Родит. пад.:** *29 декабря 1911 г. собравшиеся в Нанкине делегаты от провинций избрали Сунь Ят-сена, за несколько дней до того вернувшегося из длительной эмиграции на родину, временным президентом Китайской республики (С).*

Для акцентирования краткости интервала или интенсивности действий, которые в нем происходят, автор может использовать частицы *только* и *всего*: *Уорд только за один год наградил 350 тыс. лянов серебра (С); Так, при их покровительстве после нескольких лет подготовительных работ всего за три года были составлены истории династий Ляо (907—1125), Цзинь*

(1115—1234) и Сун (960—1279) (М). При этом в первом случае частица *только* указывает, что Уорд грабил не один год и помногу: сумма награбленного за один год должна впечатлить читателя не только своей величиной и краткостью срока, но и тем, что она представляет только небольшую часть награбленного. Во втором примере частица *всего* указывает только на краткость срока и интенсивность действия — составление историй династий не выходит за пределы указанного интервала.

Эта синтаксема также используется для датировки хроникальных записей: *Китайские источники отмечают за 1841—1849 гг. 110 восстаний и волнений* (С).

На + Винит. пад. — образуется от темпоральных существительных, от событийных — посредством синтаксем **на время, на период + Родит. пад.** Обозначает ограниченный срок, в течение которого что-то должно происходить или длиться.

Примеры: *В коммюнике говорилось, что пленум согласился с предложением Мао Цзэ-дуна о невыдвижении его кандидатуры **на следующий срок** на пост Председателя КНР* (С); *Англия арендовала сроком **на 99 лет** часть полуострова Цзюлун* (Б); *21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский договор о ненападении сроком **на пять лет*** (Б).

Синтаксеммы *на следующий год, на следующий день* используются для относительной датировки событий и могут использоваться с синтаксемой **после + Родит. пад.**, указывающей на событие, являющееся точкой отсчета, или без такой синтаксеммы: *Уже **на следующий год после основания** династии был издан императорский указ, повелевавший всем подданным регистрироваться при составлении новых подушных реестров* (М); ***На следующий день** на совещании руководителей Объединенного союза Сунь Ятсен был выдвинут на пост временного президента Китайской республики* (М).

По + Винит. пад. — от темпоральных имен, используется для указания на конечную границу периода, часто в сочетании с синтаксемой **с + Родит. пад.**, указывающей на начальную границу периода.

Синтаксема встречается в предложениях

— с перфективными предикатами: *В результате японского наступления гоминьдановцы потеряли **по декабрь 1944 г.** около 1 млн солдат (С); **С осени 1951 по осень 1952 г.** в Китае была развернута кампания по «идейному перевоспитанию интеллигенции» (Б);*

— с имперфективными предикатами: ***С августа по декабрь 1927 г.** коммунисты под лозунгами Советов и аграрной революции пытались поднять крестьянские восстания в провинциях Хунань, Хубэй, Цзянси, Гуандун (М).*

Спустя + Винит. пад. — от темпоральных имен, обозначает промежуток времени между событиями. обычно для обозначения периодов большей протяженности, чем **через + Винит. пад.**

Синтаксема может употребляться вместе с синтаксемой **после + Родит. пад.**, указывающей на точку, от которой отсчитывается временной интервал, выраженный синтаксемой **спустя + Винит. пад.**, или без нее. Точка отсчета может быть выражена событийным или личным именем.

Примеры:

*То самое Цинь, что **спустя пять с лишком веков** покончило с Чжоу, было создано на исконных чжоуских землях по повелению Пин-вана (В);*

*Лишь **спустя более четверти века** после смерти Цао Сюэциня роман был опубликован и стал предметом любви и поклонения читающей публики (Н);*

В том, что спустя век-полтора после Чэн-вана «больших нолей» было уже по меньшей мере несколько, убеждает знакомство с некоторыми другими песнями «Шицзина» (В).

В этой синтаксеме предлог может ставиться после существительного: *Некоторое время спустя после переворота в Пекине державы сорвали вторую попытку Цыси лишить Цзайтяня императорского сана (Н).*

Через + Винит. пад. — от темпоральных имен, обозначает промежуток времени между событиями.

— однотипные события, следующие друг за другом (два одинаковых предиката приписываются разным субъектам): *В ноябре 1908 г. умер император Гуансюй, вслед за ним **через несколько дней** умерла и Цыси (Б) — две смерти; Японские войска захватили Пекин и Тяньцзинь и продолжили наступление на Север. В ноябре пал Шанхай, **через месяц** Нанкин (Б) — два падения городов;*

— разные события, второе из которых вытекает, логически следует из первого или «отменяет» первое, противопоставляется ему (предикаты приписываются одному субъекту): *Дэн Сяопин, назначенный еще до съезда заместителем премьера Госсовета, на съезде вошел в состав ЦК, затем политбюро, а **через несколько месяцев** стал заместителем Председателя ЦК КПК (М) — в предложении рассказывается о карьере Дэн Сяопина: он последовательно стал заместителем премьера, вошел в состав ЦК, политбюро, стал заместителем Председателя ЦК; *Хорошо вооруженные подготовленные иностранные войска легко одолели повстанцев и **через десять дней** заняли столицу (Б); Тоба Тао совершил поход к Чанъаню и разгромил буддийские монастыри, присвоив их сокровища и запасы оружия. **Через год** он пал под ударом кинжала в собственном дворце (С).**

Редко эта синтаксема образуется не от темпоральных имен. Такое использование можно считать фразеологизованным: *Однако только через несколько поколений при Гугуне Дань Фу чжоусцы прочно осели на землю* (М).

Синтаксемы Творит. пад.

Творит. пад. + раньше / позже — от темпоральных имен, для обозначения интервала между событиями. Синонимична **спустя / через + Винит. пад.**

Столетием позже некоторым сановникам удалось захватить по 2—2,5 млн му (С); *Как и почему материал из текста, составленного несколькими веками позже, попал, пусть частично, в повествование о Му-ване, непонятно* (В).

Сравнительные формы *раньше / позже* также могут употребляться с синтаксемой **на + Винит. пад.** (дименсив), которая, в отличие от **Творит. пад.**, не является специализированным средством выражения времени и обозначает количественное различие между сравниваемыми объектами (ср. *выше на голову, дешевле на два рубля*): *Правда, первые упоминания о том, что деревни-общины делятся на дворы ..., относятся к более позднему времени, на столетие позже по сравнению с годами жизни Гуань Чжуна* (В).

Вслед за + Творит. пад. — образуется от событийных и личных имен, для обозначения последовательности событий, первое из которых является начальной точкой в процессе, который продолжает другое событие (другие события), как бы запускает этот процесс.

Примеры: *Вслед за гуннами пришли в движение многочисленные племена, кочевавшие вдоль сухопутных рубежей китайской империи* (С); *Вслед за расстрелом демонстрации в Пекине началось отступление войск 1-й национальной армии на северо-запад к Великой китайской стене* (С).

Между + Творит. пад. — образуется от темпоральных и событийных имен, обозначает временной интервал, ограниченный «слева» и «справа», или неточную датировку, располагающуюся в пределах временного интервала.

Сравним два примера: *Буддийский монах И Цзин между 671 и 695 гг. отправился морским путем из Гуанчжоу к берегам Суматры и через Бенгальский залив — в Индию (С)* и *Между 1719 и 1727 г. в Китай не раз приезжали посланцы петербургского правительства (С)*. В первом примере синтаксема **между + Творит. пад.** используется для того, чтобы показать: автору неизвестен точно год отправления буддийского монаха к берегам Суматры, возможно указать только на примерный интервал времени, в который происходило это путешествие. Во втором примере датировка точная: сообщается об итеративном действии, *не раз* повторявшемся в указанном интервале.

Помимо повторяющихся в пределах временного интервала действий, в предложении с синтаксемой **между + Творит. пад.** может сообщаться о количественных изменениях, произошедших за указанный период: *Между 1912 и 1920 г. ежегодный прирост промышленной продукции составлял, по расчетам М.-К. Бержера, примерно 14% (М)*; *Уже на первом этапе реформ между 1978 и 1985 г. в результате перехода на семейный подряд сельскохозяйственное производство выросло на 67 % (Б)*; *Размер налогов, уплачиваемых крестьянами в медной монете, увеличился за годы между концом «опиумной» войны и началом Тайпинского восстания в 1,5 раза (С)*.

Синтаксема **между тем**, в зависимости от контекста, демонстрирует разный баланс темпорального (*в это время*) и противительного (*однако*) значений.

Противительное значение: *В этом случае Кан-гун не должен был бы именоваться посмертным титулом гун. Между тем в ряде текстов он назван именно Кан-гуном, что следует считать неправомерным (В)*.

Темпоральное значение: *В этих условиях власть искала средства своего усиления, и в первую очередь — укрепления финансового положения. Между тем в деревне хозяйничали сильные дома (М); В этих условиях на сторону Чингис-хана перешло и южносунское правительство: пытаясь воспользоваться ситуацией, оно прекратило выплачивать дань чжурчжэням и заключило соглашение с Чингис-ханом. Между тем монголы стали активно устанавливать свою власть над Северным Китаем (М).*

Перед + Творит. пад. — от событийных имен, для выражения предшествования.

В этой синтаксеме оформляется имя события, связанного в нарративной интриге с событием, названным основным предикатом предложения: *В письме Пэн Дэ-хуая Мао Цзэ-дуну, написанном перед 8-м пленумом (13—14 июля 1959 г.), говорилось, что «плата за обучение» во время всенародной выплавки стали достигла 2 млрд юаней (С); В сентябре 1626 г. Нурхаци умер. Перед смертью он не назначил наследника (Н).*

Для акцентирования минимального промежутка между событиями в состав синтаксемы включается местоимение *самый*: *3 июня перед самым уходом из столицы повстанцы повторили во дворце Уин церемонию провозглашения Ли Цзычэна императором, которая была уже проведена 8 февраля в Сиани (Н).*

Субъекты событий, названных синтаксемой **перед + Творит. пад.** и основным предикатом предложения, могут совпадать или не совпадать, ср.:

*Перед смертью Чжао Сян-цзы (У Сюй) решил передать власть в клане внуку его старшего брата Бо Лу (В) — у предикатов *смерть* и *решил передать власть* один субъект — Ч жао Сян-цзы;*

Перед броском маньчжуров в Фуцзянь Чжэн Чжилун переметнулся во вражеский лагерь (Н) — у предикатов *бросок* и *переметнулся* разные субъекты (маньчжуры и Чжэн Чжилун).

В случае невыраженности субъекта предикации, выраженной синтаксемой **перед + Творит. пад.**, читатель должен определить этот субъект из контекста: *Гуансюй, продолжавший находиться под домашним арестом, был вынужден сопровождать свою царственную тетку, приказавшую перед бегством из императорского дворца умертвить любимую наложницу императора* (М). В этом полипредикативном предложении внимательной обработки читателем требуют все предикативные категории: модальность — время — лицо. Названо два субъекта (*Гуансюй* и *царственная тетка*, т.е. императрица Цыси), которым приписывается три действия: *Гуансюй* — продолжал находиться под арестом, был вынужден сопровождать; *Цыси* — приказала. Кроме того, в предложении присутствуют два предиката, субъекты которых непосредственно рядом с ними не названы: *перед бегством* и *умертвить*. Из контекста мы понимаем, что субъектами *бегства* являются *Цыси* и сопровождающий ее *Гуансюй*, а субъектом действия *умертвить* — неопределенное лицо, не равное *Цыси* (императрица приказала кому-то совершить действие).

С точки зрения частотности, темпоральная синтаксема **перед + Творит. пад.** употребляется в исследуемых нами текстах реже, чем омонимичные синтаксемы с субъектным и локативным значениями.

Под + Творит. пад. — от темпоральных имен, сообщает о датах упоминания событий в древних источниках: *Одновременно с арабскими купцами в Китай начинает проникать и мусульманство, первые сведения о нем в источниках встречаются под 626 г.* (С).

С + Творит. пад. — от фазисных имен, часто содержит каузативный компонент значения (событие, названное в данной синтаксеме, способствует

или препятствует другому событию, создает условия или открывает возможности для каких-то действий).

Примеры

С прекращением нашествий и войн началось восстановление сельского хозяйства (С) — прекращение нашествий и войн позволило начать восстановление сельского хозяйства; *С распадом наделной системы* усилилось разорение крестьянских хозяйств по всей стране (С) — распад наделной системы привел к усилению разорения крестьян; *С переходом к осуществлению лозунгов революции КПК* столкнулась с весьма сложными проблемами, связанными с рядом особенностей китайской деревни (С); *С потерей в XII в. Севера и окончательным перемещением центра экономической жизни в юго-восточные провинции* удельный вес морской торговли во внешнеторговом обороте значительно возрос (С).

Между событиями в предложениях с этой синтаксемой могут существовать отношения не только последовательности, но и одновременности (одновременность может подчеркиваться использованием конструкции **вместе с + Творит. пад.**). Ср.:

С появлением в Китае бронзы происходит разложение первобытнообщинного строя и переход к рабовладельческому обществу (Б) — сначала в Китае появилась бронза, потом разложился первобытнообщинный строй;

Вместе с появлением новых ремесел возникали и новые цехи, происходила дальнейшая детализация цеховых уставов (С) — появление новых ремесел, возникновение новых цехов и детализация уставов происходили одновременно.

Синтаксемы Предл. пад.

В + Предл. пад. — от темпоральных имен, служит для датировки событий.

Синтаксема используется как темпоральный локализатор (распространитель всего предложения) обычно в начальной позиции или сразу после пространственного локализатора в предложениях с предикатами совершенного вида: **В первой половине 1861 г.** армия Ли Сю-чэна прошла через Цзянси в Хубэй (С); **В 1921 г.** И. Андерсоном впервые была найдена в бассейне среднего течения Хуанхэ культура неолитической расписной керамики и шлифованных каменных орудий (С); **Во второй половине VI в.** экономические и политические различия между Севером и Югом значительно смягчились (С); **В среднем течении Хуанхэ и на ее главном притоке р. Вэйхэ примерно в V—IV тыс. до н. э.** развилась наиболее яркая и хорошо изученная неолитическая культура Китая — Яншао (С); **В столице Ци во второй половине IV в. до н.э.** была создана своеобразная Академия Цзися, куда приглашались все известные китайские философы того времени (Б).

Данная синтаксема может «понижаться в ранге» и использоваться в присловной позиции: **Ханьская империя в I в. до н.э.** была громадным государством, установившим обширные внешние связи (Б); **Южный Китай в XII—XIII вв.** являл собой богатое и очень развитое в экономическом и социально-культурном плане государство (Б). В этом случае функция синтаксемы — не локализация события во времени, а указание на временной интервал для которого «действителен» признак, названный основным предикатом: Ханьская империя была громадным государством не на всем протяжении своего существования, а именно в тот период, который указан синтаксемой **В + Предл. пад.**

Также данная синтаксема может выступать вместе с неполнознаменательным глаголом в составе предиката в конструкциях временной локализации: *История царства Цинь начинается в 897 г. до н.э.* (Б).

При + Предл. пад. — от личных имен, указывает на приуроченность к периоду жизни или правления определенного лица (определенных лиц), в том числе династий; от событийных имен, указывает на одновременность и обусловленность одного события другим;

Примеры: *Господствующей идеологией и религией **при Минах** было признано реформированное Чжу Си конфуцианство — чжусианство* (С); *Иньцы несколько раз переселялись, а затем **при правителе Пань Гэне** окончательно осели в долине Хуанхэ* (С); ***При императоре Ли Ши-мине** по его приказу началось составление свода законов* (С); ***При монголах** приобрел свой статус город Пекин, бывший тогда столицей Восточного Каганата Ханбалык* (Б); ***При нашествии чжурчжэньских полчищ** были уничтожены многие города и деревни, вытоптаны поля, истреблена или порабощена часть населения* (С); ***При прорыве из Шанхая** погиб Лю Ли-чуань* (С).

Субъекты предикации, выраженной синтаксемой **при + Предл. пад.**, и основной предикации (основных предикаций) в предложении, могут совпадать или не совпадать.

2.1.4. Существительные с темпоральным компонентом значения

Существительные, обозначающие интервалы времени (*цикл, этап, стадия, период, эра, эпоха, время в значении «эпоха»*) заслуживают отдельного рассмотрения в связи с их повышенной частотностью в нашем материале, обусловленной его тематикой и сферой функционирования. См. таблицу 2 (данные округлены до целых чисел).

Таблица 2

Существительные, обозначающие интервалы времени

Слово	Частотность по НКРЯ https://ruscorpora.ru/ ipm — число вхождений на миллион словоупотреблений	Частотность в нашем материале ipm — число вхождений на миллион словоупотреблений
цикл	28	334
эпоха	100	410
этап	55	249
стадия	27	90
период	143	1139
эра	20	132

При этом эти лексемы могут встречаться в некоторых фрагментах текста в повышенной концентрации, как например, в следующем:

*«Сторонники господствовавшего в начале XX в. гиперкритического направления в китайской историографии считали эти свидетельства Сыма Цяня не заслуживающими доверия и поэтому относили **период** Шан-Инь к мифической **эпохе**. В 1899 г. были открыты древние надписи на костях животных и черепаших панцирях, которые предположительно относились к памятникам **эпохи** Шан-Инь. В 1917 г. появилась работа Ван Го-вэя, который в этих надписях на костях обнаружил имена многих правителей (ванов) иньского **времени**, перечисляемых Сыма Цянем. Открытие Ван Го-вэя доказало историческую достоверность **эпохи** Шан-Инь»¹⁴⁷ (С).* Это типичный фрагмент, предметом которого является не рассказ о событиях, а обсуждение

¹⁴⁷ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 10.

периодизации истории Китая — исторической достоверности эпохи Шан-Инь. Открытие древних надписей важно не само по себе, не потому, что через него мы узнаем о каком-то историческом событии, а потому, что оно дает возможность периодизировать историю, выделить в ней определенный интервал. Поэтому этот фрагмент текста изобилует модусными предикатами: *считали не заслуживающими доверия, относили, были открыты, относились, обнаружил, доказало*.

Следует отметить, что проблема **момента** и **интервала** времени — одна из актуальных в современных науках о человеке, в том числе в истории. Историки и философы обсуждают, какой принцип моделирования исторического времени более адекватен: моментный или интервальный — и как совмещать моментную и интервальную структуру времени (переходить от одной к другой) при описании исторического процесса. Некоторые ученые полагают, что именно интервалы времени являются онтологически исходными, менее абстрактными понятиями. При этом в качестве аргументации они опираются на мнение лингвистов и семантику естественного языка: «Интуитивным основанием интервального подхода является предположение, что понятие момента времени является нашим концептуальным допущением относительно крайне малого отрезка времени. К этому склоняется, например, Д. Бентэм, считающий, что понятие момента времени обладает значительной степенью абстракции и поэтому не может рассматриваться в качестве базисного. Это же предполагают многие лингвисты, по мнению которых семантика темпорального рассуждения является легко объяснимой скорее в терминах периодов, чем моментов. С другой стороны, даже фразы естественного языка, подобные «в каждый момент времени такой, что...», «непосредственно затем» и другие соотносятся с некоторым небольшим промежутком времени»¹⁴⁸.

В текстах по истории Китая лексемы, обозначающие интервалы времени особенно важны, прежде всего потому что они используются для общей периодизации исторического процесса, а периодизация является одной из краеугольных проблем истории Китая и рассматривается учеными как «инструмент и результат исследования»: «В российской синологии задача изучения и описания политической истории отдельных периодов истории древнего и средневекового Китая остаётся крайне актуальной... Цель периодизации — показать протекание исторических процессов в их целостном (непрерывном и последовательном) виде. Поскольку периодизация предполагает высокую степень систематизации и обобщения материала, то она является и инструментом для их изучения»¹⁴⁹.

Исторический процесс, который подвергается периодизации, при этом является

- а) весьма долгим (Китай — одна из древнейших мировых цивилизаций);
- б) неравномерным (сочетает догосударственную и государственную стадии, которые периодизируются по-разному);
- в) специфичным по отношению к истории других стран, с точки зрения соотношения линейности и цикличности (теория развития Китая посредством сменяющихся друг друга династийных циклов).

Поэтому историки, пишущие историю Китая, не только пользуются перечисленными выше лексемами для интервального структурирования исторического процесса, как это делают исследователи истории других стран. Они посвящают этим терминам пространные метаязыковые (метанаучные) размышления:

---

¹⁴⁸ Попов В.В., Музыка О.А., Самойлова И.Н., Лойтаренко М.В. Особенности интервальной концепции времени в социально-историческом моделировании // Международный журнал экспериментального образования. — 2015. — № 7. — С. 101 — 105.

¹⁴⁹ Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // 44 научная конференция «Общество и государство в Китае», часть II, выпуск 15. — М., 2014. — С. 312 — 367. С. 312 — 313.

«Говоря об истории Китая, следует иметь в виду, что ни один другой народ не проявлял большего усердия в хронометраже исторических событий, чем китайцы, которые начали вести свои летописи вначале первого тысячелетия до н.э. и впоследствии они пунктуально обновляли их династия за династией.

В китайской историографии национальный исторический процесс складывался исходя из династийных периодов (династия это время правления представителей одного и того же царствующего дома). Каждая династия имеет собственное название, отличное от фамилии правящего семейства, под которым она и фигурирует в последующие исторические эпохи и в периодизационных схемах. В качестве таких названий вначале использовались этнонимы (название народности, основавшей данное государство) и топонимы (названия удельных владений будущих основателей династий). С XII в. династии обозначаются философскими категориальными терминами, например, *юань* дословно 'первоначальная' то есть, закладывающая начало истинного правления, *мин* — 'просветленная'.

Между династийными периодами, представляющими государственные образования, пролегают периоды «Смутного времени» — административно-территориальной раздробленности страны, на что указывают терминологические определения: «Эпоха борющихся царств», «эпоха Шести династий», «Троецарствие» и так далее»¹⁵⁰.

В начале параграфа мы говорили, что помимо темпоральных прилагательных, в конструировании исторического времени участвуют оценочные прилагательные, выступающие в роли определений к существительным типа *эпоха*, *период* и под.: *Именно в это трудное для государства Цзинь время*

---

¹⁵⁰ Булдыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 168 с. С. 6. Содержание данного абзаца, судя по всему, заимствовано автором из монографии Кравцовой М.Е. История культуры Китая. — СПб.: Лань, 1999. — 416 с. С. 37.

Угэдэй заключил античжурчжэньский военный союз с южно-сунским императором, посулив ему земли Хэнани (М).

Использование таких прилагательных в историческом тексте является дискуссионным предметом для историков. В частности, Р. Дж. Коллингвуд пишет: «...Попытка судить, является ли определенный период истории или фаза человеческой жизни, взятые в целом, прогрессивными по сравнению с предшествующими, порождает иллюзии легко распознаваемого типа. Характерная черта всех этих иллюзий — приклеивание ярлыков «хороший», «исторически великий» к историческим периодам и векам. Ярлыки же «плохой», «исторически упадочный» или «бедный» приклеиваются к другим. Но так называемые хорошие периоды — это которые историк смог проникнуть своим духом благодаря тому, что они оставили после себя изобилие исторического материала, или же благодаря присущей самому историку способности вновь пережить их опыт. Так называемые плохие периоды — это либо периоды, оставившие после себя скудный исторический материал, либо периоды, жизнь которых историк не может реконструировать внутри себя в силу особенностей собственного опыта и особенностей времени, в котором он живет.

В настоящее время мы постоянно сталкиваемся со взглядом, согласно которому история состоит из плохих и хороших периодов, причем плохие периоды делятся на примитивные и декадентские в зависимости от того, предшествуют они или следуют за хорошими периодами. Это деление на периоды примитивные, цвета (исторического величия) и декаданса исторически неверно и никогда не может быть верным. Оно много говорит нам об историках, изучающих факты, но ничего — о самих фактах»¹⁵¹.

Использование рассматриваемых номинаций временных интервалов не ограничивается их применением для общей периодизации Китая. Эти лексемы востребованы и для периодизации отдельных событий, причем *этапы, ста-*

---

¹⁵¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. и коммент. Ю. А. Асеева. — М.: Наука, 1980. — 485 с. С. 313 — 314.

дии, периоды в этом случае так же могут получать не только содержательное наполнение, но и оценочную характеристику: *Первый этап войны* (июль 1937 — октябрь 1938 г.) был весьма **неблагоприятным** для Китая в военном отношении (С); 1856—1864 гг. — **последний этап** в тайпинской истории, завершившийся падением Нанкина и гибелью всех основных участников тайпинской драмы (М).

Существительное *период* (см. таблицу 2) обладает самой большой частотностью. Это можно объяснить прежде всего тем, что *период* используется в текстах учебников как синоним для *время*, а не только терминологически:

В этот период Сунь Ят-сен продолжал спланировать вокруг себя кадры революционеров (С) = В это время...; **В этот период** началось установление контактов между китайскими революционерами и центром мирового революционного движения — Коммунистическим Интернационалом (С) — В это время...; **В период**, когда разрабатывались принципиальные основы нового курса, основные соединения Красной армии, руководители КПК и большинство китайских коммунистов находились в трудном, длительном походе в отдаленных районах Западного и Северо-Западного Китая (С) — Во время, когда...

Ср. с терминологическим использованием слова *период* в рамках существующей классификации общественных формаций: *Это государство возникло в Центральной Азии в период разложения первобытнообщинного строя дансянских племен и образования классов* (С).

Нам представляется, что рассматриваемую группу слов можно охарактеризовать как синонимико-вариативный ряд, по М.В. Всеволодовой¹⁵². Действительно, эти слова близки друг другу по смыслу, а их употребление в разных позициях варьируется от взаимозаменяемости до взаимоисключения в

---

¹⁵² Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. — М.: Издательство Московского университета, 2000. — 502 с. Всеволодова М.В. Язык: норма и узус (подходы к системе языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2015. — № 6. — С. 35—42.

зависимости от морфологических, синтаксических, коммуникативных факторов, Мы обнаружили интересный пример, который это наглядно демонстрирует. В учебнике под ред. Симоновской¹⁵³ о периоде разложения первобытнообщинных отношений говорится несколько раз, причем по отношению к нему используется как слово *период* (см. предыдущий пример), так и слова *эра* и *стадия*: *В письменных памятниках, дошедших до нас, имеются также и более поздние легенды и предания, отражающие уже эру разложения первобытнообщинных отношений и возникновения социального неравенства (С). Первобытнообщинный строй находился у них на стадии разложения: происходил процесс образования классов, расширялись рабовладельческие отношения (С).* При этом в первом примере, ни в последнем нельзя заменить использованное слово на два других, в то время как во втором это возможно: *отражающие эру / период / стадию разложения первобытнообщинных отношений.*

Чередуются и обозначения *стадий/фаз/периодов* династического цикла в учебнике Непомнина, в котором циклический подход к истории представлен наиболее выражено: *«По мере того как внутри Минского цикла совершался переход от фазы восстановления к фазе стабильности, а от нее — к стадии кризиса... С разворачиванием Минского цикла (от начальной стадии разрухи к фазе восстановления, от периода стабильности к кризису) демографический потенциал страны резко возрос» (Н)*¹⁵⁴. Это говорит о том, что даже в терминологической функции данные лексемы выступают как члены синонимико-вариативного ряда.

С обсуждаемыми лексемами связаны и некоторые составные предикаты, которые мы встречаем в текстах учебников: *находиться на стадии* (см. пример выше), *перейти в стадию, пройти период*: *С этого началась крестьян-*

---

¹⁵³ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с.

¹⁵⁴ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 22.

ская война, а Минский цикл из фазы кризиса *перешел в стадию катастрофы* (Н); *В своем развитии революция 1925—1927 гг. прошла три периода* (С).

Также для учебников по истории Китая важно отметить слова, называющие временной интервал и используемое для членения исторического времени только в определенный исторический период, например, начиная с коммунистической революции в Китае — *пятилетка: Среднегодовой темп роста был значительно ниже темпа первой пятилетки (18%) и темпа роста, запланированного на вторую пятилетку (15%)* (С).

Существительные, указывающие на диалектику исторического развития, также весьма интересны в свете проблематики нашего исследования. К ним можно отнести такие существительные, как *пережитки, отголоски* — с одной стороны, и *зачатки* — с другой.

Пережитки — это то, что «сохраняется от прошлого и не соответствует современному состоянию, современным нормам»¹⁵⁵. *Учение легистов было направлено против пережитков родовых отношений* (С); *В борьбу против части аристократии, которая опиралась на права родovitости и пережитки патриархальных порядков, включились и цари* (С). Пережитки всегда оцениваются отрицательно.

Слово *отголоски* не имеет выраженных оценочных коннотаций, как и слово *зачатки*: *Китайская мифология наполнена описаниями изображений, в которых причудливо переплетаются отголоски древнейших анимистических представлений и стремление найти персонифицированных «авторов» всех важнейших культурных достижений* (С); *Зачатки этой государственности возникли во второй половине 40-х годов и сохранялись в 50-х годах XVII в. на территориях, контролируемых войсками Чжэн Чэнгуна в южной части Фуцзяни* (Н).

---

¹⁵⁵ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвист. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://feb—web.ru/feb/mas/mas—abc/](https://feb.web.ru/feb/mas/mas—abc/)

Более подробно об этих лексемах будет говориться в разделе 2.2.

2.1.5. Глаголы¹⁵⁶

В организации исторического времени задействованы прежде всего глаголы,

— сообщающие о том, что что-то когда-то происходило или существовало: *IX съезд КПК **проходил** в Пекине с 1 по 24 апреля 1969 г. (С); Согласно традиционной хронологии, это **произошло** в XVIII в. до н. э. (С);*

— передающие фазисные значения: *Новой феодальной религией чисто китайского происхождения стал даосизм, **возникший** во II в. новой эры (С); Первые уезды **появились** в царстве Чу в 688 г. до н. э. (С); В царстве Цинь этот процесс **начался** в VII в. до н. э., а **завершился** лишь к середине IV в. до н. э. (С), при этом к фазисному значению может добавляться оценка, как, например, в глаголе *агонизировать*: *Циньский двор **агонизировал**, и вскоре династия Цинь **прекратила** свое существование (Б);**

— выражающие одновременность или последовательность событий: *Усиление чжоусцев **совпало** с их переселением в район г. Цишань (С); Борьба за централизацию, **сопровождаящаяся** ослаблением власти на местах, **сочеталась** с попыткой императорского двора опереться на широкие круги чиновничества (С); Между тем и после восстановления во многих ключевых районах Китая контроля династии Цин в некоторых провинциях **сохранились** очаги сопротивления (М); Государству и династии Шан **предшествовали** столь же значительные по размерам и длительности существования государство и династия Ся (М);*

---

¹⁵⁶ В этом пункте и далее в работе используется терминология классификации глаголов Г.А. Золотовой. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: Наука, 1982. — 368 с. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с.

— выражающие различные темпоральные характеристики событий:

- продолжительность (*Борьба за власть затянулась* здесь на долгие годы (С)),
- частоту (*Явным свидетельством развивающегося династийного кризиса стали все **участившиеся** выступления низов общества* (М)),
- интенсивность (*В 1043 г. в пров. Шаньдун **вспыхнуло** крестьянское восстание* (С)).

Нарративная «интрига» создается за счет того, что такой глагол, как правило, не только несет темпоральное значение, но и интерпретирует его, внося дополнительные смысловые оттенки, ср., например, *совпасть* — *сопровождаться* — *сочетаться* для обозначения одновременности в примерах выше.

См. также пример использования модально-фазисного глагола *спешить*, в котором темпоральный смысл сочетается с выражением точки зрения субъекта истории (не хотели передавать): *Погибло большинство кадастровых и налоговых документов, или же местные чиновники не **спешили** передавать их в столицу* (Н).

Следует обратить внимание на особую роль в построении исторической последовательности пердуративных глаголов с приставкой **про-**, обозначающих окончание длившегося действия / состояния: *Пин-ван **процарствовал** около полувека, и за это время он и его домен окончательно перестали быть центром политической жизни страны* (М); *Это не принесло авторитета ни домену, ни его новому господину, второму Цзин-вану, который, впрочем, **просидел** на отцовском троне около полувека* (В); *Золотая империя Цзинь, по-чжурчжэньски Аньчун, **просуществовала** 119 лет с 1115 по 1234 г.* (М). С одной стороны, они указывают, на то, что процессы царствования, «сидения на троне», существования были длительными, с другой — на их окончание.

История не является линейным процессом, что отражается в востребованности в рассматриваемых нами текстах таких глаголов, как *чередоваться* и *возобновлять(ся)*, *восстанавливать(ся)*. В следующем примере речь идет о

постепенном возвращении экономической ситуации после спада к предыдущему состоянию (фактически это «движение назад», но на новом временном отрезке): *«Эта тенденция господствовала до середины 80-х годов XVII в., когда городское ремесло, сельское хозяйство и торговля лишь начали постепенно оживать. Крайне медленно возобновлялись экономические связи между различными районами, провинциями и городами, с трудом восстанавливались былые специализированные рынки и более или менее устойчивый спрос на привозные товары»*¹⁵⁷ (Н). В этом примере заслуживают внимания также наречия и частицы, характеризующие темп изменений — *лишь... постепенно, крайне медленно.*

Отсутствие чего-либо, свидетельствующее об исторической отсталости, выражается с помощью глагола *знать* с частицей *не*: *Как коллективных крестьянских обязательств перед «классом-государством», так и автономной внутридеревенской раскладки налогов и повинностей Цинская империя не знала* (Н). Ср. с нейтральным: *Как коллективных крестьянских обязательств перед «классом-государством», так и автономной внутридеревенской раскладки налогов и повинностей в Цинской империи не было.*

Поскольку каждый новый исторический интервал несет в себе не только новое, но и старое, авторам учебника бывает важно подчеркнуть это с помощью глаголов *(у)наследовать, сохранять(ся)*: *Унаследовав от эпохи древности практику самовольного налогообложения и сгона податного населения на выполнение трудовых повинностей, казна демонстрировала бесконтрольность и властный произвол в фискальной сфере* (Н); *При этом сохранялась традиционная форма эксплуатации земледельцев* (Н).

Желание историков передать сложную и неравномерную динамику исторического процесса, в котором старое переплетено с новым и не всегда

---

¹⁵⁷ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 209.

сразу уступает ему дорогу, приводит к востребованности предикатов, позволяющих как бы растянуть переходный период:

*С рождением этого шедевра китайская литература **вплотную подошла к созданию реалистического психологического романа** (Н) — еще не создала, но уже была готова создать.*

Также функцию обеспечения связи прошлого и настоящего выполняют глагольно-именные перифразы и фразеологизмы:

***уходить в прошлое:** Его время уходило в прошлое. Вместе с ним уходило в прошлое безусловное верховенство Цзинь (В);*

***уходить корнями:** История Китая уходит корнями далеко в глубь веков (В);*

***отбросить назад:** Маньчжурское завоевание Китая отбросило экономику страны на 70 — 80 лет назад (Н);*

***изживать себя:** И хотя спрос на рабов был еще достаточно велик, рабство изживало себя (Б);*

***кануть в Лету:** Цикл подъема, обеспеченного мощью ханьской государственности, возвестившей эру добродетельного правления и установившей относительный социальный мир и ослабление центробежных тенденций в стране, давно **канул в Лету** (М).*

2.1.6. Темпоральные союзы

Темпоральные союзы в структуре сложноподчиненных предложений с придаточными времени играют значительную роль в организации нарративной «интриги», обеспечивая темпоральную линейризацию или делинеаризацию событий (выстраивание их в хронологическом или не хронологическом порядке): ***Перед тем как** начать войну против гуннов, Уди послал своего представителя Чжан Цяня на запад на поиски союзников (С); **Восстановить***

древнейшие этапы сложения китайской цивилизации стало возможным только **после того, как** в Китае начались археологические исследования (С); **Когда** в 1127 г. чжурчжэни вновь подступили к Кайфыну, двор решил капитулировать (С).

Здесь нам удалось получить весьма интересные количественные данные. Союз *перед тем как*, использующийся для сообщения о событиях в нехронологическом порядке, встречается в исследуемых текстах всего 29 раз, тогда как союз *после того как*, использующийся для выстраивания событий в хронологическом порядке, — 180 раз.

В полном соответствии с концепцией исторического нарратива, изложенной нами в первой главе диссертации, события, называемые в сложноподчиненном предложении с придаточными времени, связаны между собой не только темпорально, но и причинно-следственными связями.

С точки зрения субъектной перспективы в частях сложноподчиненного предложения с придаточным времени могут называться действия одного или разных субъектов. При этом, по нашим наблюдениям, автор может наводить фокус на событие, названное в главном предложении, представляя событие, названное в придаточном времени, в виде неопределенно-личной предикации:

Когда в 685 г. до н.э. циский трон опустел, двое претендентов, братья Цюй и Сяо Бо, сошлись в решающей схватке (М); **Когда же** в 698 г. на территории нынешнего Приморского края, нижнего Приамурья и Восточной Маньчжурии было провозглашено новое государство, известное под названием Бохай, китайские дипломаты тщетно пытались использовать его против корейцев (С); **Когда же** в столицу стали поступать сведения о победах китайских войск, Цинь Гуй обвинил Юэ Фэя в том, что его действия препятствуют успешному исходу переговоров (С).

Циский трон опустел, было провозглашено новое государство, стали поступать сведения — все эти предикации представляют собой по-разному оформленные сообщения о событиях без называния действующего лица (лиц),

в то время как в главной части предложений представлены определенно-личные предикации, на которых и акцентируется внимание читателя.

Не всегда в обеих частях сложноподчиненного предложения с придаточным времени называются разные **события**. Возможны следующие случаи.

а) В придаточном времени может содержаться указание на наступление (или завершение) какого-либо исторического периода, а не сообщение о событии: *Это с особой силой проявилось и стало заметным после полувекового царствования Пин-вана, когда в Китае наступил период Чуньцю* (М).

б) В главном предложении содержится указание на исторический период, а в придаточном — его характеристика: *В книге рассматривается история Китая с XVII по начало XX в., когда в стране правила маньчжурская династия Цин* (Н).

в) Встречаются сложноподчиненные предложения с союзом *когда*, в которых в главном и придаточном предложении называются не разные события, а в главном дается характеристика исторического значения события, которое называется в придаточном. Ср.:

(1) *Когда в Северный Китай вторглись кочевники и начали между собой ожесточенные войны, многие жители этой древней территории были принуждены оставить свой кров и бежать на юг.*

(2) *В 660 г. 100-тысячная китайская армия высадилась на юге Кореи и разгромила Пэкче. Но окончательное падение этого государства произошло в 663 г., когда китайцы в союзе с Силла нанесли поражение японскому флоту, прибывшему на помощь Пэкче.*

В первом примере придаточная и главная части сложноподчиненного предложения сообщают о разных событиях: кочевники вторглись и начали войны — жители бежали на юг. Во втором примере падение государства Пэкче и поражение японского флота — это не два разных события. Поражение являлось падением.

Сложноподчиненные предложения с *когда* могут использоваться для характеристики повторяющихся или типичных событий, в этом случае в обеих частях предложения фигурируют предикаты несовершенного вида: *Каждый цикл начинался после очередной военной и политической катастрофы, т.е. смуты, крестьянской войны, полосы народных восстаний или нашествия кочевников, когда погибали иногда более 70% всего населения страны (Н); В итоге возникал второй вид движения — межцикловой, когда с каждым новым циклом общество поднималось на новый уровень (Н); Военной слабостью Срединного государства регулярно пользовались северные кочевники, особенно когда Китай вступал в фазу смуты и катастрофы (Н).*

Темпоральные придаточные могут взаимодействовать с другими средствами выражения времени, формируя комплексы темпоральных маркеров, которые одновременно выполняют функцию и локализации событий на хронологической оси, и соотнесения их друг с другом: *Позже, в VIII—VI вв. до н.э., когда проблема легитимности чжоуских правителей опять стала на повестку дня, ибо реальная власть их в период Чуньцю резко ослабла, историографическая традиция на новом этапе вновь заработала на полную мощь (М).* В этом предложении 8 средств выражения категории темпоральности: часть из них локализуют «главное событие», о котором повествуется в предложении (возрождение историографической традиции) на хронологической оси и относительно других событий, часть — указывают на повторяемость (точнее, на повторение на новом этапе).

2.1.7. Частицы

«Трудно переоценить роль частиц в актуализации того или иного временного значения»¹⁵⁸. Объединяя субъектный и темпоральный планы, ча-

---

¹⁵⁸ Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 — М., 2000. — 421 с. С. 90.

стицы играют существенную роль в превращении рассказа о последовательности событий в исторический нарратив. В первую очередь, это частицы *уже*, служащая для «сжатия» исторического времени; *еще* (как синоним *уже* и в значении «до сих пор»); *лишь* и *только*, указывающие на замедленность действия, слишком позднее его осуществление:

Переправившись на южный берег реки, повстанцы двинулись в путь по землям нынешних провинций Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун. В 879 г. они уже стояли у стен многолюдного города Гуанчжоу. Такой быстрый переход был возможен лишь при поддержке крестьян (С); Гоминьдановское правительство проявило полную неспособность организовать военно-промышленное производство. Лишь к концу войны, в ноябре 1944 г., гоминьдановское правительство с помощью американской экономической миссии приняло закон о военном производстве и создало «комитет военного производства» (С).

Приведенные примеры хорошо иллюстрируют особенности исторического нарратива, о которых шла речь в первой главе. Здесь мы наглядно видим не просто изложение, но авторское **понимание** истории с учетом целеполагания ее участников: автор учебника оценивает действия как быстрые или медленные, своевременные или несвоевременные относительно тех задач, которые стояли перед участниками событий, а самих участников событий как отвечающих или не отвечающих ожиданиям. Таким образом, категория времени оказывается связанной с позицией диктумного и модусного субъектов. Более подробно мы рассмотрим эту проблематику в следующем разделе, поднимаясь, согласно четырехступенчатой модели анализа текста Г.А. Золотовой от конкретных языковых средств на уровень текстовых тактик.

2.2. Текстовые тактики конструирования исторического времени

В этом разделе мы переходим к систематизации и детальному обсуждению текстовых тактик репрезентации исторического времени, выявленных при анализе русскоязычных учебников по истории Китая и уже названных в предыдущем разделе при анализе функционирования языковых средств конструирования исторического времени¹⁵⁹.

Специфичность исторического нарратива в исследуемых нами текстах обусловлена по крайней мере тремя факторами. Это:

«1) древность китайской цивилизации, что дает возможность ученым-историкам рассматривать свой объект на большой исторической протяженности, а в распоряжение лингвиста предоставляет тексты, охватывающие значительный период времени и различные стадии развития общества;

2) сочетание в интерпретации истории Китая разными авторами линейного и циклического подходов;

3) ценностная ориентация традиционной китайской историографии, на которую опираются и современные историки»¹⁶⁰.

«Обычно каждая новая династия после своего утверждения на престоле создавала комиссию профессиональных историков, в задачу которых входило написание истории предшествующей династии... Они составлялись высококвалифицированными специалистами, стремившимися достаточно объективно изложить исторические события предшествующей династии и подвести читателя к выводам, которые должны были подтвердить легитимность правящей династии. Естественно, что доказательство легитимности новой династии подчас требовало новой интерпретации и событий далекого прошлого...

---

¹⁵⁹ При написании раздела использована наша статья: Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С.9 — 19.

¹⁶⁰ Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С. 9 — 19. С. 12.

Однако это «переписывание» истории происходило при строгом соблюдении накопленной веками конфуцианской этики и дидактики, нравоучительной заданности: история всегда должна была подтверждать, что небесную санкцию на управление Китаем (Поднебесная империя) может получить только тот, кто обладает наивысшей благодатью-добродетелью дэ»¹⁶¹.

Безусловно, современный российский историк, автор учебника, работает в рамках другой модели. Но в любом случае он создает текст, в котором «конфигурирующий акт построения интриги сочетается со способами объяснения/понимания при репрезентации прошлого»¹⁶², а важнейшим инструментом этой конфигурации и объяснения служит взаимодействие категорий времени и субъекта. В чем же состоят базовые текстовые приемы этого конструирования и какими языковыми средствами они реализуются?

Как уже было сказано, выстраивая нарративную интригу и организуя движение исторического времени в историческом тексте, автор осуществляет селекцию и комбинацию языковых средств в рамках целого ряда текстовых тактик¹⁶³, выходящих далеко за пределы простого расположения событий в хронологической последовательности (или одновременности). Изучение конкретных языковых средств и приемов построения текста в нашем материале позволило выделить следующие тактики историка — автора учебника (этот автор может быть и коллективным).

1. Вариативность точки отсчета на шкале времени — ее движение по воле историка от современности до глубокой древности.

2. Разделение или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, которые, помимо дик-

---

¹⁶¹ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 3 — 4.

¹⁶² Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. — 728 с. С. 260.

¹⁶³ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с.

тумной роли (участие в событиях) могут играть и модусную (оценка, свидетельство, планирование событий и т.д.).

3. Сочетание различных принципов интервального членения хронологической шкалы — общеисторических и специфичных для истории Китая: календарного (*год, десятилетие, век* и т.п.), стадийного (*этап, период, стадия, цикл, эпоха*), событийного (*довоенный / послевоенный, в эпоху X*).

4. Управление динамикой действия, длительностью событий и промежутков между ними, как бы «не заполненных» событиями.

5. Варьирование точности указания на время события (от минут до тысячелетий).

6. Взаимодействие между категориями времени и пространства с учетом позиции субъектов истории и субъекта-историка.

7. Делинеаризация исторического времени, в том числе с помощью разнообразных приемов «забегания» вперед и «оглядки» в прошлое.

8. Операции с категориями «новое — старое» и «впервые» (*первый*) с целью реализовать определенную идею исторического прогресса.

9. Указание на типичность или частотность, повторяемость (качественную или количественную) события или признака.

10. Положительная или отрицательная оценка того или иного исторического интервала или момента времени с точки зрения всего социума или его части.

11. Фокусировка на отдельном субъекте истории, приводящая к выстраиванию исторического времени вокруг событий, связанных с ним.

12. Взаимосвязанное выражение темпоральных отношений и причинно-следственных, целевых, уступительных¹⁶⁴.

---

¹⁶⁴ Список тактик приведен и следующие параграфы написаны с опорой на нашу статью: Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С.9 — 19. С. 13 — 14.

2.2.1. Вариативность точки отсчета на шкале времени и направления взгляда из этой точки

«Историк волен назначить точкой отсчета любой момент или интервал на линии времени — от современности до глубокой древности — и в соответствии с этим оперировать темпоральными показателями *предыдущий, последующий (последовавший), следующий, прежний, старый, давно, новый* и под.»¹⁶⁵.

Как и в предыдущий период, революционная борьба в городе и в деревне разворачивалась неравномерно (С); Его учение стало ортодоксальной идеологией господствующего класса в последовавшие века (С); Следующий поход, возглавленный китайским полководцем Су Дин-фаном, привел в 657 г. к полному поражению Западного каганата (С) — в подобных примерах хорошо ощутима концепция «Время-1», автор учебника имеет возможность как бы «одновременно» смотреть на два похода на Западный каганат — второй из них называется следующим именно потому, что в поле зрения историка одновременно удерживается и первый.

Славу и известность сунской культуре обеспечила ее глубокая органичная приверженность древней культурной традиции, зачастую по-новому осмысленной (Б) — культурная традиция характеризуется как древняя (уходящая далеко в прошлое) по отношению к эпохе Сун, которая ее по-новому осмысляет.

Первый минский император, использовавший советы конфуцианских ученых, хотел решить эту задачу аграрными мероприятиями, напоминая стародавнюю надельную систему (С) — система является стародавней по отношению к тому моменту, когда ее хотел возродить первый минский император, а характеристика императора как первого говорит о том, что за ним последуют и другие.

---

¹⁶⁵ Там же.

*Феодалы, войска, горожане Кайфына поддержали **нового** правителя, желая прекращения междоусобиц и объединения страны (С); Группировка сановников совершила дворцовый переворот и возвела на престол родственника **прежнего** императора — Ван Мана (С). — **новый** правитель со временем становится **прежним**, а **прежний** — когда-то был **новым**, появление первого или второго прилагательного рядом с его номинацией зависит от того, в какой момент исторического времени, в связи с каким событием автор считает нужным упомянуть о нем, чтобы подчеркнуть историческую непрерывность или дискретность;*

*На смену власти тобийских правителей в северо-восточном государстве Ци и в северо-западном — Чжоу пришли китайцы. Боеспособное тобийское конное войско **давно** перестало существовать (С) — войско перестало существовать **давно** по отношению к приходу к власти китайцев, а не к современности. По отношению к нашим дням приход к власти в Ци и Чжоу китайцев и исчезновение тобийского конного войска произошли одинаково давно — речь идет о второй половине VI в. Но в текстах учебников показатель **давно** для локализации событий относительно нашего времени не используется.*

*Древность в китайской истории не просто протяженна, она многослойна. На каждом этапе древней истории Китая есть нечто, что социумом этого этапа по отношению к нему уже осмысливается как древность. Древнее по отношению к нашей современности опирается на более древнее и древнейшее: **В древнекитайских мифах и исторических преданиях содержатся указания на то, что «в древности люди знали мать и не знали отца».** (С). За древнекитайскими мифами уже стоит период, который воспринимается во время их создания как **древность**. О I в. н.э. сообщается: *Ученые выполнили поистине колоссальную текстологическую работу над **древними** памятниками (С), при этом памятники самого I века также считаются **древними** (относительно нашего времени).* Прилагательное **древний** используется в текстах учебников*

как в значении «существовавший в далеком прошлом и более не существующий», так и в значении «возникший давно, очень старый», причем в некоторых случаях для разграничения этих значений требуются специальные знания, например: *Полководцы южного царства, применив хитрость в стиле древнего классического военного искусства Китая, нанесли полчищам Фу Цзяня жестокое поражение* (С).

2.2.2. Историческое время, субъект истории и субъект-историк

«Разделение или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, которые, помимо диктумной роли (участие в событиях) могут играть и модусную (оценка, планирование событий и т.п.) — одна из ключевых тактик автора исторического нарратива.

Диктумные субъекты, находящиеся в потоке событий Времени-2, не ведают будущего, не обладают знанием того, как долго будет продолжаться то или иное событие и когда оно закончится. Автору, локализуя событие на хронологической оси и относительно других событий, он может добавить его характеристику по длительности, которая не могла быть известна участникам события на момент его начала»¹⁶⁶: *И начались долгие переговоры с чиновниками Ведомства Церемоний* (С); *После смерти У-ди, Китай вступил в длительный период стагнации* (С). В тот момент, когда переговоры начались, еще не было известно, что они будут долгими. *После смерти У-ди* (темпоральная локализация) в Китае начался период стагнации, но то, что он был длительным, стало ясно значительно позже. Автор говорит об этом, потому что это важно для оценки событий с точки зрения исторического времени.

---

¹⁶⁶ Список тактик приведен и следующие параграфы написаны с опорой на нашу статью: Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С.9 — 19. С.16.

На эту тактику работают прилагательное *временный*, наречие *временно* и выражение *некоторое время*: *Тяжелое поражение революционных сил в 1927 г. привело к **временному** спаду политической активности рабочего класса и крестьянства (С); Но вскоре императрицей стала У Цзэ-тянь (У Хоу), которая **временно** устранила законных наследников (С); Вэй Чан-хуй захватил **на некоторое время** власть в Нанкине (С)*. Они обслуживают взгляд назад из более позднего момента истории, чем тот, на котором находится повествователь в данной точке текста. Констатация, что устранение законных наследников было *временным*, подразумевает, что позднее ситуация изменилась. Субъект речи — автор учебника — знает историю «до конца» и реализует это знание в выборе языковых средств, который дает еще один, дополнительный эффект — компактность изложения. В одно предложение как бы стягиваются эксплицированная ситуация (X захватил власть) и ее «отмена» (X лишился власти). Аналогичную роль играют маркеры *вначале, первоначально, первое время*.

С увеличением количества модусных субъектов усложняется и временной план: *Арабские историки Абу Саид и Масуди, **жившие позднее, в следующем веке**, рассказывали о стычке жителей местного иностранного поселения с повстанцами, но китайские источники умалчивают об этом (С)*. Здесь три субъекта мысли (автор учебника, арабские историки и китайские источники), при этом автор, с одной стороны, смотрит на ситуацию со своей точки отсчета (он знает содержание арабских и китайских источников), с другой — в качестве темпорального ориентира использует момент *стычки*. Возникает некоторый парадокс: относительно автора арабские историки — в прошлом, что манифестируется прошедшим временем глагола и причастием совершенного вида, а относительно события (стычки) и его участников — в будущем (*позднее, в следующем веке*), и обе позиции совмещаются в предложении. Ср. аналогичные тактические приемы в другом учебнике: *Китайские историки назвали это время периодом Троецарствия, **короткая** история*

которого овеяна в китайской традиции ореолом рыцарского романтизма. О войнах между тремя царствами сохранилось много преданий, которые **позже были положены в основу** большого литературного романа Ло Гуань-чжуна «Троецарствие», **написанного тысячулетие спустя** (Б) — рядом с субъектом — автором учебника — в этом фрагменте возникают китайские историки, безымянные «авторы» преданий (при этом существительное *предание* в силу своего словарного значения, включающего компонент «из поколения в поколение», маркирует большую продолжительность времени) и романист Ло Гуань-чжун. И здесь мы снова видим сочетание причастия совершенного вида с темпоральным маркером *тысячулетие спустя*, которое ориентирует время написания романа и относительно нашей современности, и относительно периода Троецарствия. Типичная для исторического текста тактика, которую можно назвать «тройной временной связкой». В целом история Китая раскрывается в исследованных нами текстов не только как история дел, но и как история мыслей, запечатленных в текстах, переосмысливавшихся и переформулировавшихся тысячами.

Диктумные субъекты истории могут в тексте учебника «заглядывать в будущее» с помощью интенциональных предикатов, сообщающих об их планах, намерениях, надеждах. Некоторые из их планов сбываются, другие нет, о чем опять же известно не им, но автору: **Готовившееся** здесь выступление **должно было быть** частью общекитайского восстания, **планировавшегося** Объединенным союзом. Однако выступление **пришлось начать** **неожиданно** (М).

Историк и субъекты истории могут по-разному оценивать течение исторического времени, своевременность или несвоевременность событий. При этом одни и те же лексемы могут выражать позицию разных субъектов. Например, слово *пережиток*, имеющее отрицательную коннотацию. Ср.: *Никаких иных божеств и храмов в их честь чжоуская религиозная система не знала, хотя на низшем своем уровне была знакома... с анимистическим по-*

клонением явлениям природы, с *пережитками* тотемизма, магией, знахарствами и т.п. (М) — здесь слово *пережитки* принадлежит субъектной сфере автора, сами чжоусцы не считали свои религиозные воззрения *пережитками* тотемизма; *Отказавшись от участия в обработке ритуального большого поля (т.е. показав свое отношение к системе больших полей как к пережитку прошлого), взамен он ввел налог в виде десятины* (М) — здесь принципиальное значение имеет отнесенность слова *пережиток* к субъектной сфере правителя, что объясняет причину проведения им реформ.

Следует отметить, что эксплицированная оценочная позиция историка по отношению к какому-либо периоду или событию может подвергаться критике со стороны коллег. Так, в уже цитированной рецензии¹⁶⁷ выражается несовпадение модусных позиций: «Л.С. Переломов явно с симпатией относится к победе Цинь, называя её «блестящей» (с. 138). Он пишет, что «создание на месте разрозненных царств единой империи с централизованной властью» являлось «прогрессивным шагом в истории развития китайского общества» (с. 25). Здесь не хватает пояснений, почему. Ведь если в политическом отношении создание империи циньцами, возможно, и было прогрессивным явлением, поскольку возникло государственное образование новой, более сложной формы, то в культурном — явилось катастрофой, поскольку были безвозвратно утрачены многие культурные достижения. В Чжаньго наметился значительный цивилизационный рывок, который, на наш взгляд, из-за циньского завоевания не был реализован»¹⁶⁸. *Прогрессивный шаг, культурная катастрофа, цивилизационный рывок* — это маркеры оценочной точки зрения, которые демонстрируют несовпадение понимания прогресса у двух историков и в то же время две важные метафоры, конструирующие историческое время.

---

¹⁶⁷ Ульянов М.Ю. Заметки о новой книге по истории Древнего Китая (на пути к созданию академической истории) // Общество и государство в Китае. — 2014. — Т. 44, № 2. — С. 518—559.

¹⁶⁸ Ульянов М.Ю. Заметки о новой книге по истории Древнего Китая (на пути к созданию академической истории) // Общество и государство в Китае. — 2014. — Т. 44, № 2. — С. 518—559. С. 526.

Первая — это **метафора движения**, исследованная применительно к категории времени Н.Д. Арутюновой¹⁶⁹, Е.С. Яковлевой¹⁷⁰ и другими учеными. Выделяются две метафорические модели, характеризующие отношения человека и времени: пассивная (время движется, а человек пассивно воспринимает его течение: *время летит, бежит, ползет*) и активная (человек движется во времени, иногда даже преодолевает его: *мы идем в светлое будущее, он идет в ногу со временем*). Н.Д. Арутюнова характеризовала эти темпоральные представления как модели Потока времени и Пути человека¹⁷¹. В данном случае речь идет не о человеке, а об обществе, но перед нами очевидная активная модель: общество может сделать *шаг* и даже *рывок* в будущее.

Вторая метафора, которая, как и первая, встречается в нашем материале, создается через использование слов *катастрофа* — «внезапное бедствие, событие с трагическими последствиями»¹⁷² или *крушение (крах)*— «1. Несчастный случай (с поездом, судном), катастрофа в пути. 2. *перен.*; чего. Прекращение существования или полная утрата чего-л.; гибель, крах»¹⁷³: *Восточный поход Чжоу-гуна был завершающим аккордом всей драматической истории; связанной с крушением Шан* (В). Государство (империя, династия) может выступать в историческом нарративе не только как активно действующий субъект, уподобляемый личному — оно также может терять свою акциональность, контроль над ситуацией, и тогда конечная точка его существования выглядит еще более драматической, и даже трагической.

Метафора как лексический способ выражения такой модусной позиции историка может сочетаться с грамматическими средствами. Например, повествование о каком-либо периоде истории может даваться через конструкции,

---

¹⁶⁹ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.

¹⁷⁰ Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М.: Гнозис, 1994. — 343 с.

¹⁷¹ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с. С. 689.

¹⁷² Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвист. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/>

¹⁷³ Там же.

в которых Китай, его правители и жители «лишаются» акциональных активных предикатов — они не действуют сами, но подвергаются негативному воздействию со стороны других, внешних субъектов: *«С крушением Ханьской империи шаньюи начали активно вмешиваться в китайские междоусобицы. В начале IV в. раздираемое смутой Цзиньское государство стало легкой добычей кочевников. Китай пережил трагедию национального масштаба. Север страны, огромные территории Срединной равнины в бассейне реки Хуанхэ, был отторгнут степными племенами. Войска Цзиньской империи оказались бессильными против мощной гуннской конницы, занявшей центральные провинции. В 311 г. пал Лоян, а в 316 — Чанъань. Император династии Цзинь был схвачен, подвергнут унижению и казнен»*¹⁷⁴(М).

В каждом предложении этого фрагмента, начиная со второго, Цзиньское государство, Китай, север страны, войска и города Цзиньской империи и сам ее император выступают в «страдательной» роли, которая создается в результате использования неакциональных перфективных (*стало добычей, пережил трагедию, оказались бессильными, пал*) или пассивных (*раздираемое смутой, был отторгнут, был схвачен, подвергнут унижению и казнен*) предикатов. Возникает целый интервал истории, в который, казалось бы, государство, его народ и правители никаких действий не совершают, а только подвергаются негативному воздействию со стороны внешних субъектов. Выбор форм и семантики предикатов в этом случае очевидно направлен не только на передачу диктумной последовательности событий, но и на трансляцию читателю точки зрения автора как модусного субъекта: читатель должен присоединиться к этой точке зрения, ощутить трагичность и безысходность (империя Цзинь не может сопротивляться) ситуации.

---

¹⁷⁴ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 153.

2.2.3. Языковые средства и текстовые приемы интервального членения исторического времени

Языковые средства интервального членения исторического времени в учебниках по истории Китая обладают ярко выраженной национальной спецификой, которую составляют номинации, связанные с династийным членением исторического времени и с концепцией повторяющихся циклов, которая существует в синологии, наряду с европейской линейной моделью истории.

Рассмотрим сначала языковые средства интервального членения исторического времени, не связанные с указанными особенностями китайской истории и историографии. Они включают:

а) номинации календарных интервалов (*день, месяц, год, век, тысячелетие*);

б) терминологические номинации периодов исторического времени в русле формационного подхода (*средние века, неолит, период разложения первобытнообщинного строя* и под.)¹⁷⁵;

в) оценочные нетерминологические номинации (*период мятежной нестабильности, периоды радикальных катаклизмов*);

г) номинации, структурирующие исторические события (обозначающие их фазы, стадии, как например, *в период подъема движения повстанцы пытались знакомить население со своими намерениями*) — в этом употреблении синтаксема **в период + Родит. пад.** практически синонимична синтаксеме **во время + Родит. пад.**, поэтому как об инструменте собственно периодизации, интервального членения исторического времени о ней следует говорить осторожно. Ср. два употребления синтаксемы *в период*, в первом из которых она синонимична *во время*, во втором — служит обозначением династического интервала: *«Так же обрабатывались и земли служивших в*

---

¹⁷⁵ Формационный подход к истории Китая является дискуссионным (Кравцова М.Е. История культуры Китая. — СПб.: Лань, 1999. — 416 с. С. 38), но поскольку его терминология представлена в исследуемых текстах, то мы фиксируем этот факт, не выходя за границы собственно лингвистического исследования.

«восьмизнаменных» войсках маньчжуров, которые помимо этого широко использовали труд многочисленных рабов, захваченных ими **в период** борьбы за завоевание Китая. <...> Как и **в минский период**, в цинском Китае была распространена еще одна форма казенного землевладения — военные поселения, земли которых обрабатывались воинами пограничных гарнизонов»¹⁷⁶(М).

Границы между эпохами не носят объективного характера и могут быть предметом научной дискуссии, в этих случаях эксплицируется модусный субъект мнения: **Некоторые авторы считают**, что вместе с династией Мин заканчивается «старый Китай» и ему на смену вместе с маньчжурами шел Китай современный (Б).

Активное использование помимо календарных интервалов имен интервалов, репрезентирующих периодизацию истории, а также ее деление на этапы и стадии, принципиально важно. Автор учебника стремится фиксировать начало и конец важных исторических этапов: *Принципиально новый этап в истории чжоуского Китая начался с гибели Ю-вана и переноса его сыном Пин-ваном своей столицы на восток, в Лоу (771—770 гг. до н.э.)* (С). В учебнике сосуществуют как бы три уровня конструирования интервалов на временной шкале — календарный, периодический и стадийный (включая идею развития, закономерной последовательности): *Эпоха политической раздробленности III-VI вв. Период политической раздробленности определяется в китайской историографии с 220 по 589 г. Он подразделяется на этапы...* (Б).

Членение событий и исторических периодов на стадии (этапы) и, наоборот, объединение нескольких событий или периодов в одно (один) структурирует исторический процесс и отражает его неравномерность. *Время, период, стадия* обретают социальную конкретность и предметное наполне-

---

¹⁷⁶ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 288.

ние: *Это было время помпезности, изобилия декоративных деталей и смешения различных стилей* (Н).

«Стадиальное мышление» настолько глубоко входит в модель исторического нарратива, что проявляет себя в кажущейся избыточности употребления существительных, его выражающих: *На стадии раннего бронзового века (фаза Эрлитоу-Эрлиган) следов культовой практики и мифологического мышления также обнаружено крайне немного* (М) — ср. в раннем бронзовом веке.

Важной для истории является замкнутость периода или этапа и его отграниченность «слева» и «справа» от соседних интервалов времени. Не случайно в историческом тексте активно используются предложно-падежные синтаксемы от фазисных имен *начало, конец, середина* — *до + Родит. пад., с + Родит. пад., к + Дательн. пад., в + Предл. пад.*: *До конца VII в. китайское правительство проводило экспансионистскую внешнюю политику* (С); *Банковский капитал стал формироваться с начала XX в.* (Б); *К концу правления династии Мин число императорских поместий достигло 300* (С); *Именно в конце XIX в. зарождается археологии в Китае* (Б), Значимость границы может поддерживаться употреблением усилительной частицы *вплоть* с союзом *до*: *Такое положение сохранилось вплоть до середины танского периода* (Б);

Замкнутость события помогают создать и глаголы совершенного вида с приставкой **про-** типа *процарствовать, просуществовать*: *Пин-ван процарствовал около полувека.*

Помимо собственно темпоральной лексики, такой как *начало, середина, конец, стадия, фаза, этап, цикл, период, эра*, в реализации данной тактики участвует лексика метафорическая, например, *разгар, очаг, отголоски* и под.: *Эти условия способствовали тому, что именно в восточной части страны появилась древнейшая земледельческая культура и первые очаги китайской цивилизации, а также само государство* (Б).

Прилагательные *ранний* — *поздний* используются для членения как всей истории Китая, так и отдельных ее периодов: *Стоянка Баньпо относится к раннему Яншао (4800-3600 гг. до н.э.)* (Б); *Упоминание о наложницах и евнухах можно найти в самых древних китайских письменных источниках, но только во времена ранних империй они начинают играть политическую роль* (Б); *Большинство которых, кроме окраинных варварских Цинь и Чу, именовали себя «срединные государства» Чжун-го и гордились своим происхождением от ранних чжоуских уделов* (Б). Важное значение для правильного восприятия текста имеет разграничение тех случаев, когда *ранний* и *древний* являются и не являются синонимами (ср. в примере выше — *самые древние китайские письменные источники* и *ранние империи* относятся к разным периодам истории Китая, при этом автор мог бы с тем же успехом написать: *самые ранние китайские письменные источники* и *древние империи*).

Исторические события не просто происходят, они **значат**. Одно из «значений», которые могут иметь исторические события, заключается в том, что они маркируют начало или конец новой эпохи (периода): *Первая опиумная война и открытие Китая для европейской колониальной экспансии означали вступление Срединной империи в новый этап ее существования, в период колониализма* (Б).

Перейдем к национально специфичным языковым средствам членения исторического времени на интервалы. Разумеется, все они заимствованы российскими историками из китайской историографии.

М.Е. Кравцова указывает, что «в собственно китайской историографической традиции, окончательно сложившейся уже во II—I вв. до н.э., национальный исторический процесс структурируется исходя из династийных периодов, т.е. времени правления представителей одного и того же царствующего дома»¹⁷⁷. При этом названия, под которыми династии выступают в историографической периодизации Китая, отличаются от фамилий правящего

---

¹⁷⁷ Кравцова М.Е. История культуры Китая. — СПб.: Лань, 1999. — 416 с. С. 37.

семейства, что радикально отличает данную систему номинаций, как от российской (Рюриковичи, Романовы), так и от, например, британской (Йорки, Ланкастеры, Плантагенеты, Стюарты, Тюдоры). «В качестве таких названий вначале использовались этнонимы (названия народностей, основавших, по преданию, данное государство) и топонимы (названия удельных владений будущих основателей династий), а с XIII в. — философско-категориальные термины, например, юань — дословно «первоначальная» (т.е. закладывающая начало истинного правления), мин — «просветленная»¹⁷⁸.

Принцип именования периодов «Смутного времени», которые пролегают «между династийными периодами, представленными централизованными государственными образованиями прото- и собственно имперского типа», иной. Именования этих периодов отражают их «главный опознавательный признак, которым служит ситуация административно-территориальной раздробленности страны: «эпоха Борющихся царств, «эпоха Шести династий» и т.д.»¹⁷⁹.

Если все до сих пор обсуждавшиеся номинации интервалов времени представляли линейную (европейскую) модель исторического времени, то лексемы *цикл*, *фаза* и *стадия* могут выступать инструментами конструирования исторического времени по циклической модели, специфичной для истории Китая. В нашем материале такую модель представляет учебник О.Е. Непомнина¹⁸⁰.

Эта модель возникла на основе традиционного китайского представления о цикличности истории. Она говорит, что история Китая состоит из повторяющихся циклов. Каждый из этих **циклов** включал одинаковые *периоды*, или *фазы*, или *стадии*, которые могут получать следующие обозначения:

---

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с.

фаза разрухи, фаза восстановления, фаза развития, фаза стабилизации, фаза смуты, фаза острого кризиса, фаза катастрофы.

Циклическая модель имеет свои варианты. О.Е. Непомнин «делит многовековую непрерывную линию развития Срединного государства на восемь базовых циклов-«круговоротов»: Раннеханьский, Позднеханьский, через почти четыре века — Танский, Сунский, Минский, Цинский, затем Тайпинский и, наконец, Восьмой цикл, Маоистский, начавшийся в 1950 г. и продолжающийся по сию пору»¹⁸¹. Как мы видим, сами названия циклов соответствуют названия династических периодов. Но при линейном понимании исторического времени династические периоды не мыслятся как замкнутые повторяющиеся циклы, в течение которых Китай проходит одни и те же фазы. Соответственно, если историк пишет о времени правления династии Сун *эпоха Сун* или *в период северных Сунов*, здесь нет национальной специфики, он мыслит по европейской, линейной модели. Закончилась одна эпоха, начинается другая. За одним периодом следует другой. Если же историк пишет о том же периоде *Сунский цикл*, значит он работает в циклической концепции. Слово *фаза* в учебнике Непомнина обозначает повторяющуюся часть цикла: *фаза смуты, кризиса, катастрофы*. А в учебнике историка, который работает в линейной модели, *фаза* — это особый отрезок на шкале исторического времени, который не повторяется. Например, Васильев пишет о *эрлиганской фазе (фазе Эрлиган)* — об археологической культуре бронзового века на территории Китая в период 1600—1400 гг. до н.э.¹⁸² Это «уникальный» период исторического времени, который прошел и больше уже не повторялся.

Соответственно сочетание *период кризиса* по отношению к китайской истории может пониматься двояко. Если историк придерживается концепции циклов, то это один из терминов, которые делят на одинаковые интервалы каждый династический цикл. Так это сочетание использует Непомнин. Если

---

¹⁸¹ Непомнин О.Е. Китай в контексте мировой истории // Восточный курьер. — 2019. — № 12. — С. 62—76.

¹⁸² Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с. С. 116 и далее.

историк не придерживается концепции циклов, то период кризиса — это для него не термин, а оценочная характеристика одного из интервалов на линейной шкале времени. Например, в учебнике Булдыгеровой: *После смерти У-ди, Китай вступил в длительный период стагнации, а затем кризиса*. В учебниках историков, которые не придерживаются циклической теории, слова *разруха, катастрофа, восстановление* не встречаются рядом со словами *стадия, фаза*.

2.2.4 Языковые средства и текстовые приёмы делинеаризации исторического времени

Делинеаризация исторического времени — обычная тактика авторов учебников, которая состоит в несовпадении реальной хронологии событий с последовательностью сообщения о них в тексте. Она имеет следующие разновидности.

1. «Вырезка» из временного потока **интервала**, затем сообщение о событии (событиях) в пределах него:

За полвека своего правления, лишь в конце которого Чан принял титул «ван» (до того это была исключительная прерогатива правителя Шан), он достиг многого (М); При Кан-ване (559—545 гг. до н.э.) Чу проиграло очередное крупное сражение с Цзинь и столкнулось с новым грозным соперником на востоке — царством У (В).

2. Взгляд назад:

23 апреля 1949 г. был взят Нанкин, откуда представители гоминьдановских властей заранее бежали в Гуанчжоу (С) — здесь, если убрать заранее, нарушается правильная последовательность событий; В октябре Небесный ван был захвачен и казнен (Ли Сючэн попал в плен и был предан смерти еще ранее) (М); Он, в частности, вернул царствам Лу и Малое Вэй отобранные у них прежде земли (В).

3. «Забегание» вперед:

В 141 г. до н.э. императором стал У-ди. Он вступил на престол в 15-летнем возрасте и правил 54 года, став одним из самых знаменитых китайских императоров (Б) — на момент его правления еще не было известно, что он станет; Массовое неповиновение заставило маньчжуров отменить казни и отложить выполнение подобных приказов до окончательного завоевания Китая (Н) — уже на этом предложении мы знаем, что маньчжуры завоюют Китай.

«Намек» на будущее, который сейчас принято называть спойлером, содержат в себе наречия *вначале, первоначально, на первых порах*: *Тянь Чан вначале повел очень осторожную внешнюю политику (В) означает, что далее эта политика изменилась; Первоначально государство Чжоу представляло собой небольшое племенное образование с примитивной организацией (Б) — затем оно стало большим не примитивным государственным образованием; Преследуя на первых порах танскую правящую элиту, руководители восстания постепенно изменили политику в отношении чиновников, возвратив их на прежние места (М).*

4. К «нарушениям» линейного изложения событий можно отнести и ряды однородных и неоднородных предикатов, относительно которых читателю остается неизвестным, происходили ли события одновременно или последовательно: *«После убийства Цзянь-гуна в 481 г. до н.э. и серии последовавших за этим внутренних неурядиц, противоборства кланов, бегства некоторых из них, включая самых главных, Го и Гао, фактически захвативший в свои руки всю власть в Ци первый министр Тянь Чан посадил на трон младшего брата убитого правителя, правившего под именем Пин-гуна (480—456 гг. до н.э.)»¹⁸³ (В) — в данном предложении определены начальное звено цепи событий (убийство Цзянь-гуна в 481 г. до н.э.) и конечное (Пин-гур был по-*

---

¹⁸³ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.). — М.: Восточная литература, 2000. — 628 с.

сажен на трон и правил в 480—456 гг. до н.э.), а таксисные отношения находящихся между ними *внутренних неурядиц, противоборства кланов, их бегства, захвата власти Тянь Чаном* остаются неясными (мы не можем в частности сказать, захватил Тянь Чан власть до бегства кланов или после).

Очевидно, в этом состоит одна из жанровых условностей (конвенций) исторического текста.

Ср. с таким же полипредикативным предложением, в котором отношения последовательности между событиями однозначны и маркированы лексическими и грамматическими таксисными средствами:

Сначала в 632 г. до н.э. его наголову разбил в знаменитой битве при Чэнпу Чжун Эр, ставший к тому времени цзиньским Вэнь-гуном, а затем, уже в конце жизни, сам Чэн-ван решил было сменить наследника, сделав им младшего сына, после чего наследник — старший сын заставил его покончить с собой, отказав даже в предсмертной просьбе — дать ему съесть медвежий окорок¹⁸⁴ (В).

(1) Чжун Эр стал Вэнь-гуном — (2) Чжун Эр разбил Чэн-вана в битве при Чэнпу — (3) Чэн-ван решил сменить наследника — (4) старший сын заставил его покончить с собой — (5) Чэн-ван высказал предсмертную просьбу — (6) сын ему отказал.

События локализуются здесь и на хронологической шкале, и относительно друг друга, и относительно жизни Чэн-вана, который выступает как главный герой этого отрезка истории.

Из сказанного следует, что восприятие подобного исторического текста требует от читателя знания принципов его построения и высокой языковой компетенции, без которой он не сможет уследить за событиями и выстроить их в правильной временной последовательности.

---

¹⁸⁴ Там же.

2.2.5. Взаимосвязь между темпоральными отношениями и причинно-следственными, целевыми, уступительными

«Нарративное понимание» истории предполагает тесную взаимосвязь между темпоральными отношениями и отношениями причинно-следственными, целевыми, уступительными.

Одни события могут оказывать влияние на темпоральные характеристики других — ускорять их или замедлять, приближать или отдалять: *Переход этих закаленных в боях частей под знамена государства Мин существенно **отдалил** крушение последнего (Н); Провал этой акции, возможно, **ускорил** пересмотр новым руководством некоторых подходов (М).*

Аналогичное влияние могут иметь целенаправленные решения субъектов истории: *Всеми силами Ли Хунчжан **стремился отодвинуть** крах исторически обреченного архаического цинского режима, **замедлить** превращение Китая в полуколонию (Н); Понимая это, Ли Хунчжан **ускорил** перевооружение сухопутных и морских сил (Н).*

При рассмотрении взаимосвязей темпоральности как категории диктумной (преимущественно отражающей временной порядок действительности) с модусными категориями, с помощью которых мы интерпретируем, «домысливаем» отношения между объектами и событиями окружающего мира, можно говорить о своеобразном семантическом синкретизме: иногда трудно определить степень причинно-следственной зависимости темпорально связанных событий. Так бывает, например, в конструкциях с единицами, которые совмещают в системе русского языка темпоральное (диктумное) значение с различными модусными значениями, например *в то же время* («одновременно» или «однако»), *между тем*, синтаксемы *по мере + Родит. пад., в ходе + Родит. пад., вместе с + Творит. пад., с + Творит. пад.*, союз *по мере того как*, глагол *сопровождаться* и его синонимы: *Появление бронзы в древности обычно **шло рука об руку** с возникновением урбанистической ци-*

визации, то есть со строительством городских центров с их храмами и дворцами (Б) — неспециалисту трудно сказать, идет ли в данном предложении речь просто об одновременности процессов или об их каузальной связи; *Распад страны сопровождался* (одновременно или вследствие?) *экономическим спадом* (Б); *Вместе с буддизмом* (одновременно или по причине?) *в Китай пришло искусство монументальной скульптуры, строительства многоэтажных пагод и скальных храмов* (С); *Один из членов сунского дома, провозглашенный императором, пытался закрепиться в Нанкине, затем в Ханчжоу, но был вынужден бежать в Нинбо. Между тем* (несмотря на побег правителя или в этой ситуации?) *чжурчжэни встретили сильный отпор китайского народа* (С); *Ненависть к новым порядкам и их живому олицетворению Ши-хуану усиливалась, по мере того как* (соответственно или постепенно?) *первые результаты реформ, давших экономический эффект, стали перекрываться дискомфортом, вызывавшимся армейско-казарменными порядками в стиле Шан Яна... По мере* (соответственно или постепенно?) *нехватки средств в казне поборы с населения увеличивались, что вызывало протесты* (М); *В 1402 г. в ходе быстрой гражданской войны* (во время или в результате?) *он был свергнут с престола своим дядей Чжу Ди, удел которого был расположен в Северном Китае* (М).

Взаимодействие темпоральных отношений с причинно-следственными, условными, уступительными и сопоставительными значениями, выявленное нами в первом разделе этой главы и проиллюстрированное приведенными выше примерами, является системно обусловленным, его возможность заложена в самой языковой системе. В обеспечении этого взаимодействия участвуют средства как лексического уровня языка, так и грамматического (предложно-падежные синтаксемы в простом предложении, союзные элементы в сложном, видо-временные формы основных и вторичных предикатов). В частности, на нашем материале подтверждается заключение Т.Е. Шаповаловой: «Сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные сложные

предложения могут обладать одновременно темпоральным и другими типами значений: условным, причинным, уступительным, сопоставительным. Это происходит за счет варьирования соотношений видо-временных форм глаголов-сказуемых, а также лексико-фразеологического состава конструкций»¹⁸⁵.

Ярким примером являются сложноподчиненные предложения с союзом *пока не*, который, хотя и является темпоральным, обозначает еще и причинно-следственные отношения между событиями, Этот союз указывает на то, что событие, о котором говорится в главной части,

а) непосредственно предшествует событию, названному в придаточной части;

б) прекращается (отменяется) событием, названным в придаточном.

Примеры: *Осажденная столица Сун долго голодала, пока вышедший на переговоры Хуа Юань не сумел упросить Чу снять осаду (В); Другая часть южной группировки... отступила на юг и несколько месяцев действовала на границе провинций Фуцзянь и Гуандун, пока не была уничтожена в феврале 1866 г. (Н).*

Следующий фрагмент текста представляет собой последовательность сложных предложений (в первом присутствуют и сочинение, и подчинение, второе — сложноподчиненное), в которой темпоральные отношения взаимодействуют с другими — противопоставительными и причинно-следственными: *«Цзинь было крупнейшим из царств Чжунго, но еще в 745 г. до н.э. его правитель имел неосторожность выделить своему дядюшке богатый удел в Цюйво, после чего правители Цюйво стали соперничать с легитимными правителями Цзинь. Борьба за власть, в которую вмешивался и ван, пытаясь положить ей конец, долгие десятилетия шла с переменным успехом, пока мятежники в конце концов не добились своего»*¹⁸⁶(М).

---

¹⁸⁵ Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 — М., 2000. — 421 с. С. 13.

¹⁸⁶ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 53.

Противопоставление, выраженное союзом *но*, усиливается с помощью комплекса из частицы *еще* и темпоральной синтаксемы *в 745 г.*, «отдаляющего» во временной перспективе событие, о котором говорится в придаточном, от ситуации, описанной в главном предложении. (Ср. с той же конструкцией без темпорального маркера: *Цзинь было крупнейшим из царств Чжунго, но его правитель имел неосторожность выделить своему дядюшке богатый удел в Цюйво.*) Поскольку мы знаем, что историк выбирает и сопоставляет события не произвольно, а по принципу значимости, накладывая на них структуру, объединяя их общей интригой, тут же возникают и причинно-следственные отношения. Мы понимаем, что выделение удела дядюшке уменьшило территорию Цзинь и ослабило это царство. Тут же, в темпоральном придаточном, раскрываются следствия неосторожного действия правителя.

Во втором предложении придаточное определительное, сообщающее о действиях вана, связано с категорией темпоральности через фразеологизм *положить конец* (= прекратить). Затем следует темпоральное придаточное с *пока не*, которое указывает на то, что ситуация, описанная в главном предложении, длилась вплоть до события, названного в придаточном (темпоральный смысл), и прекратилась вследствие этого события (каузативный смысл).

На осязательность причинно-следственных и под. смыслов влияют многие факторы, прежде всего контекстные и связанные с фоновыми знаниями. Так, в следующих парах примеров в первом выделенная синтаксема воспринимается как чисто темпоральная, во втором — с дополнительным каузативным или противопоставительным значением:

*В первой четверти XI в. киданям удалось овладеть севером Хэбэя и прочно обосноваться на Ляодунском полуострове, прервав связь Китая с Кореей... **В то же время** (одновременно с этим) на северо-западе появился новый опасный противник — тангутское государство Западное Ся (М) —*

Когда на повестку дня снова встала война с Китаем, маньчжурская армия была в полной боевой готовности. **В то же время** (одновременно с этим или однако) к югу от Великой стены наблюдалась совершенно иная картина (Н). Ср. также «Наделение крестьян землей способствовало росту сельскохозяйственного производства, укреплению связей КПК с массами, подъему революционного энтузиазма народа и его поддержке войск НОА. **В то же время** проведение аграрной реформы сыграло большую роль в революционизировании населения гоминьдановских районов и разложении его армии»¹⁸⁷ (С), где выделенная синтаксема очевидно не имеет темпорального значения, а выражает сопоставление.

С изгнанием Пуи и его двора из Запретного города (когда Пуи и его двор были изгнаны, после их изгнания) начался третий период взаимодействия республиканского и монархического начал (Н) — **С появлением в Китае бронзы** (когда появилась бронза или в результате появления бронзы) происходит разложение первобытнообщинного строя и переход к рабовладельческому обществу (Б). Ср. также **С усилением централизации** была связана необходимость установления единой монетной системы (С), где синтаксема **С + Творит. пад.** является чисто каузативной.

В ходе (во время) завоевательных походов против Китая, Монголии и Кореи в составе цинских войск были дополнительно созданы восемь армий (М) — Будучи экономически и политически связанной с южным регионом, она рассчитывала **в ходе войны за Вьетнам** (в результате, по итогам) восстановить былое положение Хунани во внешней торговле, обновить уже устаревшее вооружение своих войск и оттеснить Аньхуэйскую группировку на второй план (Н).

Советник чжоуского Нань-вана Су Дай... постарался убедить Чу в том, что для него невыгоден союз Цинь с доменом, ибо сильное Цинь захва-

---

¹⁸⁷ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 418.

тит Чжоу. Лучшие всего способствовать отдалению Чжоу от Цинь... **Между тем** (в это время) агрессивность Цинь усиливалась (В). — Р.В. Вяткин, исходя из принятой версии о конце царства Чжэн в 388 г. до н.э., пишет в примечании, что в этом случае Кан-гун не должен был бы именоваться по-смертным титулом гун. **Между тем** (однако, несмотря на это) в ряде текстов он назван именно Кан-гуном (В).

Нарративность, т.е. придание смыслов темпоральной последовательности, мы обнаруживаем в текстах учебников и в использовании и самого наречия *одновременно*, которое мы выше использовали для разграничения значений других «синкретичных» единиц. Оно может указывать не только на чисто временные отношения между событиями (*Впервые на 12-м пленуме было официально объявлено о необходимости созыва «в подходящее время» IX съезда партии. Одновременно пленум одобрил проект нового устава КПК (С)*), но и на причинно-следственные, например: *Одновременно с арабскими купцами в Китай начинает проникать и мусульманство, первые сведения о нем в источниках встречаются под 626 г. (С)*. Здесь такими отношениями связывается появление в Китае арабских купцов и мусульманства.

Такой синкретизм темпоральных показателей не является недостатком исторического текста, ведущим к его неоднозначности, двусмысленности, а отражает его сущностные свойства, о которых говорилось выше. Нарративная «интрига» подразумевает не просто темпоральную последовательность событий, а их интерпретацию, важнейшим компонентом которой является установление причинно-следственных связей. Языковой арсенал, позволяющий одновременно организовывать историческое время и создавать нарративное понимание истории, как мы видели, обширен. При этом каузальность оказывается связана с представлением о границах и фазах событий и исторических интервалов, о важности которых мы говорили выше.

Так, конечная точка события часто фиксируется сообщением о его непосредственном результате или следствии: *Длительные войны между гос-*

ударствами закончились победой Цинь над всеми царствами и созданием в 221 г. до н.э. единой империи Цинь (С); Длительные войны и междоусобия начала VII в. привели к опустошению многих районов страны, к запустению полей, к массовой гибели земледельческого населения (С). Событие в истории не просто кончается, оно кончается чем-то.

Тот же «связующий» эффект можно наблюдать в использовании синтаксисом *с + Творит. пад.* и вместе с + *Творит. пад.*, в которых, как показывают следующие примеры, активно используются существительные именно с фазисным значением: *С прекращением нашествий и войн началось восстановление сельского хозяйства* (С); *С распадом надельной системы усилилось разорение крестьянских хозяйств по всей стране* (С); *С началом японской агрессии руководство КПК в качестве главного лозунга выдвинуло требование «свержения контрреволюционной власти гоминьдана, предающего и унижающего Китай»* (С); *С переходом к осуществлению лозунгов революции КПК столкнулась с весьма сложными проблемами, связанными с рядом особенностей китайской деревни* (С); *С потерей в XII в. Севера и окончательным перемещением центра экономической жизни в юго-восточные провинции удельный вес морской торговли во внешнеторговом обороте значительно возрос* (С); *Вместе с появлением новых ремесел возникали и новые цехи, происходила дальнейшая детализация цеховых уставов* (С).

2.2.6. Операции с категориями «новое — старое» и «впервые» («первый») в историческом тексте

В этом параграфе мы продемонстрируем, какими языковыми средствами и текстовыми приемами авторы учебников (ученые-историки) пользуются для представления категорий «новое — старое» и «впервые» («первый») с целью воплотить определенную идею исторического прогресса.

1. Характеристика чего-либо как **нового** (не в значении «очередной», как в *новый император, новая война*, а в значении «впервые появившийся, доселе не виданный») или **первого** имеет не только темпоральный смысл, часто она говорит о важности произошедшего события (изменения): *Хуань-гуна сменил Вэй-ван (378—343 гг. до н.э.), уже с новым титулом (В); При нем впервые была составлена киданьская письменность (С).*

2. Взаимопроникновение старого и нового. Исторический нарратив всегда в конечном итоге рассказывает о победе нового над старым. Но между новым и старым нет границы, на которой мы можем сказать: все старое исчезло, началось новое. Старое и новое как бы проникают, прорастают друг в друга. Эта характеристика исторического процесса отмечается в учебниках, например, словами *пережитки* и *отголоски*, первое из которых выражает отрицательную оценку, а второе нейтрально (*ликвидация феодальных пережитков, отголоски событий далекого прошлого*). С другой стороны, важно бывает подчеркнуть, что новое коренится в старом, причины последующих событий лежат в предшествующих — в этом случае номинации двух фактов могут соединяться при помощи слова *исток*: *Именно южным путем, через Чу, видимо, и проникали в Китай те протодаосские настроения, истоки которых можно встретить в древней индо-иранской мысли (М).*

3. Интересно в связи с проблемой диалектики старого и нового употребление в нашем материале прилагательного *прежний* и наречия *по-прежнему*, которые, находясь в пределах своих словарных значений «бывший прежде, минувший», «такой, как был раньше», при этом реализуют две принципиально разные функции, крайне важные и для линейного, и для циклического понимания истории Китая. С одной стороны, с помощью этих единиц авторы учебников отмечают сохранение признаков предшествующего, закончившегося исторического интервала на новом интервале: *В 1721 г. тайваньцы подняли восстание, и их 30-тысячное войско овладело большим числом населенных пунктов, в которых реставрировало порядки прежнего*

китайского государства (С) — государства, порядки которого реставрировались, больше не существовало. С другой стороны, эти лексемы используются для констатации сохранения или исчезновения существенных признаков какого-то объекта на протяжении его существования: *В это время, в середине V в. до н.э., Малое Вэй... начало понемногу терять свою **прежнюю** независимость, попадая под влияние разделивших Цзинь крупных цзиньских кланов* (В).

4. Если календарное время однонаправленно, то историческое, наполненное событиями, может «поворачивать вспять». Наряду с фазисными глаголами, а также существительными и прилагательными, обозначающими начало, конец и продолжение (срединную фазу) процесса, в учебниках по истории востребованы лексемы, обозначающие возвращение к прежней стадии, которые тоже можно отнести к фазисным, как, например, *возродить — возродиться*.

5.носителем определенной идеи прогресса является не только внетекстовый модусный субъект — автор учебника, но и его «герои» — внутритекстовые исторические субъекты, которые, по сообщению автора, фиксируют определенные моменты своего прошлого как важные, значимые, определяют историческое первенство в различных изобретениях и свершениях и т.п.: *«Позднее древние китайцы изображали своих мифических **первопредков** в виде полулюдей-полуживотных: Фуси, якобы научившего людей охотиться и ловить рыбу, — с телом змеи; Шэньнуна, изготовившего **первые** деревянные земледельческие орудия и **впервые** начавшего употреблять в пищу хлебные злаки, — с головой быка»¹⁸⁸* (С).

---

¹⁸⁸ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 8.

2.2.7. Управление динамикой действия и длительностью событий

В данном параграфе мы рассматриваем один из важнейших аспектов исторического времени — управление динамикой действия и длительностью событий, которое используется автором для организации нарративной «интриги» и реализуется с помощью широкого спектра текстовых тактик¹⁸⁹. На динамику действия и длительность событий оказывают влияние субъектные позиции автора текста (модусная) и внутритекстовых субъектов истории (диктумные и модусные)¹⁹⁰.

Безусловно, основным средством указания на быструю или медленную скорость протекания событий и процессов служат прилагательные *быстрый* — *медленный*, их синонимы и производные наречия: *Усилившееся развитие торговли способствовало **быстрому** росту городов (С); Стремительное промышленное развитие Китая приводит к глобальному загрязнению (Б); Однако Сюань-ван достаточно **быстро** освободился от опеки и начал проявлять характер (В).*

Однако в управление событийной динамикой вовлекается и более широкий круг языковых средств — лексических и грамматических, включая субстантивные и глагольные: *Борьба за власть **затянулась** здесь на долгие годы (С); Господство купеческого капитала в сфере производства было одной из основных причин **замедленного** развития и **консервирования** старых феодальных отношений в ремесле (С).*

Как видно из последнего предложения, общеязыковые средства выражения скорости протекания событий могут соседствовать с книж-

---

¹⁸⁹ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с. 76. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. — М.: Центр-М, 2001. — 400 с.

¹⁹⁰ При написании данного параграфа использована наша статья Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Управление динамикой действия и длительностью событий в историческом тексте (на материале российских учебников по истории Китая) // Сборник научных трудов. Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Выпуск 5: материалы V международной научной конференции 12 сентября 2024 г. — М.: "КДУ", 2024. — 400 с. — С. 106—112.

но-научными. Еще пример: *Китай не стоял на месте, он развивался медленно, эволюционно* (Б).

Более быстрое или медленное течение времени выражается предложениями, в которых

(1) как быстрые или медленные характеризуются безагенсные процессы *Но процесс отделения торговли от ремесла протекал медленно и продолжался вплоть до XX в.* (С);

(2) как быстрые или медленные характеризуются с внешней точки зрения действия субъектов истории: *Военные части китайских коммунистов смогли легко и быстро занять их место* (Б); *В целом по стране реформа была осуществлена за два года, хотя в Шанхае, главном экономическом центре страны, а также в нескольких провинциях, надежно контролировавшихся нанкинским правительством, ее удалось осуществить гораздо быстрее* (М);

(3) сообщается о целенаправленно быстром или медленном совершении каких-то действий субъектами истории (более подробно см. ниже);

(4) сообщается о желании, требовании некоторого субъекта истории, чтобы другой субъект выполнил какие-либо действия быстро, незамедлительно: *Кроме того, он обратился к иностранным торговцам с требованием немедленно сдать весь опиум китайским властям* (М.);

(5) выражаются каузативные отношения между двумя предикациями (одно событие ускоряет или замедляет развитие следующего): *«Феодальные отношения в деревне тормозили развитие Китая... Развитию национальной промышленности препятствовали конкуренция иностранных товаров, произвол министров и чиновников, нищета огромного большинства населения, следовательно, узость внутреннего рынка»*¹⁹¹ (С)¹⁹².

---

¹⁹¹ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 254.

¹⁹² Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Управление динамикой действия и длительностью событий в историческом тексте (на материале российских учебников по истории Китая) // Сборник научных трудов. Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Выпуск 5: материалы V международной научной конференции 12 сентября 2024 г. — М.: "КДУ", 2024. — 400 с. — С. 106—112. С. 107.

Субъекты истории могут принимать решения о замедленном, отсроченном или ускоренном, незамедлительном совершении каких-либо действий, что выражается в тексте путем использования глаголов *отложить*, *не замедлить*, *(по)спешить* и наречий:

Массовое неповиновение заставило маньчжуров отменить казни и отложить выполнение подобных приказов до окончательного завоевания Китая (Н); Власти не замедлили обрушиться на участников демонстраций с репрессиями (М); В первое время после восстаний землевладельцы, опасаясь новых возмущений в деревне, не спешили полностью восстанавливать прежнюю систему угнетения (С.); После внезапной смерти Чай Жуна гвардия в 960 г. провозгласила императором своего командира Чжао Куан-иня, который немедленно отменил поход на северо-восток и прекратил подготовку войны против киданей (С); Народные армии стремились как можно быстрее навести порядок на этой земле (С).

Важное значение в структуре исторического повествования имеют сопоставления скорости осуществления действий или протекания процессов. Мы выделили два типа таких сопоставлений.

а) синхронные;

б) диахронные (сопоставляется скорость действий или процессов, происходивших в разное время: *Монгольским войскам, привыкшим к быстрым победам, не удалось сразу сломить сопротивления южносунских воинов (С)* — раньше монгольские войска быстро одерживали победы, в этот раз это заняло больше времени; *В годы первой мировой войны, когда внимание и силы западных держав были поглощены борьбой за господство в мире, развернувшейся в основном на Европейском континенте, китайский капитализм рос быстрее, нежели в довоенный период (С).*

Указание на незамедлительное или отсроченное наступление одного события после другого сжимает или, напротив, растягивает историческое

время: *Неудачная попытка дворцового переворота в 169 г. отдала власть в руки евнухов, немедленно начавших репрессии* (С).

Интервал между событиями может указываться с различной степенью точности, ср.: *Тоба Тао совершил поход к Чанъаню и разгромил буддийские монастыри, присвоив их сокровища и запасы оружия. Через год он пал под ударом кинжала в собственном дворце* (С) и *Через некоторое время крестьянские предводители отказались от мысли обосноваться на юге, в Гуанчжоу, и все войско ушло на север* (С). Интересно, что этот интервал в некоторых случаях выглядит как ничем не заполненный, полностью лишенный событий, что демонстрирует избирательность автора по отношению к представляемым в тексте событиям: *Японские войска захватили Пекин и Тяньцзинь и продолжили наступление на Север. В ноябре пал Шанхай, через месяц Нанкин* (Б) — понятно, что между падением Шанхая и Нанкина японские войска завоевали еще ряд населенных пунктов, но историк выбирает наиболее значимые,

Таким образом, возникает интересное взаимодействие между темпоральной синтаксемой и номинациями событий, интервал между которыми она обозначает: с одной стороны, она является темпоральным локализатором для второго события относительно первого, с другой — сама протяженность интервала, обозначенного формой **через + Винит. пад.** (или **спустя + Винит. пад.**) определяется отбором значимых событий.

Изменения могут быть резкими, скачкообразными или постепенными: *Постепенно* путем войн и дипломатических ухищрений они поглощали другие мелкие царства (С); *Постепенная* конфуцизация чиновников в Хань привели к новому качеству, превращению служилых ши в тип духовной элиты страны (Б); *С 70-х годов XVII в. резко* изменились и маньчжуро-тибетские отношения (Н); *Сразу же* после вступления в Пекин регент Доргонь стал проводить политику, направленную на установление союза с минской бюрократией, шэньши и землевладельцами (Н).

Резкость изменения часто сочетается с неожиданностью, внезапностью, которые автор оценивает с позиции субъектов истории (для него самого ничего не неожиданно, он знает «конец фильма»): *В 1735 г. при странных обстоятельствах на пятьдесят седьмом году жизни **неожиданно** скончался император Иньчжэнь (Н).*

Стадии развития события могут быть более активными, явными или подспудными, скрытыми. Глагол *развиваться*, как правило, обозначает активную стадию развертывания события, в отличие от глаголов *назревать* и *зарождаться*, которые обозначает начальную стадию события, формирование предпосылок для него: *Одновременно с Корейским кризисом 1882—1884 гг. развивался Вьетнамский кризис, назревавший еще с 60-х годов XIX в. (Н); В недрах империи **зародились** элементы новых отношений феодального типа. Но события III—VI вв. задержали их дальнейшее **развитие** (хотя некоторые историки считают, что они **развивались** и это уже был период феодального **развития**) (Б) .*

Для демонстрации постепенности изменений историк может вводить в текст фигуру фиктивного наблюдателя, как бы фиксирующего начальные проявления этих изменений: *Рационализм ритуалов, **заметный** уже в шанское время, в чжоуском Китае продолжал развиваться (Н).*

В следующем фрагменте обращает на себя внимание не только концентрация средств управления динамикой действия, призванная продемонстрировать контраст между замедленным развитием Китая в период Чжоу и ускорением развития в период Чжаньго, но и указания на причинно-следственные отношения и результаты, соединяющие все упомянутые события в единый исторический процесс: *«**Явно запоздавший** в чжоуском Китае процесс приватизации **шел бурными темпами** и не мог не коснуться крестьянства, связав его с городским рынком. Рос объем производства, **быстро** увеличивалось народонаселение, что способствовало **ускоренному** освоению пустовавших **прежде** территорий. Дал заметный результат **давно***

*уже протекавший, но резко убыстрившийся именно в Чжаньго процесс адаптации варварских и полу-варварских государственных образований»*¹⁹³(М).

Модусная позиция автора текста проявляет себя и через оценку своевременности, продолжительности и скорости протекания событий: *Правительству уже к концу 1950 г. удалось обуздать инфляцию, создать устойчивую финансовую систему* (М); *Чжоусцы отличались от других именно тем, что у них упомянутый процесс шел особенно быстрыми темпами* (В); *Гуй-ван оказался в центре борьбы юго-западных провинций, упорно сопротивлявшихся завоевателям, что позволило последнему минскому правителю продержаться на троне почти 15 лет (1646—1661)* (Н).

Приведенные примеры подтверждают неоднородность исторического времени: оно может быть «более плотным, насыщенным или, наоборот, разреженным»¹⁹⁴. Этот эффект особенно ощутим на участках текста, где автор словно нагнетает темпоральные показатели и характеристики исторического времени, при этом свободно путешествуя из прошлого в будущее на века и даже тысячелетия: *«Именно теперь, в конце длительной эпохи Чжоу, на заключительном этапе периода Чжаньго в Поднебесной (конкретные очертания которой к этому времени практически слились с Чжун-го, ибо принципиальная разница между цивилизованными срединными царствами и полуварварской периферией в основном исчезла) начали вырисовываться контуры единой империи. Эту империю, формирование фундамента которой заняло почти тысячу лет, нельзя назвать скороспелой»*¹⁹⁵(М). Мы вместе с автором находимся в точке отсчета, которую он обозначает *теперь, это время* и характеризует как «дважды пограничную»: — конец эпохи Чжоу и

---

¹⁹³ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 109.

¹⁹⁴ 1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. — СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. — 523 с. С. 70.

¹⁹⁵ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 111.

периода Чжаньго (обратим внимание на три «интервальных» — *эпоха, этап, период* — и два фазисных — *конец, заключительный* — слова в этой характеристике). При этом он успевает напомнить нам, что эпоха Чжоу была длительной и сформировать не просто временные представления, а **хронотоп**: речь идет о Китае, имеющем определенные на момент «теперь» *очертания*. Фиктивный наблюдатель, который одновременно является модусным субъектом, знающим будущее, может заметить, как в этот момент *начинают вырисовываться* контуры будущей империи, формируется ее фундамент. И далее автор совершает переход от прошлого к будущему, характеризуя уже не длительность прошедшего периода, а длительность перехода к следующему этапу: дается количественная характеристика (*почти тысячу лет*) и качественная (*нельзя назвать скороспелой*).

«Сжимать» историческое время помогает перфективное подчеркивание завершенности процесса, наличия уже сформированного на определенный момент времени состояния или качества: *С первого же момента своего появления на территории Ань-яна и окружающих ее земель общность Шан резко отличалась от окружавших ее племен техническими достижениями и элементами урбанистической цивилизации (В); Чжоусцы к моменту завоевания были уже не просто одним из многих племен, окружавших развитое протогосударство шанцев и переживавших процесс трибализации и формирования политической структуры под его воздействием (В).*

Во всех приведенных до сих пор примерах модусным субъектом, «присваивающим» длительность событию и определяющим более или менее динамичное развитие действия, является историк, хотя он может, как мы видели выше, моделировать для нас позицию субъектов истории. Однако у внутритекстовых исторических субъектов могут быть свои представления о желаемой длительности или скорости осуществления каких-либо действий. В следующих примерах выделенные темпоральные показатели указывают на интенцию модусного исторического субъекта: *Все мероприятия нанкинского*

правительства, направленные на **быстрейшее** свержение цинской монархии и объединение страны, встречали ожесточенное сопротивление реакционных сил Севера (С); Коренное изменение обстановки **незамедлительно** требовало от КПК поисков новых форм деятельности (С); В октябре на всеобщем конгрессе китайских провинций представители провинциальных комитетов голосуют за подачу петиции ко двору с требованием **немедленного** созыва Национальной ассамблеи (Б).

Следует подчеркнуть, что, работая в режиме «Время — 1», историк может и вовсе выходить из событийной линии, прерывать повествование о событиях для сопоставлений и обобщений. В этом случае календарное время как бы останавливается, а историческое время служит предметом обсуждения и оценки: *«Цинскому режиму во многом благоприятствовала географическая или территориальная разобщенность, изолированность друг от друга основных анти-маньчжурских сил (тайпинов, няньцзюней, «красноголовых» и сычуаньских повстанцев) и асинхронность их ударов. Крестьянская война «красноголовых» в пров. Гуандун началась **через три года после Цзиньтяньского восстания «богопоклонников», а Сычуаньская война — через девять лет. Существенно «отстала» и национально-освободительная волна. Восстание мяо в Гуйчжоу произошло **спустя пять лет**, движение мусульман в Юньнани — **через шесть лет**, а восстание дунган на Северо-Западе — **через двенадцать лет после выступления тайпинов»** (Н)¹⁹⁶. Автор уже рассказал про все перечисленные движения в достаточно динамичном нарративе с аористивными предикатами такого типа: *После падения Сучжоу тайпинские командиры стали сдавать город за городом. В апреле 1864 г. цинские войска взяли Ханчжоу, в мае 1864 г. — Чанчжоу* (Н). Далее он останавливается и рассматривает в режиме «Время — 1» все эти события «одновременно». Темпоральные локализаторы присутствуют, но не для того, чтобы выстроить***

---

¹⁹⁶ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 436.

события в цепочку на оси времени, а для того, чтобы показать их «асинхронность» и «отставание» национально-освободительной «волны».

Еще один пример: *«В период империи в эти корпорации входили как бедные, так и весьма богатые дворяне, в том числе так называемые сильные дома, причем каждый в рамках-пятидворок был обязан отвечать за соседей по принципу круговой поруки. И хотя эта система жестко действовала отнюдь не всегда, о ней всегда вспоминали, когда следовало укрепить позиции власти центра. Практически это означало, что как раз в периоды ослабления этой власти, т.е. в моменты кризисов и даже предшествовавшей им обычно стагнации общинная деревня оказывалась в состоянии деструкции: каждый отвечал сам за себя, в результате чего бедняк легко становился жертвой богатого соседа. В период реформ или возникновения новой династии, т.е. в разгар тяжелого кризиса либо после его преодоления, как то было в Хань во времена Лю Бана, Ван Мана или Гуан У-ди, происходил радикальный передел земель»* (М)¹⁹⁷. В данном случае автор не сопоставляет отдельные события, а обобщает признаки исторических интервалов, используя узуально-характеризующие имперфективные предикаты¹⁹⁸.

Исторические интервалы получают тройную характеристику:

а) как конкретные исторические периоды (*период империи, времена Лю Бана и т.д.*);

б) по своим сущностным признакам с точки зрения статуса центральной власти в тот или иной период (*периоды ослабления власти, период реформ, период возникновения новой династии*);

в) как типовые этапы исторического процесса (*моменты кризисов и стагнации, разгар тяжелого кризиса либо после его преодоления*).

---

¹⁹⁷ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 140.

¹⁹⁸ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с.

2.2.8. Варьирование точности указания на время события

Поскольку время — важнейшая категория исторического текста, то, казалось бы, главной характеристикой времени в нем должна быть точность. Однако наше исследование показывает, что дело обстоит не так однозначно. Иногда важнее, чем точная датировка, для автора текста оказывается последовательность событий, оценка их продолжительности, характеристика интервала между ними. В других случаях отсутствие точной датировки связано с ее неизвестностью (обычно из-за отдаленности событий во времени), что заставляет автора искать различные способы указания на время, позволяющие ему быть не точным, но при этом оставаться в пределах научности.

Варьирование точности временных указаний — это осознанное использование в историческом тексте разных уровней точности времени для обеспечения научной достоверности, передачи масштабов событий и создания логических связей между ними.

Точное указание времени — это то, что придает тексту строгую научную основу. Конкретные даты или годы не только позволяют четко зафиксировать события на временной шкале, выстроить их последовательность и указать на их длительность, но и создают эффект убедительности и достоверности.

В то же время мы выявили следующие текстовые тактики, с помощью которых историки варьируют точность указания на время событий:

(1) сочетание точных и «расплывчатых» указаний на временную локализацию, продолжительность событий, временные промежутки между событиями;

(2) важное датированное событие используется как опорная точка, относительно которой организуются другие события без точной датировки;

(3) варьирование временного масштаба (шага) повествования (некоторые события локализуются на временной шкале с точностью до часа, другие — с точностью до тысячелетия).

Разумеется, чем дальше от нас в истории отстоят события, тем более затруднена точная датировка: повествование об археологическом периоде истории древнего Китая ведется с шагом в тысячелетие (или его часть). В то же время укрупнение временного масштаба бывает связано с повышенной значимостью события или передачей особо быстрого развертывания действий.

Размытость временных границ также может использоваться для акцентирования временного масштаба: *Хуанхэ на протяжении нескольких тысяч лет письменно фиксированной китайской истории неоднократно меняла свое русло, что было связано с обилием ила (лесса), который несла в своих водах эта не случайно названная Желтой река (М).*

Выводы по главе 2

1. В этой главе на основе составленного нами списка языковых средств, участвующих в конструировании исторического времени в русскоязычных учебниках по истории Китая (раздел 2.1) нами изучены текстовые тактики конструирования исторического времени, отмечена их универсальность и национальная специфика (раздел 2.2.).

2. Установлены и описаны две ключевые тактики, связанные с взаимодействием позиций субъекта-историка (модусной) и субъектов истории (диктумной и модусной). Это:

а) вариативность точки отсчета на шкале времени — ее движение по воле историка от современности до глубокой древности;

б) дифференциация или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, которые, помимо диктумной роли (участие в событиях) могут играть и модусную (оценка, свидетельство, планирование событий и т.д.).

3. Установлена роль конкретных языковых средств (в частности прилагательных и наречий *временный, временно, вовремя, некоторое время, позже, последующий, прежний, новый, древний* и др.; существительных с темпоральным компонентом значения типа *предание, пережиток*; предложно-падежных синтаксем и т.д.) в организации нелинейного, социально обусловленного и событийно наполненного исторического времени как текстового конструкта. Для объяснения предложений, в которых время события локализуется относительно времени другого события и относительно современности, нами было введено понятие «тройной временной связки».

4. Выявленные тактики:

а) действуют во взаимосвязи на всем протяжении текста (выстраивая последовательность событий, историк одновременно управляет динамикой

действия, точками зрения и точкой отсчета, добавляет причинно-следственные смыслы, проводит свою идею прогресса, выстраивает хронологическую линию и т.д.);

б) не просто обеспечены соответствующими языковыми средствами, а, как можно предположить, имеют с этими языковыми средствами общую когнитивную обусловленность, отражая взгляд человека говорящего не только на историю, но на категории времени, события, пространства, субъекта в целом.

5. Лингвистический анализ подтверждает постулированные в работах историков, философов, культурологов характеристики исторического времени и его отличия от календарного времени — социальный характер, связь с ценностными категориями и целеполаганием, с нарративной интригой, категориями субъекта и пространства, разграничение концепций «Время-1» и «Время-2». «Изменение» как главный герой истории проявляется не только в динамике событий, но и в динамике точек зрения на них.

ГЛАВА 3. Историческое пространство в российских учебниках по истории Китая через призму конструирующих его лексем

3.1. Взаимосвязь исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая: лингвистический аспект

Данный параграф посвящен анализу языковых средств и текстовых приемов выражения взаимосвязи исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая. Также в нем исследуется зависимость текстового представления указанных категорий от субъектной структуры текста (соотношения точек зрения автора и субъектов истории)¹⁹⁹.

Для иллюстрации того, насколько тесно связаны историческое время и историческое пространство в сознании историков Китая, приведем цитату из русского перевода книги американского исследователя М.Э. Льюиса «Империи Древнего Китая. От Цинь к Хань. Великая смена династий». Первая глава этого исторического труда называется «Географическое описание китайской территории». В ней, в частности, говорится: «Как и вся китайская история, география древних Китайских империй представляет собой повествование о многочисленных отличающихся одна от другой областях этой страны. Государство, созданное при династии Цинь, отличается от современного Китая, знакомого по нашим картам. Западная треть современного Китая (современный Синьцзян и Тибет) оставалась зарубежным миром, неизвестным правителям династии Цинь и в начале династии Хань... Современная Внутренняя Монголия и Маньчжурия также лежали за пределами их границ, так же, как и

---

¹⁹⁹ Материалы данного параграфа нашли отражение в следующей публикации, выполненной автором лично, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, представлены основные результаты, положения и выводы исследования: Ли Гуаньяо. Взаимосвязь исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая: лингвистический аспект // Преподаватель XXI век. — 2025. — № 2. — С. 328—333.

южные области современной Юньнани и Гуйчжоу. При том что современный южный сектор (Фуцзянь, Гуандун и Гуанси) находился в зоне оккупации китайскими войсками, он тоже оставался за пределами китайской культурной сферы. Китай эпохи древнейших империй и на протяжении большей части его более поздней истории располагался в бассейне междуречья Хуанхэ и Янцзы. Эта область включила все земли, почва которых была достаточно плоской и достаточно влажной, чтобы заниматься сельским хозяйством. Тем самым определились исторические пределы основного района проживания китайцев»²⁰⁰.

Памятуя, что этимологически слово «текст» происходит от латинского *textus*, что обозначает «ткань, сплетение», можно охарактеризовать этот фрагмент как образованный тесным переплетением слов с темпоральной и пространственной семантикой. Симптоматично уже включение *географии древних империй* в *историю* Китая в первом предложении. Шесть раз в этом небольшом фрагменте мы встречаем прилагательное *современный* в его темпорально-локативном употреблении. Пространство, которое входит в историю Китая, вводится через модусные показатели, отражающие точку зрения современного историка и его читателей (*знакомого по нашим картам*) и жителей древних империй (*неизвестным правителям династии Цинь и в начале династии Хань*). Китай получает в одном предложении две темпоральных характеристики — через синтаксему **Родит. пад.** *древнейших империй* и синтаксему **на протяжении** + **Родит. пад.** — и локативную (*располагался в бассейне междуречья Хуанхэ и Янцзы*). Существительное *предел* употреблено один раз в пространственном значении (*за пределами их границ*), один раз — в абстрактном (*за пределами китайской культурной сферы*) и один раз — в темпоральном (*исторические пределы*). При этом *исторические пределы* в последнем предложении оказываются одновременно и пространственными.

---

²⁰⁰ Льюис М.Л. Империи Древнего Китая. От Цинь к Хань: великая смена династий — М.: Центрполиграф, 2016. — 413 с. С. 19.

Такое переплетение исторического времени и пространства характерно и для исследуемых нами текстов.

Нами был определен набор языковых средств и тактических приемов, демонстрирующих взаимосвязь категорий исторического пространства и времени в российских учебниках по истории Китая²⁰¹, который мы воспроизводим далее по нашей опубликованной статье с дополнительными комментариями.

1) История государства — это прежде всего история пространства, которое оно занимает, его территории: «Без территории немислимо существование государства. Как жизнь человека невозможна вне тела, так и полноценная жизнь государства неосуществима вне территории. <...> Территория, наряду с категориями «народ» и «власть», составляет триаду элементов, формирующих государство. Она является обязательным признаком государства, неотъемлемым естественным условием существования государства, материальной основой жизни организованного в государство общества»²⁰². Изменение территории государства (увеличение, уменьшение, объединение, дробление) может служить параметром, по которому выделяются и получают название исторические периоды: *Северный Китай распался на множество самостоятельных и соперничавших между собой территорий. Этот период традиционно называют **периодом Шестнадцати царств** (Б.). Выбор глагола, с помощью которого обозначаются пространственные изменения, отражает «интересы государства», идею прогресса, как ее понимает данный автор, и является примером нарративного понимания истории: *Ослабевшая империя Мин **утратила** южную часть Ляодунского п-ова (Н.); Цинская империя **присоединила к себе** Китай и Монголию, став к концу XVII в. самым крупным государством в Азии (Н.).* Сообщения о трансформациях территории*

---

²⁰¹ Ли Гуаньяо. Взаимосвязь исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая: лингвистический аспект // Преподаватель XXI век. — 2025. — № 2. — С. 328—333.

²⁰² Белякович Е.В. О понятии территории государства // Сибирский юридический вестник. — 2006. — № 2. — С. 3.

государства, оформленные в темпоральные синтаксемы, придаточные времени и отдельные предложения, включаются в каузативные отношения. Возникают полипредикативные предложения и последовательности предложений, демонстрирующие исторические последствия этих трансформаций: *После объединения Юга и Севера значительно расширились рынки, дальнейшее развитие получило ремесло и торговля* (Б.), — объединение Юга и Севера стало каузатором расширения рынков и дальнейшего развития ремесла и торговли.

2) Когда историк пишет историю какого-либо государства, именно оно обычно выступает как точка отсчета для использования, казалось бы, объективных пространственных показателей, например, таких, как имена сторон света и образованные от них прилагательные: *Царство Янь находилось на крайнем северо-востоке* (Б.) — имеется в виду крайний северо-восток тогдашней территории Китая. Адресат текста должен учитывать, где «заканчивался» Китай в описываемый период, а не проецировать в прошлое современные границы Китая.

Нужно учитывать, что обозначения сторон света, которые будут подробнее рассмотрены позже, могут использоваться не только для указания на регионы внутри Китая, но и на направления за его пределами: *Экспансия китайской державы была направлена также на юго-запад. Здесь внимание правителей Китая, как и в предшествующие эпохи, привлекал Тибет* (М). Здесь опять же для правильной интерпретации текста читатель должен иметь представление о границах территории Китая в то время, о котором идет речь.

Также следует обращать внимание на случаи, когда в качестве точки отсчета выступает пространственная позиция другого субъекта. Таким субъектом обычно выступает государство, к которому принадлежит историк, то есть в российских учебниках по истории Китая это Россия. При описании контактов русских с китайцами (или России и Китая) авторы учебников, как правило, переходят с «китайской» точки зрения на «русскую» (российскую):

«Первыми российскими путешественниками, побывавшими в Пекине, были, вероятнее всего, Иван Петров и Бурнаш Ялычев. Иван IV в 1567 г. приказал им во главе небольшого отряда отправиться **на Восток**, собрать сведения о **неизвестных землях**, живущих там народах и установить дружественные отношения с их правителями»²⁰³(Б.) — приказал отправиться в регион, который для Руси XVI века определяется как *Восток*. На то, что в данном предложении представлена точка зрения «со стороны России», свидетельствуют лексемы *неизвестные, там, их правители*. Земли, о которых идет речь, были *неизвестны* русским в эпоху Ивана IV, как и те, кто ими управлял.

4) Сложную номинативную проблему в приведенном фрагменте представляет выбор прилагательного для характеристики Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева как первых *российских* путешественников. Историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, насколько оправданно применение номинаций *Россия, российский* по отношению к XVI в.²⁰⁴. Ср. с примерами из того же и другого учебника: *В 1654 г. в Пекин для переговоров прибыл русский посол Фёдор Байков. Это было официальное посольство* (Б.); *В XVII в. китайская держава впервые приходит в соприкосновение с Российским государством. Это было следствием активного продвижения русских поселенцев все дальше на восток к Тихоокеанскому побережью* (Н.).

На этом примере мы видим, что при выборе топонимов и производных от них прилагательных, автор учебника действует либо с синхронной позиции синхронной (выражает в этом выборе точку зрения участников исторического процесса, современников описываемых событий), либо с позиции диахронной (т.е. отражает свою темпоральную позицию, удаленную от описываемых событий, но совпадающую с позицией его читателей (учебники истории пишутся для студентов-современников)). Как показатель несовпадения точек

---

²⁰³ 1. Булдыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 168 с. С. 91.

²⁰⁴ Обзор различных точек зрения по этому вопросу см. в Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 151 с.

зрения используется прилагательное *современный* в сочетании с топонимом: *Походы на Давань позволили открыть регулярные торговые связи с народами, обитавшими на территории современного Восточного Туркестана* (М.); *Царство У было основано Сунь Цюанем со столицей в районе современного Нанкина* (М.).

4) Современное понимание исторического процесса включает рассмотрение его как «пространственно-временного континуума», в котором пространство и время создают уникальные условия для каждого исторического события²⁰⁵. Этот подход находит отражение в сочетании темпоральных и пространственных показателей в сообщении об исторических событиях. Мы выделили четыре основные разновидности таких сочетаний

Во-первых, темпоральный и пространственный маркер могут локализовать одно событие: *В 246 г. до н.э. ваном в царстве Цинь стал тринадцатилетний Ин Чжэн* (Б.); *В КНР впервые после 1953 г. возник бюджетный дефицит* (Б.). В этом случае в предложении используется аористивный предикат.

Во-вторых, темпоральный и пространственный маркер могут вычленять временной интервал и локус, «пересечению» которых приписывается какая-либо характеристика: *В позднеимператорский период в Китае подавляющую часть населения составляли самостоятельные крестьяне-землевладельцы* (М). В этом случае в предложении используется имперфективный или перфективный (*составили*) предикат.

Третий случай — темпоральный и пространственный маркер выстраивают последовательность событий: *Впоследствии, уже в Восточном Чжоу, эта практика гадания была хорошо разработана* (М.) — здесь темпоральный маркер «зацепляет» предложение за предыдущее, а пространственный — пе-

---

²⁰⁵ Боровкова О.В. Пространства исторической науки и их взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 394. — С. 79—83. Золотов В.И. Историческое пространство в современном историческом знании // Вестник Брянского государственного университета. — 2021. — № 3 (49). — С. 46—53.

реносит действие в другой локус. В подобных конструкциях могут использоваться имперфективные и перфективные предикаты (мы называем их перфективными, поскольку они не дают следующего шага повествования, как аористивные, а обслуживают взгляд назад из точки в будущем, установленной автором). В данном примере интересно еще и присоединение темпоральной частицы к локативной синтаксеме.

Наконец, четвертый случай — темпоральный и пространственный маркеры указывают на разную скорость протекания одного процесса в разных локусах: ***В целом по стране реформа была осуществлена за два года, хотя в Шанхае, главном экономическом центре страны, а также в нескольких провинциях, надежно контролировавшихся нанкинским правительством, ее удалось осуществить гораздо быстрее*** (М.)»²⁰⁶.

5) Историческое пространство служит ареной для исторических событий и в то же время трансформируется под их воздействием. Это находит текстовое отражение в фазисных конструкциях, сообщающих о новых качествах описываемых пространств: ***Появление** бронзы в древности обычно шло рука об руку с **возникновением** урбанистической цивилизации, то есть со строительством городских центров с их храмами и дворцами* (Б.).

6) Наконец, как уже было сказано, историческое пространство содержит в себе национальные исторические символы и культурные коды. В.И. Золотов подчеркивает, что пространство не только влияет на культуру, но и является ее частью, формируя уникальные социальные и культурные формы в зависимости от географического положения и природных условий. Например, культурные ландшафты, такие как священные горы или исторические памятники, представляют собой воплощение взаимодействия культуры и пространства,

---

²⁰⁶ Ли Гуаньяо. Взаимосвязь исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая: лингвистический аспект // Преподаватель XXI век. — 2025. — № 2. — С. 328—333.

где физические объекты приобретают символическое значение, важное для определенной социальной группы²⁰⁷.

Сообщения о культурных кодах, связанных с историческим пространством, и символической значимости различных пространственных объектов историк также может делать с разных позиций: синхронной и диахронной, отражая точку зрения участников истории или современную. Так, в предложении *Пекинские правители все еще ощущали себя вершителями судеб мира, а свою империю — центром Вселенной, перед которой должны бы ли трепетать как азиатские «данники», так и «английские варвары»* (Н.) историк сообщает об «ощущении» пекинских правителей определенной эпохи, при этом, используя частицы *все еще*, маркирует это ощущение как устаревшее, противоречащее историческому прогрессу на тот момент времени.

Важное место среди таких пространственных культурных кодов в нашем материале играет противопоставление *европейского* и *азиатского* (*восточного*), в котором Китай объединяется с другими восточными странами в оппозиции странам Запада: *Эта автономность усиливалась специфически азиатской неприязнью китайской бюрократии к «частнику» -торговцу, мануфактуристу, ростовщику и отчасти даже и не соблюдавшему конфуцианской этики землевладельцу (тухао, лэиэнь)* (Н.); *Смазанность этой категории, нечеткость классовых размежеваний, структуры и антагонизмов не позволяют подходить к ним с европейскими мерками (особенно буржуазного общества), заставляя делать упор на временную и местную специфику явлений* (Н.); *Землевладельцы как таковые не были его «родным» классом, в массе своей прежде всего оставаясь подданными азиатской деспотии* (Н.), т.е. деспотии «азиатского» типа.

---

²⁰⁷ Золотов В.И. Историческое пространство в современном историческом знании // Вестник Брянского государственного университета. — 2021. — № 3 (49). — С. 46—53. С. 50.

3.2. Особенности функционирования лексем *Восток* и *восточный* в исследуемых текстах

Характеризуя сложность системы значений слова на синхронном срезе языка и еще большую сложность ее исторического развития, акад. В.В. Виноградов писал: «Слова на той или иной стадии развития образуют внутренне объединенную систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях и пересечениях. Отдельные слова, как смысловые структуры, существуют лишь в контексте этих систем, в их пределах они обнаруживают по-разному свои смысловые возможности. Все слова в составе лексической системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они соотнесены друг с другом и непосредственно как члены одного и того же семантического ряда, и опосредствованно как звенья параллельных или соприкасающихся семантических рядов. В сущности полное раскрытие смысловой структуры слова, т. е. не только его вещественного отношения, но и целостного «пучка» его значений, всех его грамматических форм и функций, его экспрессивных и стилистических оттенков, строя его «внутренних» форм возможно лишь на фоне всей лексической системы и в связи с ней»²⁰⁸.

Особую важность это положение академика Виноградова приобретает по отношению к словам, которые употребляются в различных сферах функционирования языка, например, в повседневной речи и научных текстах. К таким словам относятся названия частей света (*север, юг, запад, восток*) и образованные от них прилагательные (*северный, южный, западный, восточный*).

Этот параграф посвящен изучению «смысловой структуры» существительного *Восток* (и соответствующего прилагательного) в том широком смысле, в котором определяет ее Виноградов, в российских учебниках по

---

²⁰⁸ В.В. Виноградов. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. — 1995 — № 1. — С. 5 — 34. С. 7 — 8.

истории Китая. Актуальность этой проблематики обоснована и продемонстрирована на примерах в статьях В.В. Ахмадуллина²⁰⁹, в которых предметом рассмотрения служит термин «Ближний Восток». Отмечая, что «с конца 2010 г. большинство сообщений российских и зарубежных СМИ начиналось со слов «Ближний Восток», но при этом не всегда это понятие включало в себя один и тот же список государств»²¹⁰, В.В. Ахмадуллин показывает, что разные страны определяют это понятие в своих интересах. Например, для стран Запада использование этого термина по отношению к определенному кругу государств служит «внедрению в сознание мировой общественности необходимости новой нарезки геополитических пространств»²¹¹, соответственно, важно формировать у российской аудитории, особенно студентов и школьников, правильное понимание этого понятия.

На проблемность термина «Восток», используемого в исторических, социологических, политологических и других общественно-гуманитарных исследованиях, указывает акад. В.В. Бартольд в своей работе «Культура мусульманства».

Так же, как и выше цитированный автор, В.В. Бартольд обращает внимание на принципиальную важность субъекта номинации — того, с чьей точки зрения та или иная область пространства именуется Востоком, однако рассматривает данную субъективность не в политологическом, а в культурологическом ракурсе: «Употребление слова «Восток» в культурной истории не всегда и не вполне соответствует географическому местоположению тех стран, о которых идет речь. В России культурные области Передней Азии должны были бы называться «Югом»; «Югом» является и для Западной Ев-

---

²⁰⁹ Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» арабоязычными авторами // Армия и общество. — 2014. — № 1 (38). — С. 129—133. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» западными авторами // Власть. — 2014. — № 4. — С. 126—130.

²¹⁰ Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» арабоязычными авторами // Армия и общество. — 2014. — № 1 (38). — С. 129—133. С. 126.

²¹¹ Там же. С. 129.

ропы Северная Африка, причисляемая как часть мусульманского мира к «Востоку»²¹².

Бартольд дает диахроническую картину развития понятия «Восток», начиная с древних римлян, у которых впервые возникло понятие о Востоке как об «особом мире, противопоставленном западу»²¹³, тогда как древних греков интересовало только противопоставление юга и севера. Он также показывает влияние мировых религий на европейское представление о Востоке и двойную роль развития исторической науки. С одной стороны, ее развитие привело к тому, что Древнюю Грецию, которая продолжительное время рассматривалась как начало древней и вообще мировой истории, все же стали закономерно воспринимать как продолжение более древних культурных процессов, происходивших в Передней Азии и Египте. С другой стороны, это привело к сужению понятия «истории Востока» и исключению из него, как выражается Бартольд, «действительно восточных стран Старого Света — Китая и Индии»: «В этом смысле русский историк «древнего Востока» понимает под этим термином пространство от Кавказа и Средней Азии до Индийского океана и страны африканских озер, от границы между Ираном и Индией до Гибралтара; древняя история всего этого пространства «представляет собой вполне законченное целое»²¹⁴.

Для этих стран европейская наука предлагает термин «Дальний Восток», который также является проблематичным²¹⁵. Если сам В.В. Бартольд в цитируемой работе последовательно относит его к Индии и Китаю, например, *«Порох давно был известен Дальнему, вероятно, и Ближнему Востоку или Монгольская империя объединила под властью одного народа и одной династии культурные страны Дальнего и Ближнего Востока»*, то в статье в Рос-

---

²¹² Бартольд В.В. Ислам. Культура мусульманства. Мусульманский мир. М., 2012. С. 587.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же. С. 589.

²¹⁵ Голубь А.Б. Дальний Восток или Тихоокеанская Россия: проблема наименования территории (взгляд изнутри) // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. — 2014. — № 3 (16). — С. 30—36.

сийской энциклопедии мы встречаем другое понимание. С одной стороны, Дальний Восток определяется как «географический регион, объединяющий территорию стран восточного побережья Азии; общее название государств и территорий в Восточной Азии: восточная часть Китая...; КНДР и Республика Корея полностью; ряд субъектов Российской Федерации...; Япония; иногда Филиппины». Как видим, Индия здесь отсутствует, Китай включается не целиком, зато включаются другие страны, в том числе часть территории РФ. При этом указывается, что «исторически территория Дальнего Востока включала в себя Корейский п-ов, Японию, области Китая [Маньчжурию, Чжили (ныне провинция Хэбэй), Шаньдун] и Уссурийский край России; и моря [Жёлтое (с заливами Печелийским, Ляодунским и Корейским) и Японское]», и вводятся несовпадающие понятия «Дальний Восток России в природном отношении» (территории бассейнов рек, впадающих в Тихий океан, и ряд островов), в экономическом отношении (Дальневосточный экономический район) и в политико-административном отношении (часть Дальневосточного федерального округа без Республики Бурятия). <https://bigenc.ru/c/dal-nii-vostok-b3d3d3?ysclid=m6si23mugn661290530>. В ряде работ для обозначения российского Дальнего Востока предлагается использовать термин «Тихоокеанская Россия»²¹⁶.

Приведенные исследования демонстрируют научную значимость и междисциплинарный характер рассматриваемой нами далее темы.

Автоматизированный анализ текстов учебников, выполненный с помощью лемматизатора MyStem, в сочетании с ручной обработкой, позволил нам получить данные о частотности и типовой сочетаемости существительных, обозначающих стороны света, и производных от них прилагательных. Данные представлены в таблице 3 (приводятся данные только по основным сторонам света).

---

²¹⁶ Анализ аргументов см. в Голубь А.Б. Дальний Восток или Тихоокеанская Россия: проблема наименования территории (взгляд изнутри) // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. — 2014. — № 3 (16). — С. 30—36.

Таблица 3

Частотность обозначений сторон света и прилагательных, образованных от этих обозначений

слово	частотность
восток	444
восточный	548
запад	514
западный	840
север	704
северный	962
юг	771
южный	796

Специфика нашего материала состоит в том, что, будучи написаны русскими авторами и будучи разрешенными для использования в системе высшего образования РФ, эти тексты, разумеется, представляют историю Китая с точки зрения советских и российских историков. Но при этом, как мы уже показывали выше в диссертации и в наших статьях²¹⁷, историк как субъект, пишущий историю, не может полностью дистанцироваться от субъектов истории, то есть тех, кто историю творил и записывал до него — он более или менее часто инкорпорирует в текст их взгляд на события (мы это видели, в частности, на примере темпоральных маркеров, которые передают оценку скорости или длительности событий с точки зрения субъектов истории, оценивающих эти события как своевременные или запоздавшие, произошедшие быстро или слишком затянувшиеся). В использовании имен частей света и образованных от них прилагательных эта двойственная субъектная позиция также будет проявляться.

---

²¹⁷ Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С.70 — 81. Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С. 9 — 19.

Обратимся вначале к данным словарей. Сопоставление статьи *восток* в словарях под ред. Д.Н. Ушакова и А.П. Евгеньевой позволяет сделать некоторые интересные наблюдения.

Первое значение определяется в обоих словарях одинаково: «одна из четырех главных стран света, противоп. западу; часть горизонта, где восходит солнце», в словаре Ушакова²¹⁸, и «одна из четырех стран света, противоположная западу; часть горизонта, где восходит солнце», в словаре Евгеньевой²¹⁹. При этом в обоих словарях у этого значения выделено подзначение «направление, сторона, противоположные западу».

Второе значение предвзвешивается у обоих авторов указанием на использование прописной буквы и формулируется следующим образом: «страны Азии, северо-восточной Африки и юго-восточной Европы, противопоставляемые странам с западноевропейской культурой», у Ушакова, и «страны, расположенные в этом направлении и противопоставляемые Западной Европе и Америке», у Евгеньевой²²⁰. В первом случае подчеркивается культурное противопоставление, во втором — географическое. При этом Ушаков дает и составные номинации со словом Восток, сопровождая их разъяснениями в скобках: «*Дальний В.* (страны азиатского побережья Великого океана). *Ближний В.* (Малая Азия, иногда и Балканы). *Средний В.* (Аравия, Персия и Афганистан)»²²¹. В словаре под редакцией Евгеньевой этого нет.

Что касается прилагательного *восточный*, то у Ушакова оно трактуется следующим образом: «*Прил. к восток. Восточная культура.* || Лежащий к востоку. *Восточная граница, страна. Восточное направление.* || Имеющий

²¹⁸ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Дата обращения: 12.06.2025)

²¹⁹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвист. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/> (Дата обращения: 12.06.2025)

²²⁰ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвист. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/> (Дата обращения: 12.06.2025)

²²¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Дата обращения: 12.06.2025)

отношение к государствам, странам востока. *Восточная политика*. **Восточная церковь** — православная христианская церковь. **Восточный человек** (разг. дореволюц.) — уроженец Кавказа и Востока (обычно об армянах, грузинах, персах и др.)²²².

В словаре Евгеньевой *восточный* — это

«1. Находящийся на востоке, лежащий к востоку, идущий с востока. *Восточная граница. Восточный ветер. Восточные районы. Восточный берег.*

2. Прил. к Восток. *Восточные народы. Восточная архитектура. Восточная культура*»²²³.

Обращает на себя внимание, что у Ушакова выделено «политологическое» значение и в определении «восточного человека» разделены Кавказ и Восток, а у Евгеньевой более дифференцирована локативная семантика: не только *лежащий к востоку*, но и *находящийся на востоке* (что не одно и то же) и *идущий с востока*.

Мы, в соответствии с положениями В.В. Виноградова о необходимости взаимосвязанного рассмотрения «целостного «пучка»... значений» слова и «всех его грамматических форм и функций, его экспрессивных и стилистических оттенков» для выявления «смысловой структуры слова»²²⁴, объединили данные словарей с рассмотрением употребления слов *восток, восточный* в текстах разных жанров и функциональных сфер. В этом случае выясняется, что указанные в словарях оттенки значения связаны с позицией говорящего субъекта, которая является одним из параметров, противопоставляющих коммуникативные регистры речи, по Г.А. Золотовой²²⁵.

---

²²² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Дата обращения: 12.06.2025)

²²³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвист. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/> (Дата обращения: 12.06.2025)

²²⁴ В.В. Виноградов. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. — 1995 — № 1. — С. 5 — 34. С. 7 — 8.

²²⁵ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с.

Первое значение, выделяемое обоими словарями, принадлежит репродуктивному регистру — текстам, в которых представлено непосредственное наблюдение реальным или вымышленным субъектом окружающей действительности в конкретном пространстве и времени. Это демонстрируют и примеры, приводимые в словарных статьях — *В тишине запели птички, и восток озолотился* (Лермонтов); *Румяной зарею Покрылся восток, В селе за рекою Потух огонек* (Пушкин); *Еще нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке* (Тургенев) — и огромным количеством других примеров, преимущественно из русской художественной литературы: ...*На западе еще золото и пурпур, а на востоке сверкают и блещут уже миллионы глаз: звёзды и звёзды, и между ними скромно и ровно сияет Южный Крест!* (Гончаров); *На запад пятиглавый Бешту синее, как «последняя туча рассеянной бури»; на север подымается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом...* (Лермонтов); *Солнце склонилось на запад к горизонту, по низине легла длинная тень, на востоке лежала тяжелая туча, даль терялась в вечерней дымке, и только кое-где косые лучи выхватывали у синих теней то белую стену мазаной хатки, то загоревшееся рубином оконце, то живую искорку на кресте дальней колокольни* (Короленко) и т.д.

Все приведенные примеры являются яркими образцами репродуктивного регистра: в них сочетается предметная лексика с лексикой, называющей признаки, воспринимаемые органами чувств — зрением и слухом, конкретные локативные показатели, ориентированные на точку зрения наблюдателя (*в селе за рекою*), указания на пространственное положение наблюдающего субъекта и движение его взгляда. Читатель как бы переносится в описываемое

«здесь и сейчас» наблюдателя и вместе с ним следит за изменениями в окружающем мире или окидывает взором пространство.

Разумеется, подобного употребления слова *восток* мы не встретим в учебно-научных текстах по истории Китая, которые представляют информативный регистр речи. Их организует ментальная точка зрения автора и действие разворачивается не в конкретном хронотопе, ограниченном наблюдательными возможностями субъекта, а в хронотопе историческом. Использование лексем *восток*, *восточный* определяется типом текста, стратегией и тактиками автора исторического нарратива.

Одна из важнейших задач этого автора (субъекта-историка) — членение исторического пространства. В истории Китая одинаково важными являются оппозиции «север — юг» и «восток — запад», но проявляются они по-разному.

1) Лексемы *восток*, *восточный* могут употребляться для «членения» Китая на две части — восточную и противопоставленную ей западную, в которых исторические процессы могут развиваться с разной скоростью, а различные количественные и качественные параметры не совпадать: *В направлении с запада на восток прослеживалась та же закономерность: чем восточнее провинция, тем выше был процент земель, сдававшихся внаймы* (Н).

2) В некоторых случаях важно сопоставление Китая со странами Ближнего Востока или указание на культурную преемственность, тогда слово *восток* появляется в соответствующем составном термине: *Загадка индоевропейских по типу боевых колесниц с одомашненными на Ближнем Востоке лошадьми, имеющая самое непосредственное отношение к шанской аристократии (как-никак, а колесницы с лошадьми обнаружены в основном в царских гробницах), остается неразгаданной* (Б); *Можно почти с полной уверенностью считать, что шанская община как таковая существовала, что именно ее представители, — а не чужеземцы, наемники либо неполноправные,*

как это нередко бывало с храмовыми землями на **Ближнем Востоке**, — обрабатывали поля, используя казенные орудия (Б).

3) Наиболее общим противопоставлением, для организации которого используются слова *восток*, *восточный*, служит оппозиция Китая и других стран «Востока» Европе, «Западу»: *Китай, как и весь **Восток**, был в свое время принужден пойти по пути сближения со стандартами Запада* (Б).

Сами «восточные страны» могут объединяться в единое целое или противопоставляться (с целью выявления специфики Китая), ср.: *В Европе китаеведение переживает период расцвета, в частности во Франции, где Школа **восточных** языков и Коллеж де Франс готовят специалистов высокого уровня* (Б), где основание Школы восточных языков во Франции приводится как пример расцвета не востоковедения в целом, а именно китаеведения, и *В отличие от других **восточных** обществ, от Турции, Японии и многих других стран, китайские армии обычно набирались из деклассированных элементов и возглавлялись малообразованными в конфуцианском смысле и потому не очень уважаемыми обществом военачальниками* (Б) — здесь автор не просто характеризует китайскую армию и отношение к ней, но подчеркивает, что оно было не типичным для стран Востока в целом.

4) При описании русско-китайских связей слово *Восток* может демонстрировать перспективу «со стороны России»: *Иван IV в 1567 г. приказал им во главе небольшого отряда отправиться на **Восток*** (М.). Восток в данном случае — то, что восточнее России. Ср. у Л.Н. Толстого в «Войне и мире»: «С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил западной Европы, и в 1812 году силы эти — миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию), двинулись с Запада на **Восток**, к границам России, к которым точно так же с 1811-го года стягивались силы России» — в пространственной перспективе армии Наполеона *Восток* — это границы России.

5) Запад и Восток, которые в основном противопоставляются, могут также и объединяться, когда автор хочет охарактеризовать какие-то процессы как общеисторические: *Таким образом, проявление этих двух начал внутри средневековой системы, возникновение между ними неких взаимоотношений имели место и на Западе, и на **Востоке**, т.е. были общеисторическими* (Н).

Наше исследование указывает на большую дидактическую значимость лексем *восток, восточный* в проанализированных текстах. Например, студент должен понимать, а преподаватель способствовать пониманию того, что в следующих контекстах прилагательное *восточный* употреблено в разных значениях:

*Специфический исторический код эволюции Европы позволил обществу выйти на путь автономного и самостоятельного го по отношению к государству развития. **Восточный** код эволюции в Китае этого не допустил* (Н) — **восточный** = противопоставленный Западу, Европе;

*Самовластие, деспотизм и высокомерие Ян Сюцина восстали против него остальных князей и их родню. **Восточный** князь задумал сосредоточить в своих руках помимо реальной еще и номинальную власть* (Н) — **восточный** = правивший на востоке Китая;

*В то же время **Восточный** поход тайпинов продолжался успешно. Еще в мае-сентябре 1861 г. армия Ли Шисяня овладела западной и центральной частью пров. Чжэцзян* (Н) — **восточный** = направленный на восток (ср. *восточный поход русского князя Святослава против Хазарского каганата, восточный поход Александра Македонского и т.д.*).

Перспективу исследования составляет рассмотрение лексем *восток, восточный* в интересующих нас текстах в соотношении с лексемами *Азия, азиатский*, а также анализ других лексем, обозначающих стороны света, и соответствующих прилагательных. Также весьма интересно было бы рассмотреть употребление всех названных единиц в текстах учебников по истории России, как современных, так и более отдаленных от нас по времени (Н.М.

Карамзин, В.М. Соловьев и др.). В последнем случае, безусловно, нужно будет учитывать идеологию автора, его взгляды на проблему «Восток — Запад» в целом.

В заключение этого параграфа следует сказать несколько слов о другой паре слов, обозначающих стороны света — *(С)север и (Ю)юг*. В отличие от пары *(В)восток — (З)запад*, в изучаемых нами текстах она организует историческое пространство только **внутри** Китая, образуя стабильную оппозицию: «Считается, что условной границей между так называемым севером и югом Китая служит река Янцзы. Исторически так сложилось, что судьбы севера и юга складывались по-разному. Северные кочевые племена не раз вторгались на территорию Китая, завоевывали его, в результате чего возникали «два Китая»: захваченный север и мирный юг. Например, в истории Китая одновременно существовали две династии — Северная и Южная династии Сун и даже так называемая эпоха Северных и Южных династий»²²⁶.

Эта оппозиция отражается в следующих особенностях функционирования номинаций *Ю(ю)г / Южный Китай* и *С(север) / Северный Китай*.

1) Для определенного исторического периода возможно использование по отношению к ним, а не ко всему Китаю в целом слова *государство*: *Южный Китай в XII—XIII вв. являл собой богатое и очень развитое в экономическом и социально-культурном плане государство* (Б).

2) Рядом со словами *Ю(ю)г* и *С(север)* могут появляться прилагательные, обозначающие значимое отличие от другой части Китая: *В считанные дни республиканский Юг рассыпался как картонный домик* (Н).

3) Север и Юг — это территории, с которыми происходят разного рода «пространственные операции» — объединения и разъединения, причем первые оцениваются положительно, вторые — отрицательно, как «потеря»: *После объединения Юга и Севера значительно расширились рынки, дальнейшее*

---

²²⁶ Спешнев Н.А. Южане и северяне (к вопросу об этнопсихологии китайцев) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2010. — № 2. — С. 67.

развитие получило ремесло и торговля (Б.); С **потерей** в XII в. Севера и окончательным перемещением центра экономической жизни в юго-восточные провинции удельный вес морской торговли во внешнеторговом обороте значительно возрос (С).

4) Количественные и качественные данные часто даются в сравнении, для демонстрации контраста между югом и севером: «Согласно данным источников того времени, в середине 30-х годов XIII в. народонаселение на **севере** сократилось более чем в 10 раз по сравнению с началом века. Даже к концу монгольского нашествия население **юга** по численности в четыре с лишним раза превосходило **северян**»²²⁷ (М); «Особенно сложными были отношения монгольских властей с китайскими книжниками на **юге**, получившими традиционное образование и ученое звание еще в сунское время. Воцарение династии Юань ознаменовалось отменой института экзаменов, и потому бюрократическая машина, созданная монголами до завоевания южносунского Китая, оказалась заполненной китайцами-северянами и представителями других народностей. В этих условиях **южане**-книжники, отстраненные от службы, были востребованы главным образом в системе образования»²²⁸ (М).

5) Как видно из этих примеров, в оппозицию, помимо существительных север/юг и прилагательных северный/южный, включаются еще обозначения лиц северянин/южанин. Указание на принадлежность субъектов истории к северянам или южанам используется авторами учебников для объяснения действий их или по отношению к ним: «Столицей Китая стал Нанкин **«Южная столица»**. Пекин **«Северная столица»** был переименован в Бэйтин **«Северное спокойствие»**. В этом был намек, что это «самый обыкновенный город», но никак не столица. Для китайца-южанина, каким являлся Чан

---

²²⁷ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 233.

²²⁸ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 236.

Кайши, предпочтительнее было видеть столицей город на южном берегу Янцзы»²²⁹(Б); «Став Сыном Неба, Ян Гуан придерживался отцовской линии. Он многое сделал, чтобы искоренить враждебность южных провинций по отношению к северным, которая накопилась в результате многовекового конфликта, а также презрительное отношение южан к северным «варварам»»²³⁰ (Б).

В первом примере действия Чан Кайши объясняются его южным происхождением. Во втором примере действия Ян Гуана по отношению к его подданным объясняются их принадлежностью к южанам или северянам.

3.3. Топонимы в российских учебниках по истории Китая

В данном параграфе мы представляем и обсуждаем данные автоматизированного частотного анализа нашего материала, касающиеся использования топонимов²³¹. Нами проанализированы наиболее частотные топонимы, входящие в первые 500 по частотности лексических единиц (за вычетом 2000 самых частотных слов русского языка по Новому частотному словарю²³², кроме самого топонима *Китай*. Это топонимы *Пекин, Янцзы, Шанхай, Нанкин, Гуандун, Гуанчжоу, Хуанхэ, Тайвань, Хэнань, Хунань* и *Хубэй*.

Анализ показывает, что определенные географические названия выделяются по частоте упоминания, что отражает их значимость в историческом и культурном контекстах, представленных в учебных материалах. Результаты исследования не только раскрывают «предпочтения» авторов учебников в отношении определенных топонимов, но и подчеркивают важность в обра-

---

²²⁹ Булдыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 168 с. С. 125.

²³⁰ Там же. С. 66.

²³¹ Материалы данного параграфа нашли отражение в следующей публикации, выполненной автором лично, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, представлены основные результаты, положения и выводы исследования: Ли Гуаньяо. Топонимы в текстах российских учебников по истории Китая (по данным частотного анализа) // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 3 (106). — С. 407—410.

²³² Ляшевская О.Н., Шаров, С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М.: Азбуковник, 2009. — 1087 с.

зовательном процессе географических названий, позволяющих лучше понять исторические, политические и культурные аспекты Китая.

Наше исследование открывает новый ракурс освещения китайских топонимов — текстовый, дополняющий результаты работ, в которых китайские топонимы рассмотрены со структурно-семантической и лингвокультурологической точек зрения. В этих работах показано, что анализ китайских топонимов имеет большое значение для изучения китайской культуры, истории, этнографии и лингвистики, а также для сравнения с топонимикой других стран и народов. Топонимы отражают особенности мышления, восприятия, характера и духа китайцев, их отношение к природе, обществу, религии и традициям, дают ключ к пониманию природной среды Китая, социальных изменений, этнических контактов и культурного наследия. «Географические названия являются памятниками культуры, так как отражают многовековую историю, созданную человеком: природную характеристику, духовную и материальную жизнь»²³³.

Так, Ш. Цзялу, указывая, что «топонимы передают три типа информации: пространственное местоположение, временную и культурную информацию»²³⁴, проводит сравнительный анализ топонимов столиц Китая и России — Пекина и Москвы, выявляя сходства и различия в их формировании и классификации. Исследователь отмечает, что в Пекине преобладают топонимы, связанные с географическими понятиями и природной семантикой.

Среди исследований, которые внесли свой вклад в анализ китайских топонимов, в области переводоведения и лингвистического анализа топонимов можно отметить работы таких ученых, как С.М. Старцева²³⁵, А.А. Поли-

---

²³³ Бабинович Г.А., Хамаева Е.А. Топонимы в лингвокультурном аспекте // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур. — 2018. — С. 113—114.

²³⁴ Цзялу Ш. Сравнительный анализ топонимов в русском и китайском языках в аспекте лексико-семантических особенностей номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 6. — С. 1934—1937. С. 1934.

²³⁵ Старцева С.М. Топонимы в англоязычных детективных повестях Роберта ван Гулика и способы их передачи на китайский и русский языки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11-1 (77). — С. 165—168.

това²³⁶ и М.Ю. Дондокова²³⁷. Их исследования сосредоточены на изучении проблематики перевода топонимов между китайским, русским и английским языками. Особое внимание уделяется исследованию лингвистических особенностей и структурных различий, присущих топонимам в каждом из этих языков. Исследователи, акцентирующие внимание на анализе топонимов в контексте китайской истории и культуры, раскрывают историческую и культурную значимость топонимов, иллюстрируя их роль в формировании исторической памяти и культурного наследия Китая²³⁸. Исследования О.И. Захаренко²³⁹ и А.Р. Аюбова²⁴⁰ подчеркивают значимость топонимов в геополитическом и социокультурном контекстах. В их работах анализируется роль топонимов в международных отношениях, а также их вклад в культурное наследие, что позволяет глубже понять взаимосвязи между географическими названиями и макросоциальными процессами. В исследованиях, сфокусированных на лексико—семантических аспектах топонимов²⁴¹, осуществляется детальный анализ структуры и семантики различных типов топонимической лексики, что способствует более глубокому пониманию ее организации в языковой системе и функционирования.

Наша работа представляет принципиально иной подход, поскольку нас интересуют топонимы в текстах определенного жанра и коммуникативного предназначения. Лексическая составляющая любого учебного текста неод-

---

²³⁶ Политова А.А. Унификация перевода китайских топонимов на русский язык с учётом их структурных особенностей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2022. — С. 79—98.

²³⁷ Дондокова М.Ю. К проблеме единообразия перевода топонимов с русского на китайский язык // Китайская лингвистика и синология: Тезисы докладов международной конференции. — М., 2019. — С. 59 — 62.

²³⁸ Амгаланова М.В. Историко-культурологический анализ топонимики Китая // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции (17 декабря 2020 г., г. Хабаровск) / науч. ред. Е.В. Савелова; сост. Е.Н. Лунегова. — Хабаровск: ХГИК, 2020. — С. 13—19.

²³⁹ Захаренко О.И. Геокультура в системе международных отношений (на примере топонимии Беларуси и Китая) // Беларусь в современном мире: материалы IV Республиканской научной конференции. — Минск: РИВШ, 2005.

²⁴⁰ Аюбов А.Р. Топонимы как ценное наследие культуры // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. — 2018. — № 4 (57). — С. 53—57.

²⁴¹ Пылкова А.А., Лян Ц. Лингвокультурные особенности китайской топонимической лексики (на примере годонимов и агоронимов) // Эпоха науки. — 2021. — С. 242—250. 94. Шмарова Ж.В. Структура китайских топонимов // Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее: сборник научных статей. — М., 2022. — С. 114—120.

народна и включает как слова общелитературные, так и термины, как нарицательные имена, так и собственные. Имена собственные (топонимы, антропонимы и др.) образуют онимическое пространство учебной дисциплины²⁴², без ориентации в котором невозможно ее освоение. При этом в языке каждой учебной дисциплины они играют специфическую роль. Особый статус топонимов в **исторических** текстах объясняется тем, что исторические события разворачиваются в пространстве и времени, и сами эти события, и их характеристики отбираются автором исторического нарратива. Учитывая, что в российской школе история и география Китая проходятся весьма сжато в пределах курсов мировой истории и географии, можно предположить, что адресат рассматриваемых учебников — российский студент — основное представление о понятийном и коннотативном содержании данных топонимов получает уже именно на этапе профессионального высшего образования.

Таблица 4. Рейтинг топонимов по частоте употребления

Место в частотном списке лексем	Топоним	Количество употреблений
14	Пекин (город)	1163
73	Янцзы (река)	467
76	Шанхай (город)	467
92	Нанкин (город)	427
103	Гуандун (провинция)	384
126	Гуанчжоу (город)	348
128	Хуанхэ (река)	342
281	Тайвань (провинция)	213
299	Хэнань (провинция)	208
300	Хунань (провинция)	208
334	Хубэй (провинция)	192

²⁴² Лакина С.В. Частотный анализ топонимов в учебниках по дисциплине «античная литература» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2022. — С. 65—79.

В таблице 4 приведены 11 наиболее часто упоминаемых китайских топонимов в этих учебниках — это единицы, которые в нашем корпусе входят в число 500 слов с наибольшей частотой употребления²⁴³.

Анализ высокочастотных топонимов дает ключ к пониманию того, какие географические объекты и регионы имеют наибольшую значимость в китайской истории и культуре. Этот список топонимов не только отражает географическую и политическую карту Китая, но также подчеркивает исторические и культурные аспекты, которые акцентируются в процессе обучения российских студентов.

В список входят три типа топонимов:

астионимы (названия городов) — Пекин, Шанхай, Нанкин, Гуанчжоу;

гидронимы (названия рек) — Янцзы и Хуанхэ;

хоронимы (названия провинций) — Гуандун, Тайвань, Хэнань, Хунань, Хубэй.

Для каждого топонима, относящегося к определенному типу, обнаруживаются контексты, которые свойственны этому типу в целом, и контексты специфичные, отражающие особую роль данного локуса в истории Китая. Рассмотрим последовательно эти группы топонимов.

Астионимы

Пекин, занимающий важное место в нашем корпусе с частотой упоминаний 1163 (14—е место в словнике), является ключевым топонимом для китайской истории и культуры. Как указывает О.Е. Непомнин: «Этот город представляет собой неотъемлемую часть древней цивилизации, которая дала миру множество значимых изобретений и культурных достижений, включая Великую Китайскую стену и дворец Гугун»²⁴⁴. Пекин не всегда был столицей

---

²⁴³ Из анализа исключен наиболее частотный топоним — *Китай*, занимающий первое место в списке с частотностью 7587 употреблений.

²⁴⁴ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 3.

Китая, но приобрел этот статус в 1153 году при императоре династии Цзин и с тех пор оставался столицей многих династий, включая Юань, Мин, Цин, а также республиканского и коммунистического правительств. Пекин, со своим богатым историческим и культурным прошлым, играет ключевую роль в формировании китайской идентичности и наследия. Город часто становился центром значимых исторических событий, с ним связаны многие переломные моменты в истории Китая. Это подтверждается высокой частотностью употребления этого топонима в учебных текстах и делает его важным элементом в изучении китайской истории.

На примере топонима *Пекин* можно проследить основные **общие** типы контекстов, в которых названия городов встречаются в изучаемых нами текстах.

1) Город — это место, где живут, туда переселяются, там поселяются, отсюда уезжают: *В Пекине поселилось 5 тыс. христиан-европейцев* (М). Такие контексты крайне редки. В городах в исследуемых нами учебниках никто «не живет», точнее, эта информация не воспринимается как значимая — та, о которой, по концепции А. Данто, историк должен рассказать в своем повествовании. О жителях города мы узнаем, только если они чужеземцы (см. еще примеры ниже к топониму Гуанчжоу) или если историку нужно указать на количество населения в городе для доказательства своей мысли. Так, в учебнике под ред. Симоновской²⁴⁵ о числе жителей в Пекине и Нанкине говорится для того, чтобы подчеркнуть успехи минской династии: *В XVI в. население Пекина составляло около 1 млн человек, а Нанкина превосходило 1 млн человек* (С).

2) Город — это объект военных действий. Он подвергается осаде, защищается, может быть захвачен: *В 1215 г. Чингис-хан после длительной осады овладел Пекином* (М); *Одержав победу над соперниками, Чжу Юаньчжан*

---

²⁴⁵ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с.

отправил войско на север и в 1368 г. занял **Пекин** (М); В 1368 г. анти-монгольские «красные войска» заняли **Пекин** и изгнали монголов из Китая, покончив с правившей до этого династией Юань — потомками Чингис-хана (Н); После двухдневной осады 24—25 апреля крестьянская армия 26 апреля 1644г. **победоносно вступила в Пекин** (Н). Разумеется, на фоне остальных городов особую важность имеет то, в чьих руках находится столица, поэтому захваты и падения Пекина непременно отмечаются в учебниках.

3) Город — это экономический и культурный центр: «*Была начата масштабная реконструкция и строительство Пекина. В течение пятнадцати лет сотни тысяч рабочих создали удивительной красоты город, часть зданий которого сохранилась до наших дней, в том числе Запретный город, Гугун — комплекс императорских дворцов в столице, резиденция китайских императоров*»²⁴⁶(Б). Для любой страны, а для такой древней и сильной, как Китай, тем более, важно позиционировать столицу не просто, как значимый, но как красивый город.

Специфичные для топонима *Пекин* контексты связаны с его столичным статусом, который исторически менялся: *Порвав со своим кочевым прошлым, монголы перенесли свою столицу из Каракорума в Пекин* (М); *Под управлением центрального правительства, по существу, находилась лишь столица — г. Дадун (совр. Пекин) и примыкавшие к столичной области северо-восточные пределы Юаньской державы* (М); *В 1153 г. чжурчжени сделали своей столицей, бывшую вторую столицу империи Ляо Наньцзин («Южная столица»), переименовав ее в Чжудун или Яньцзин («Центральная столица»)*. Сейчас на ее месте находится современный **Пекин** (Б); *При монголах приобрел свой статус город Пекин, бывший тогда столицей Восточного Каганата Ханбалык*

---

²⁴⁶ Булдыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 168 с. С. 81.

(Великая резиденция хана), по-монгольски Даду (Б); В 1421 г. Юн Лэ перенес столицу из Нанкина в Пекин и назвал город Бэйцзин (Северная столица) (Б).

Мы видим здесь сложную номинативную динамику: меняется название города и в то же время его статус столицы не постоянен, субъекты истории (правители) могут переименовать город или перенести столицу в другое место — читателю нужно быть внимательным, чтобы удержать в своем сознании правильный референт. При этом автор учебника может выбирать свою пространственно-временную позицию. Он может находиться в системе именований, принадлежащих эпохе, о которой он рассказывает: как в примере из учебника под ред. Меликсетова²⁴⁷, где топоним *Пекин* дается в скобках, а столица называется так, как она называлась в описываемый период — г. Даду. Или он может, как в примере из учебника Булдыгеровой, создавать некий ахронизм, называя в предложении, описывающем отдаленные от нас во времени события, город его современным именем, а то имя, которое он носил тогда, приводя дополнительно.

Будучи столицей, Пекин — это политический центр, куда прибывают не просто жить, но ради получения власти и участия в управлении государством и который покидают, потеряв власть: *Многие из этих прогрессивных деятелей попали в опалу и покинули Пекин (Н); Общее лидерство перешло к губернатору одной из областей Ли Саньцяю. В этом же году он был вызван в Пекин, стал главой Ведомства финансов и первым министром (Н).* Падение или возвышение политических фигур связывается соответственно с их отъездом из Пекина или приездом в Пекин. Также в столицу прибывают и в ней располагаются посольства и дипломатические миссии: *«Дипломатические связи между Советской Россией и Китаем фактически были установлены еще в 1920 г., когда в Москве находилась китайская делегация, а в Пекине делегация Дальневосточной республики. В декабре 1921 г. в Пекин прибыла*

---

²⁴⁷ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с.

*первая делегация РСФСР, за ней в августе 1922 г. — вторая и в августе 1923 г. — третья во главе с Л. М. Караханом»*²⁴⁸(С).

Таким образом, Пекин выступает как точка притяжения, в которую «стремятся» все участники исторического процесса, каждый со своей целью: восставшие и иноземные захватчики — чтобы взять ее штурмом или осадой, политики — чтобы сделать карьеру, дипломаты — чтобы установить отношения между странами.

Также, в отличие от других имен городов, астионим Пекин используется метонимически для обозначения находящегося в нем правительства: *«В 1618 г. Нурхацци постоянно заявлял о своем намерении напасть на Китай, дабы отомстить Пекину за нанесенные им «семь великих обид» <...> Позорный разгром Ляодунской армии заставил Пекин принять срочные меры <...> Однако назначение Пекином очередного бездарного командующего ослабило систему обороны»*²⁴⁹(Н).

Другой вариант метонимического переноса — «город — государство»: *У власти в Пекине с 1920 г. находилось правительство чжилийских милитаристов (С) = У власти в Китае...*

Шанхай, занимающий в списке 76-е место с частотой упоминания 464 раза в исследуемых учебниках, также является важным объектом в изучении китайской истории и культуры. Географически расположенный на востоке Китая, у устья реки Янцзы, Шанхай с древних времен играл важную роль в экономическом и культурном развитии страны.

Культурное значение Шанхая проявляется в том, что он является символом смешения культур и национальностей, что нашло отражение в уникальной архитектуре, искусстве и образе жизни города. Политически Шанхай был свидетелем и участником многих ключевых моментов в истории Китая,

---

²⁴⁸ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 276.

²⁴⁹ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 33.

включая рождение Коммунистической партии Китая и важные события во время сопротивления японской агрессии. Высокая частота упоминаний Шанхая в учебных материалах подчеркивает его долгосрочную значимость в культурном и историческом контексте Китая, а не только в качестве важного географического объекта. Шанхай — это город, претерпевший множество перемен и ассоциирующийся с динамикой новизны, что и отражается на контекстах употребления этого топонима в исследованных нами учебниках. Пример из учебника под ред. Л.В. Симоновской, где освещаются изменения в экономическом развитии Китая в XVI—XVII веках, когда юго-восточные приморские провинции, зоны вдоль Янцзы и Великого канала, переживали экономический расцвет. *«С перемещением торговых путей и центров экономической жизни Сычуань, Шэньси и некоторые другие районы отошли на второй план. Ликвидация Великого шелкового пути привела к упадку городов Кайфына, Лояна, Чэнду, Сианя, оказавшихся вдали от торговых магистралей. Зато вдоль главных водных артерий выросли новые города — Тяньцзинь, Цзинин, Ханькоу, Сунцзян и Шанхай»* (С)²⁵⁰. Слова, выражающие динамику изменения, уход со сцены старого и замену его новым, составляют лексическую доминанту этого фрагмента.

Нанкин, упомянутый 427 раз и занимающий 92-е место по частотности в нашем списке, также обладает исторической, культурной и экономической значимостью. Его стратегическое положение на берегах Янцзы способствовало его роли как важного центра политики, экономики и образования на протяжении более чем 6000 лет.

Использование названия *Нанкин* в исторических контекстах подчеркивает, что современный город и его древний аналог отличаются друг от друга: *После царства Вэй на юго-востоке Китая возникло государство У, чьей столицей стал район, теперь известный как Нанкин* (С); *Далее, после того*

---

²⁵⁰ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 142.

как в 317 году был захвачен Лоян, высшие дворяне в **районе, который сейчас называется Нанкином**, провозгласили императором потомка династии Сыма (С).. Эти примеры показывают, что Нанкин имел важное стратегическое и политическое значение в разные исторические периоды, но современный город и его исторический предшественник не являются идентичными.

В подобных употреблениях топоним выступает не как обозначение современного географического объекта, а как ориентир для локализации событий, происходивших на этом месте в далеком прошлом, или объектов, когда-то находившихся на этом месте. Подобная конструкция «в районе / на месте / на землях / на территории/ рядом с / близ + современный + топоним» распространена в учебниках истории, что повышает частотность топонимов, выступающих в качестве ориентиров: *Столица яньского государства Цзи находилась близ современного Пекина (С); Таким путем под власть государства Ляо перешло 16 земледельческих округов, находившихся на землях современных провинций Хэбэй и Шаньси с городами Пекин, Датун и др. (С).*

Указание *современный* при этом не является обязательным, предполагается, что читатель правильно прочитывает «разницу во времени» даже если она представлена имплицитно.

Город Гуанчжоу, занимающий 126-е место в списке с частотой упоминания 348 раз, играл важную роль во многие периоды истории Китая. Исследователи указывают на географическое положение Гуанчжоу как важного торгового порта, чем объясняется его роль в истории Китая. В VII веке Гуанчжоу уже был известен как богатый центр морской и речной торговли. К IX веку здесь появилась обширная иноземная колония, что свидетельствует о значимости города в международных торговых связях. В XVII веке город стал свидетелем появления первых голландских и английских судов, что также говорит о его роли в международной торговле и культурном обмене.

Кроме того, Гуанчжоу известен как город революций и множества важных событий в новейшей истории Китая. Здесь было провозглашено Во-

енно—политическое правительство Китайской Республики Сунь Ятсена (соответственно в текстах появляется оппозиция *пекинское правительство vs гуанчжоуское правительство*), начался Северный поход Национально—революционной армии и произошло восстание Коммунистической партии Китая. Гуанчжоу также играл ключевую роль в экономических реформах и открытости, начиная с 1978 г. Будучи центром линнанской культуры, городом революций и важным узлом международной торговли и культурного обмена, Гуанчжоу занимает особое в понимании культурного и политического развития Китая.

Соответственно для данного топонима в учебниках существует два специфичных типа контекстов: один — связанный с его ролью как центра торговли (порта, прибрежного города), второй — связанный с его ролью как центра революции. Другие контексты — обычные для всех астионимов (названий городов): сообщения о переходе города под чью-то власть в результате военных действий или восстания, о развивающихся в городе производствах и т.п.

Роль Гуанчжоу как международного торгового центра раскрывается в контекстах, где с этим астионимом соседствуют существительные *торговля* (и прилагательное *торговый*), *купцы*, *купечество*, *дельцы*, *коммерсанты*, *пай-щики*, *товары*, *экспорт*, *импорт*, *ввоз*, *вывоз*, *фактория*, *компания* и под., глаголы *торговать*, *ввозить*, *вывозить*, *монополизировать*, *доставлять*, также именованя субъектов, представляющих другие государства, что весьма значимо, учитывая историческое тяготение Китая к закрытости:

*Как крупнейший **торговый центр** особо выделялся **Гуанчжоу**, где жили торговые посредники, прибывшие из Индии, Персии, арабских стран (М); *В то же время английские мореплаватели прибыли **в район Гуанчжоу**, где уничтожили оборонительные сооружения Хумэна, открыв путь к **торговле через Гуанчжоу** (С); *Со второй половины XVIII в. **вся внешняя торговля Китая** могла проходить только **через Гуанчжоу** (за исключением торговли с***

*Россией, которая велась через Кяхту) (Б) — отметим, что для названий городов в общем случае нетипично использование в синтаксеме **через + Винит. пад.**; Европейцам запрещено было перемещаться по стране — чтобы не разведали ее пути сообщения. Но даже в местечке около Гуанчжоу они могли быть только в течение нескольких месяцев, пока велась торговля (весна и лето) (Н); «Правительство Александра I стремилось дипломатическим путем получить разрешение Юнъяня на ряд мер, в коих были заинтересованы русская казна и купечество. Речь шла о разрешении **взаимной торговли** по всей линии русско-китайской границы или же на ее синьцзянском участке, а также в **Гуанчжоу и Нанкине**»²⁵¹ (Н); «В **Гуанчжоу** появилась обширная иноземная колония, насчитывавшая к концу IX в., по китайским данным, более 100 тыс. человек. Китайские власти, пытаясь извлечь выгоду из этой **торговли**, во втором десятилетии VIII в. учредили в **Гуанчжоу Управление торговых кораблей**»²⁵² (С); «**Крупнейшим портом стал Гуанчжоу** — там жили иностранные купцы, прибывшие из Индии, Персии, арабских стран» (С)²⁵³; «В порты **Гуанчжоу, Аомынь, Цюаньчжоу, Нинбо** разрешалось заходить иностранным кораблям. <...> В конце того же века на первый план выдвинулась английская Ост-Индская компания, и в 1715 г. англичане учредили в **Гуанчжоу** первую постоянную факторию, ставшую оплотом ее колониалистской политики в Китае»²⁵⁴ (С); «Британские и индийские коммерсанты, не являвшиеся **пайщиками компании**, могли **торговать** в **Гуанчжоу** только с ее разрешения. <...> В начале XIX в. в легальной **торговле Китая с Европой и европейскими колониями в Азии** по-прежнему наблюдалось превышение **экспорта товаров из Гуанчжоу над импортом** в размере 5—6 млн лянв ежегодно. <...> Специфика англо-китайской тор-*

²⁵¹ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 365.

²⁵² Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 79.

²⁵³ Там же. С. 104.

²⁵⁴ Там же. С. 174.

говли через Гуанчжоу состояла в том, что она как с той, так и с другой стороны была монополизирована казенно-частными компаниями — английской Ост-Индской компанией и китайской «Гунхан» <...> На долю таких дельцов в 1834 г. приходилось до 75% британского ввоза в Гуанчжоу» (Н)²⁵⁵.

Также этот топоним встречается в предложениях, сообщающих о направлениях торговых водных и сухопутных путей: *Один из таких путей протянулся от Гуанчжоу до Багдада* (С).

Гуанчжоу является примером топонима, контексты употребления которого радикально зависят от времени. Контексты, связанные с началом XX в., когда этот город становится центром революционного движения, разительно отличаются от только что приведенных: в них лейтмотивные лексемы связаны не с торговлей, а с политикой, борьбой за власть, а главными действующими субъектами являются не иностранцы, а китайские политические деятели и коллективно-личные субъекты типа парламент, партия, правительство: *5 августа 1917 г. в Гуанчжоу собрались депутаты разогнанного Дуань Ци-жуем пекинского парламента* (С); *После того как сессия парламента в Гуанчжоу постановила образовать директорию из семи человек, в которой преобладали милитаристы гуансийской группировки, Сунь Ят-сен фактически был отстранен от дел, подал в отставку и уехал в Шанхай* (С); *Весной 1923 г. в Гуанчжоу переехал ЦК КПК, развернувший подготовку III съезда партии.* <...> *III съезд Коммунистической партии Китая состоялся в Гуанчжоу в июне 1923 г.* (С); *1 июля 1925 г. правительство, созданное в Гуанчжоу, объявило себя Национальным правительством Китая и начало борьбу за объединение страны* (Б).

Здесь мы видим совершенно иной Гуанчжоу и совершенно иную лексическую доминанту. Гуанчжоу предстает как место, где принимаются важ-

---

²⁵⁵ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 373 — 374.

ные политические решения, сюда прибывают не корабли и торговцы, а политики и целые структуры (парламент, ЦК партии).

Гидронимы

Река Янцзы, величественная и живописная водная артерия Китая, занимает 73-е место в нашем корпусе с 463 упоминаниями. Это не только самая длинная река в стране, но и важный источник жизни, оказывающий огромное влияние на экономику, культуру и историю китайского народа. Янцзы — это источник воды, энергии, транспорта и продовольствия для миллионов людей, что делает ее неотъемлемой частью китайской действительности. Эта река послужила колыбелью Янцзыской цивилизации, одной из древнейших в Китае, оставившей глубокий след в виде археологических находок, художественных произведений и литературы. Янцзы также тесно связана с многими значимыми событиями и личностями китайской истории²⁵⁶.

Специфика использования гидронимов *Янцзы* и *Хуанхэ*, в отличие от названий городов, состоит в свойстве географического объекта, ими обозначаемого. Река — это не **точка** на карте, в которую можно прибыть или из которой отбыть, это **линия**, способная служить преодолеваемым рубежом или разграничивать локусы, причем не только собственно географические, но социально-политические. Янцзы и Хуанхэ для Китая — это границы между севером и югом: *В организации клановых отношений между северными и южными районами Китая существовали определенные отличия: к северу от Янцзы деревня состояла из нескольких кланов, к югу — клан и деревня чаще всего совпадали (М); Хозяйства таких крестьян-землевладельцев были наиболее широко распространены к северу от Янцзы, где роль арендных отношений была неизмеримо менее значительной, чем на юге (М).*

---

²⁵⁶ Лингвокультурологический анализ китайских гидронимов, не входящих в число самых частотных в нашем материале см. в Ван Ч., Дубкова О.В. Образы китайской культуры в названиях китайских рек // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2015. — № 6. — С. 94 — 98; Ван Ч., Дубкова О.В. Когнитивный анализ названий китайских озер // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2016. — № 2. — С. 41 — 45.

Описывая те или иные характеристики китайского общества, различные на юге и севере, авторы учебников упоминают Янцзы как разделительную линию, что является одним из факторов частотности этого гидронима. А синтаксема **от (р.) Янцзы** в сочетании с *к югу/к северу* является самой частотной синтаксемой этого имени в наших текстах, — она встречается 49 раз (в сочетании с *к востоку/к западу* эта синтаксема не употребляется, поскольку река течет с запада на восток). Аналогично с Хуанхэ: 30 употреблений синтаксемы **от + Родит.** в сочетании с *к югу / к северу*, это самая частотная синтаксема данного гидронима.

Но река — это не просто линия. Река создает вокруг себя исторически значимое географическое пространство, которое называется *бассейн, долина, верхнее (нижнее, среднее) течение*. Так, из 463 употреблений топонима Янцзы на сочетание *бассейн Янцзы* приходится 57, *долина Янцзы* — 47, *течение Янцзы* — 46. Из 342 употреблений топонима Хуанхэ на сочетание *бассейн Хуанхэ* приходится 112, *долина Хуанхэ* — 9 и *течение Хуанхэ* — 5. Долина, бассейн, (верхнее, нижнее, среднее) течение реки — это историческое пространство, где субъекты истории действуют и к которому они могут иметь свои интересы: *На борьбу с захватчиками поднялись патриотические силы страны. Базой движения стал юг Китая и долина Янцзы (Б); Заинтересованные в подавлении восстания тайпинов (им пообещали некоторые привилегии в районе бассейна Янцзы, оплота государства восставших), западные державы стали не только вооружать маньчжурское войско, но и сами приняли участие в подавлении Тайпинского восстания (Б); «Для завоевания Южного Китая цинское правительство в начале 1645 г. создало две ударные группировки. Одна из них, восточная, готовилась наступать из пров. Аньхуэй в низовья Янцзы и приморские провинции. Другая, выступив из Шаньси, должна была добить крестьянские войска и продвигаться на юг через долину р. Хань. Тем самым империя Мин и ее основные вооруженные силы в среднем*

*течении Янцзы брались в «клещи» с востока и запада»*²⁵⁷(Н). Для ориентации в военных действиях на территории Китая четкое представление о пространственных ориентирах, связанных с Янцзы, обязательно.

Авторы учебников неоднократно выделяют значимость Янцзы (а также Хуанхэ), подчеркивая роль реки в стратегических аспектах исторических военных кампаний: *«Во главе с Гао Инсяном был разработан и выполнен план похода в долину Хуанхэ, в ходе которого был захвачен Фэнъян, один из древних капиталов. Этот момент стал точкой расхождения между Гао Инсяном и Чжан Сяньчжунем, который затем направил свои силы в долину Янцзы»*²⁵⁸(Н).: *«В начале 1647 года, у Сичуана, на холмах Фэнхуан произошла ключевая битва, где армия Чжан Сяньчжуна потерпела поражение, а сам он был убит. Последующее отступление его сил через реку Янцзы и через провинцию Гуйчжоу завершилось в Юньнани, где их потомки достигли компромисса с властями Мин на юге, положив конец Крестьянской войне 1628-1647 гг.»*²⁵⁹(Н).

За время достаточно короткой военной кампании ее субъекты могут успеть несколько раз подойти к Янцзы, перейти через Янцзы (форсировать Янцзы), отступить к Янцзы или за Янцзы (или Хуанхэ):

*«Оставшиеся крестьянские войска **вышли к Янцзы, переправились на ее правый берег** и в мае 1645 г. на короткое время заняли Учан. <...> Армия У Саньгуя двинулось **в долину р. Хань, но, перейдя через Янцзы, потерпела поражение от повстанцев, которыми командовал племянник Ли Цзычэна Ли Го. Бросив пушки и прочее снаряжение в воду, армия У Саньгуя отступила за Янцзы, распространяя цинское господство на север пров. Хубэй и юг Хэнани. <...> Используя раздоры в минском лагере, маньчжуры **форсировали Хуанхэ и вышли к р. Янцзы»*****²⁶⁰ (Н).

---

²⁵⁷ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с. С. 53.

²⁵⁸ Там же. С. 25.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. С. 53.

С одной стороны, в таком фрагменте текста отражены исторические реалии. С другой — концентрация в нем директивных синтаксисов от названий рек и частей рек (к + Дательн. пад., на + Винит. пад., в + Винит. пад., через + Винит. пад., за + Винит. пад., Винит. пад.) создает эффект динамики действия, особенно в сочетании с коллективно-личными существительными (войско, армия) и личными существительными во множественном числе. Возникает яркий образ непрерывно движущихся и противоборствующих человеческих масс.

Таким образом, Янцзы (и ее бассейн) предстает как арена боевых действий и место политических изменений, служа важным геополитическим рубежом. Это разделитель между регионами с различной социально-политической направленностью.

На примере гидронимов очень хорошо видно, чем отличается река как элемент географического пространства, от реки как элемента исторического пространства. В исторических текстах, конечно, встречаются упоминания о природных событиях, происходящих с рекой и ее долиной (бассейном). но эти события интересуют историка, только если они оказывают влияние на жизнь людей и государства, как, например, в следующем фрагменте:

«Сильное наводнение на Янцзы и Хуайхэ летом 1931 г. стало национальным бедствием. Даже по официальным сообщениям, только в провинциях бассейна Янцзы от наводнения пострадало более 55% общего числа крестьянских хозяйств, погибли миллионы людей. Гибель урожая, бегство десятков миллионов крестьян в другие районы и города в поисках еды и крова привели к вспышке эпидемий. Они были лишены какой-либо помощи.

Главное внимание нанкинского правительства в финансово-экономической области было направлено на изыскание средств для рас-

*ширения своей армии и ведения войн с соперничавшими группировками. Военные расходы поглощали громадные средства»*²⁶¹(С).

В этом фрагменте 6 предложений. Начинается он с содержащего темпоральный локализатор сообщения о стихийном бедствии — наводнении, заканчивается — сообщением о громадных расходах нанкинского правительства на ведение войн (далее эта тема развивается). Проследим, как последовательно выстраивает логику сообщения автор. В первом предложении сообщается о влиянии наводнения на жизнь Китая: оно стало национальным бедствием. Во втором предложении сразу же начинает разворачиваться нарративная интрига — сталкиваются интересы власть имущих и народа. Используя частицу *даже*, автор ставит под сомнение то, что официальные сообщения отражали реальный масштаб бедствия. В этом же предложении он соединяет объективный количественный показатель — *более 55%* — и экспрессивное *миллионы людей*. В следующем предложении автор «нагнетает» негативные последствия наводнения и строит следующее звено в причинно-следственной цепи: гибель урожая и бегство десятков миллионов крестьян в города привели к эпидемии — катастрофе уже не природной, а социальной. В следующем предложении сообщается, что помощь пострадавшим людям не оказывалась, причем форма сообщения говорит о том, что автор сочувствует пострадавшим и осуждает тех, кто не предоставил им помощь, т.е. правительство. Он выбрал предикат *были лишены*, который указывает не просто на отсутствие чего-то у человека, а на отсутствие, которое либо причиняет ему страдания или по меньшей мере неудобства (ср.: *Они были лишены возможности выходить из дома, средств существования, развлечений и радостей жизни*), либо оценивается отрицательно (ср.: *Он лишен совести, малейших представлений о приличии*). В любом случае этот предикат имеет негативную коннотацию. И автор усиливает его с помощью местоимения *какой-либо*.

---

²⁶¹ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. .С. 320.

Таким образом, еще не появившееся в этом фрагменте правительство уже должно оцениваться нами отрицательно: оно и данные о пострадавших занизило, и помощь не оказало. Эта общая линия на формирование у читателя негативного отношения к нанкинскому правительству продолжается и в следующем предложении, когда это правительство наконец появляется в качестве субъекта. Оно занято войной и несет большие расходы. Если бы это сообщение было изолировано от предшествующего контекста, мы не рассматривали бы его в отрицательном свете. Любое правительство, если оно ведет войну, должно защищаться, содержать свою армию и соответственно тратить средства. Но учитывая предшествующий контекст, мы получаем совершенно иной образ — правительство, преследующее только свои интересы и равнодушное к бедствиям народа.

Приведенные выше фрагменты можно сравнить со следующим, противоположным по оценочной окраске — в нем автор создает позитивное впечатление о правителе: *«У власти оказался сторонник реформ Чжан Цзюй-чжэн, который попытался на деле осуществить целую серию мероприятий. Правительство выделило средства на **строительство дамб и восстановление ирригационной системы, разрушенных вследствие разливов Хуанхэ, за счет ассигнований на дворцы и развлечения**»*²⁶² (С). Разливы Хуанхэ — это природное явление, но здесь они включаются в социальную жизнь людей, поскольку оказываются связаны с их действиями и с оценкой этих действий историком: в диктумном плане — правительство выделило средства, сократив расходы на дворцы и развлечения, в модусном — это позволяет считать правителя прогрессивным.

Такой отбор материала для повествования и выстраивание причинно-следственных связей — это и есть построение исторического нарратива, в соответствии с принципами, сформулированными П. Рикером и А. Данто,

---

²⁶² Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 153.

которые мы обсуждали в первой главе нашей работы. Но в данном параграфе для нас важно показать, как и для чего сообщение о наводнении может включаться в историческое повествование: оно является начальным звеном в причинно-следственной цепи, в которой раскрываются, с одной стороны, события, происходящие с народными массами, с другой — действия правительства, игнорирующего эти события. Читатель получает одновременно и насыщенный диктумный план (наводнение, гибель урожая и людей, бегство крестьян в города, эпидемия, война) и представление о субъектной сфере одного из субъектов истории — нанкинского правительства.

Автор может в своем изложении идти как от сообщения о стихийном бедствии к политической и социально-экономической ситуации, так и наоборот, как в следующем примере: *«К середине XIV в. экономика империи пришла в упадок. Политика юаньских властей оказала особенно разрушительное воздействие на жизнь городов всей страны и на сельское хозяйство Северного Китая. Стихийные бедствия, разливы рек, изменение русла Хуанхэ, затопление больших равнинных пространств сокращали посевные площади и вели к гибели или разорению земледельцев. Городские рынки опустели, многие мастерские и лавки ремесленников закрылись»*²⁶³ (С).

Здесь в первом предложении, содержащем темпоральный локализатор, речь идет об экономике империи, во втором — указывается на причину упадка, появляется властный субъект, продолжают строиться причинно-следственные связи и дается отрицательная оценка действиям властей (*политика властей оказала разрушительное воздействие*). Стихийные бедствия, перечисленные в третьем предложении, конечно, от разрушительной политики властей не зависят, но автор ставит эти бедствия и эту политику в один контекст как два фактора, приведшие к экономическому упадку империи. Стихийные бедствия представляются как иллюстрация кризиса в сель-

---

²⁶³ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 127.

ском хозяйстве, последнее предложение конкретизирует печальную ситуацию в городах.

Следует отметить, что наводнения (разливы рек, прорыв дамб, выход реки из русла) для истории Китая являются на всем ее протяжении важным фактором, запускающим исторические механизмы: *«Народное недовольство вызвали последствия стихийных бедствий, обрушившихся на Китай в 40-е гг. XIX в. Плохое содержание ирригационных сооружений привело к тому, что в 1841 и 1843 гг. Хуанхэ прорвала дамбы, контролировавшие ее течение. Это вызвало затопление огромных территорий, в результате чего погибло около 1 млн человек. В 1849 г. в провинциях нижнего течения Янцзы случился один из самых жестоких неурожаев в XIX в. Засуха, ураганы и нашествие сельскохозяйственных вредителей почти полностью уничтожили посевы. В условиях серьезного ухудшения положения значительные массы сельских и городских низов могли принять участие в антиправительственных выступлениях»*²⁶⁴(М). В этом фрагменте в каждом предложении, кроме четвертого, есть показатели каузативной связи: *вызвали, последствия стихийных бедствий, привело, вызвало, в результате, уничтожили, в условиях*. Они могут соединять «природный» каузатор и «социальное следствие» (стихийные бедствия → народное недовольство, засуха, ураганы, вредители → уничтожение посевов), «социальный» каузатор и «природное» следствие (плохое содержание ирригационных сооружений → Хуанхэ прорвала дамбы), «социальный» каузатор и «социальное следствие» (ухудшение положения низов → их участие в выступлениях). С одной стороны, природные факторы влияют на жизнь людей, с другой — люди своими действиями могут вызвать природную катастрофу. Если гидроним *Янцзы* в данном фрагменте служит только пространственным локализатором событий (неурожая и того, что за ним последовало), то *Хуанхэ* выступает как стихийная сила, которая двигает историю.

---

²⁶⁴ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 309.

При этом наводнение (землетрясение, цунами, тайфун и т.п.) в учебнике истории всегда локализовано в пространстве и времени. Автора интересуют не причины, классификация, типология и другие общие характеристики наводнений, а данное конкретное наводнение как историческое событие, не река как географический гидрологический объект, имеющий исток и устье, подмывающий берега, мелеющий или разливающийся и т.п., а река как элемент исторического пространства, влияющий на жизнь и поведение людей.

Соответственно, в отличие от учебника по физической географии или гидрологии, бассейн реки может быть объектом борьбы и контроля противоборствующих сил: *Острая борьба и военные столкновения внутри гоминьдана — группировок Чан Кай-ши, бывших уханьцев и гуандунско-гуансийской, контролировавших районы бассейна Янцзы и Юг Китая, — к началу 1928 г. завершились временным компромиссом (С).*

Субъекты истории в текстах учебников используют реку для плавания или пересекают ее тоже особым образом — для того, чтобы реализовать свои определенные намерения: *На протяжении 1650-х гг. корабли Чжэн Чэнгуна поднимались далеко вверх по течению Янцзы, угрожая даже Нанкину (М).*

Река Хуанхэ, имеющая высокую частоту упоминаний — 342 раза, занимая 128—е место в лексическом рейтинге, также весьма значима в китайской истории и культуре. Эта река, известная как Жёлтая река, проходит через восточную часть Тибетского нагорья, пересекает семь провинций и два автономных района, впадая в Жёлтое море. *Бассейн Хуанхэ — место, где сформировалась и развивалась китайская цивилизация, что является одним из факторов частотности этого сочетания в исследуемых учебниках, в том числе в разделах, посвященных древней истории Китая, для которой Хуанхэ важнее Янцзы.*

Так, на учебник Л.С. Васильева, ограниченный историей Древнего Китая, приходится почти четверть всех употреблений гидронима Хуанхэ в нашем корпусе текстов, в то время как гидроним Янцзы встречается только несколько

раз в одном из трех томов. В следующем характерном для этого учебника фрагменте хорошо видно, что административно-политическое членение древнекитайского государства и расселение чжоусцев соотносятся с географическими пространственными маркерами: *«Важно обратить внимание и еще на одно обстоятельство, связанное с административно-политическим членением Поднебесной в начале Чжоу. Как известно, центральная зона расселения чжоусцев и их близких союзников, включая столицы, особенно новую, Лоу (Чэн-чжоу), располагалась в средней и нижней части бассейна Хуанхэ. Эта часть именовалась Чжунго и считалась главной и наиболее цивилизованной, что в общем соответствовало действительному положению вещей. Уделы и мелкие племенные протогосударственные образования, располагавшиеся вне ее, были полуварварскими не только потому, что им не выпал случай попасть в центр бассейна Хуанхэ, но главным образом из-за того, что земли вне этой зоны были в ту пору еще очень слабо освоены и заселены различными местными племенами, подчас полукочевыми, культурный потенциал которых был заметно ниже, чем у жителей Чжунго»* (В)²⁶⁵.

По этому фрагменту можно проследить многослойность исторического пространства в наших учебниках.

Первый слой представляют географические пространственные ориентиры — в данном случае это природный гидрологический объект (*река*) и его *бассейн*, в котором выделяются *средняя и нижняя части, центр*.

Второй слой — это догосударственные пространственные ориентиры (*зона расселения, земля, уделы, протогосударственные образования*).

Третий слой — это локусы, существование которых начинается только с возникновением государства и с ним непосредственно связано (*столица, Поднебесная, Чжунго* — название китайского государства).

---

²⁶⁵ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.). — М.: Восточная литература, 2000. — 628 с. С. 558.

В китайской культуре Хуанхэ известна как «мать—река», символизирующая упорство и настойчивость, что подчеркивается выражением «не достигнув Хуанхэ, сердце не умирает». Таким образом, Хуанхэ не просто географический объект, но и мощный символ культурного и исторического наследия Китая, сыгравший важную роль в формировании и развитии китайской цивилизации.

Хоронимы

Гуандун, упомянутый в учебниках 384 раза и занимающий 103-е место в частотном списке, является одним из самых культурно богатых и важных регионов Китая. Расположенный на юге страны, на побережье Южного моря, Гуандун имеет длительную историю, оказавшую значительное влияние на политические и культурные процессы в Китае. Эта провинция славится своим искусством, кухней и музыкой, а также играет важную роль в политической истории страны, особенно после Опиумных войн.

Если город, условно говоря, представляет собой точку на карте, а река — линию, то регион (провинция) — это некоторая область пространства, чем и обуславливается специфика употребления подобных топонимов в текстах. Для топонимов, обозначающих провинции, существует возможность:

а) динамических контекстов, в которых они выступают в виде предложно-падежных синтаксем с директивным значением: *В конце 878 г. войско Хуан Чао, укрепив свою власть на юге страны, переправившись через Янцзы, двинулось по землям Чжэцзяна, Фуцзяни и Гуандуна. <...> Из Гуандуна повстанцы ушли на Север (М);*

б) статических контекстов, где эти топонимы выступают в предложно-падежных синтаксемах с локативным значением: *Сначала он [чай] был известен лишь в приморских районах Гуандуна, Гуан-си, Фуцзяни (М). Юньнань стал крупнейшим центром горной промышленности, в Гуандуне находились развитые центры металлообработки (Б); Военные губернаторы*

— члены «Объединенного союза» безжалостно подавляли выступления рабочих в Шанхае и волнения сельской бедноты **в провинциях Гуандун, Хунань, Шаньси и др.** (Н).

Кроме того, названия провинций употребляются метонимически для обозначения их населения и/или властей в субъектных синтаксемах: *В начале ноября к антиманьчжурскому движению примкнула **пров. Гуандун*** (Н); *Уже через три дня после объявления войны из борьбы выпали Аньхуэй, **Гуандун, Хунань и Фуцзянь*** (Н).

С грамматической точки зрения интересно, что наименования провинций могут употребляться:

а) без слова *провинция* как существительные мужского рода,

б) со словом *провинция*, тогда согласование глагола прошедшего времени идет по женскому роду.

Частотность названий провинций в текстах учебников объясняется политической, экономической и культурной неравномерностью развития Китая. Какие-то регионы на разных этапах развития были более передовыми, какие-то отсталыми, политическая ориентация, промышленная и сельскохозяйственная специализация тоже была разной. Название провинции появляется не только тогда, когда речь идет о происходящих в ней событиях или о выходцах из этой провинции, но и в тех случаях, когда автору требуется дать сравнение ситуации в разных провинциях.

Это сравнение может быть нескольких видов.

1) Противопоставление. Автор описывает ситуацию в одной провинции (нескольких провинциях) и тут же дает эксплицитное противопоставление — сообщает, что в другой провинции (других провинциях) дела обстояли принципиально иным образом: *«Почти в половине отколовшихся от цинской власти провинций (Хунань, Шэньси, Шаньси, Юньнань, Гуйчжоу, Чжэцзян) смена власти произошла революционным путем, благодаря активным действиям революционных частей «новой армии». Однако в ряде*

других провинций (Цзянсу, Цзянси, Аньхой, Гуанси, Гуандун, Сычуань, Фуцзянь, Шаньдун) переход власти в руки анти-цинских сил происходил по сути дела мирным путем»²⁶⁶ (М).

2) Демонстрация разнообразия: *«К XVI в. определилась специализация отдельных городов, районов и областей по производству какого-либо вида продукции: так, пров. Гуандун славилась железными изделиями, Цзянси поставляла всему Китаю и соседним странам фарфоровую и керамическую посуду, в районах Шанхая и Сунцзяна изготавливали прекрасные хлопчатобумажные ткани, в г. Уху — красители, на о-ве Тайвань — сахар и камфару»²⁶⁷ (С).* В этом случае, как и в предыдущем, названия провинций стоят в позиции темы, но ремы не взаимоисключают друг друга, а заполняются разными членами одного множества (здесь — промышленная продукция).

3) Количественная оценка. В этом случае названия провинций появляются в позиции ремы в предложениях со словами *наиболее* или *особенно*: *Районами особенно частых восстаний стали Шэньси, Ганьсу, Шаньдун и частично Хэнань (С); Особенно велика была роль коллективного землевладения в таких провинциях, как Гуандун, Фуцзянь и Чжэцзян (М); В XV—XVII вв. присвоение земли частными лицами наиболее интенсивно происходило в провинциях Цзянси, Чжэцзян, Гуандун, Хунань и Хубэй, другими словами, в экономически передовых районах страны (С).*

Все эти случаи с темпоральной точки зрения представляют собой сообщения об одновременных событиях: провинции сопоставляются на одном временном отрезке (срезе). Но есть другой тип контекстов: в них сообщается о постепенном распространении каких-то изменений с одной провинции (одних провинций) на другие: *«В конце 1915 г. бежавший из Пекина генерал Цай Э в провинции Юньнань при поддержке местной бюрократии провозглашает*

---

²⁶⁶ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 368.

²⁶⁷ Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с. С. 142.

«независимость» своей провинции и призывает к борьбе с Юань Шикаем. Постепенно в эту борьбу втягиваются губернаторы и военачальники других южных провинций — Гуандуна, Гуанси, Гуйчжоу, Сычуани, Хунани, Фуцзяни»²⁶⁸ (М).

В контекстах, где обсуждается история или археологические находки, часто употребляются прилагательные, образованные от названий современных китайских провинций. Это помогает точнее определить происхождение и хронологию древних культур и артефактов. Так, Хубэй выделяется как важный регион (встречается 192 раза в девяти изученных учебниках, занимая 334—е место в лексическом рейтинге), где раскопки и находки оказывают большое влияние на понимание истории Китая. Топоним *Хубэй* и производные от него прилагательные часто встречаются в текстах, описывающих археологические объекты, найденные в этой области.

В эпоху культур расписной керамики провинция Хубэй как административная единица, разумеется, не существовала. Однако авторы учебников используют данный топоним и производные от него прилагательные, чтобы локализовать описываемые находки для читателя учебника на современной нам карте Китая. Одновременно указание на археологические ценности, обнаруженные на территории современной провинции, служит обоснованием ее культурно-исторической значимости (см. далее аналогичные примеры с топонимом *Хэнань*).

Тайвань, топоним с частотой упоминаний 231 раз, занимает 281-е место в лексическом рейтинге. Расположенный в Тихом океане к юго-востоку от Китая, остров испытал влияние различных цивилизаций (аборигенов, китайцев, японцев, европейцев и американцев), прошел через различные исторические периоды, включая колониальные захваты и управление разных стран. *Тайвань* в учебниках истории часто упоминается в контекстах, отражающих

---

²⁶⁸ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 382.

его важную роль в международных отношениях и политическом ландшафте Китая и других держав. Он выступает как арена для различных событий, начиная с VII века. Показательны контексты, в которых выступает этот топоним — они демонстрируют островное положение Тайваня, с одной стороны, и стратегическое значение — с другой: *Могущественный китайский флот совершил экспедицию на острова Тайвань и Рюкю, с островитянами поддерживались посольские отношения, голландцы, занявшие в 1624 г. Тайвань, голландцы обосновались на Тайване, голландцы были изгнаны с Тайваня (М); Маньчжуры переправили крупное войско на Тайвань, отторгнутый Японией остров Тайвань, захват Японией острова Тайвань (С); голландской Ост-Индской компанией был захвачен остров Тайвань, под давлением противника Чжэн Чэнгун перебазировался на Тайвань, он перебросил на Тайвань все свои силы с материка (Н).*

Отдельное внимание уделяется геостратегическому положению острова и его роли в эпоху маньчжурского завоевания Китая, когда остров стал последним пристанищем сопротивления против маньчжурских захватчиков в период с 1650 по 1662 год: *«Чжэн Чэнгун был вынужден покинуть китайский берег и перенести свои базы на Тайвань, находившийся в это время в руках голландцев. В начале 1662 г. ему удалось изгнать их с острова и основать там государство, ставшее с этого времени последним оплотом антиманьчжурской борьбы в Китае. Разгром армий Ли Динго, вытеснение Чжэн Чэнгуна на Тайвань принято считать завершением третьего этапа маньчжурского завоевания Китая, когда на материке были окончательно подавлены очаги сопротивления (1650—1662)»²⁶⁹. Тайвань — оплот, центр, последний очаг антиманьчжурского сопротивления.*

---

²⁶⁹ Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. — 736 с. С. 265.

Тайвань в изображении авторов учебников выступает не только как объект международных амбиций, но и как ключевой элемент в борьбе за власть и независимость в регионе.

Топоним *Хэнань* с частотой упоминаний 208 раз занимает 299—е место в частотном списке. Это место, где переплетаются судьбы цивилизаций, зарождающаяся и процветающая в гармонии между «небом и землей», и оно является ключом к пониманию Китая в целом. От эпохи династии Ся до династии Сун, Хэнань оставался сердцем, пульсирующим в ритме великой истории. Это отражают и контексты употребления данного топонима. Например, Л.С. Васильев в первом томе своего фундаментального труда («Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.)»²⁷⁰) уделяет особое внимание *Хэнаню*, подчеркивая его ключевую роль как места встречи различных культурных влияний на протяжении истории. Описывая этот регион, Васильев выделяет его связь с луншанской культурой и отмечает, что уже на рубеже III и II тысячелетий до нашей эры, *Хэнань* принимал на себя влияния со всех сторон — от Давэнькоу и Цинляньгана на востоке и юго-востоке до Цицзя на западе, а также потенциально с юга и юго-запада. Позиция культурного перекрестка превратила *Хэнань* в зону уникального синтеза, способствующую бурному культурному и социальному развитию региона²⁷¹. Такое описание подчеркивает значимость *Хэнаня* как центральной точки культурных взаимодействий и его вклад в формирование уникального культурного ландшафта древнего Китая.

Хэнань, как и другие китайские провинции, фигурирует в текстах как место событий, оставивших заметный след в истории страны.

---

²⁷⁰ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с.

²⁷¹ Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с.

Выводы по главе 3

1. Взаимосвязь исторического пространства и исторического времени является неотъемлемым компонентом современного исторического нарратива (в том числе учебного), в котором не только выстраивается последовательность событий, но и передаются точки зрения на эти события — авторская и субъектов исторического процесса. Читатель текста должен уметь «считывать» все эти смыслы, опираясь на выявленные нами конкретные языковые средства (каузативные и фазисные предикаты; прилагательные, производные от топонимов, частицы; дейктические показатели и т.д.) и приемы построения текста (сочетания темпоральных и пространственных показателей; сочетания прилагательного *современный* с топонимами). При этом взаимосвязь исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая обнаруживается в употреблении не только номинаций, относящихся к Китаю, но и прилагательных *русский / российский*, на исторически точное использование которых, вероятно, авторы не обращают достаточного внимания.

2. Среди выявленных нами средств и приемов реализации взаимосвязи исторического времени и исторического пространства есть как характерные для текстов по истории любой страны (например, сочетания пространственных и временных маркеров, каузативные и фазисные предикаты в конструкциях, сообщающих о пространственных изменениях, использование прилагательного *современный* как маркера точки зрения), так и специфичные для дисциплины «История Китая» (оппозиция «европейский — азиатский/восточный», кодирующая не только противопоставление «Запад — Восток», но и обобщение «Китай → Восток, Азия»).

3. Функционирование лексем *восток, восточный* в текстах российских учебников по истории Китая регулируется рядом факторов, главным из которых является регистровая характеристика этих текстов. В этих текстах,

принадлежащих информативному регистру, первое словарное значение лексемы *восток* не реализуется.

4. Второе значение лексемы *восток* и соответствующего прилагательного подвергается значительной дифференциации, что связано с необходимостью членить и организовывать историческое, геополитическое, культурное пространство, проводить сопоставления, выявлять сходства и различия между различными сообществами и культурами. С помощью этих лексем выстраиваются оппозиции разных уровней:

а) наиболее общая «Запад — Восток», т.е. Европа, включая Русь/Россию/СССР, и все, что «восточнее» в широком смысле слова, при этом Восток может выступать недифференцированно либо Китай из него выделяется как «главный герой» истории, чем-то отличающийся от других «восточных стран»;

б) Китай и Ближний Восток;

в) восток и запад Китая;

г) более восточные и более западные относительно друг друга провинции, города и т.п. Китая.

Большое значение при выборе номинации играет позиция субъекта. Историк — автор учебно-научного текста может вставить на позиции разных «героев истории», например, рассматривать Китай с перспективы русского государя, отправляющего экспедицию «на Восток».

5. Анализ наиболее частотных топонимов в исследуемых учебниках показывает, что в их состав входят названия городов, рек и провинций: *Пекин, Янцзы, Шанхай, Нанкин, Гуандун, Гуанчжоу, Хуанхэ, Тайвань, Хэнань, Хунань и Хубэй*, которые являются для истории Китая наиболее значимыми в историческом, культурном, социально-экономическом и политическом отношении и в этом качестве востребованы для создания исторического нарратива. Эти топонимы не являются чисто пространственными локализаторами, указывающими на место, где происходят события, но обладают собственной зна-

чимостью, как, например, столицы Китая, обозначающие точки особого притяжения для субъектов истории: от правителей до захватчиков.

6. Топонимы в учебных текстах играют важную роль в формировании представления о китайской истории, культуре и национальной идентичности. Они помогают студентам понять взаимосвязь между географическим положением и историческими событиями, а также способствуют более глубокому осмыслению культурных и политических процессов в Китае. Частотность топонима служит важным индикатором его исторической, культурной и политической значимости: она говорит о том, что топоним не просто является названием места, где происходили какие-то отдельные события, но имеет значение для понимания китайской цивилизации во взаимосвязи ее географии, истории, экономики, политики и культуры. Авторы учебников стремятся показать города и регионы Китая не просто как точки на карте, а как страницы живой летописи, в которой переплетаются голоса военных героев, политических реформаторов и властителей.

7. Нам удалось выявить некоторые лингвистические характеристики текстового функционирования этих топонимов, обусловленные их семантикой (тип номинируемого географического объекта — город, провинция, река) и намерениями авторов, которые используют эти топонимы.

а) Топонимы могут использоваться как для пространственной локализации событий, имевших место во время существования объекта, названного топонимом, так и для локализации событий, происходивших до возникновения этого объекта (основания города или выделения провинции).

б) Топонимы используются для локализации динамических событий в историческом повествовании (движение войск, развитие торговли, переезд исторических деятелей из одной локации в другую и т.п.) или для статического описания положения дел в определенный момент времени (состояния экономики, культуры и т.д.).

в) Функционирование каждого топонима отражает, с одной стороны, его принадлежность к определенной группе топонимов (астонимы, гидронимы, хоронимы), с другой — его индивидуальную специфику (портовый или внутренний город, столичный статус и т.п.).

г) Роль топонимов в конструировании исторического пространства проявляется в их способности участвовать в контекстах с разными лексическими доминантами (торговля, война, стихийные бедствия и т.д.) на протяжении всего повествования об истории Китая или в отдельные моменты этой истории.

д) Поскольку история является повествованием о действиях людей, происходивших в определенном месте в определенное время, топонимы взаимодействуют в тексте с именами субъектов, которые связаны с ними не только через предикаты движения, но и через более широкий круг предикатов, включая интенциональные (субъекты истории желают захватить, уничтожить, контролировать то или иное пространство).

е) Анализ наиболее частотных топонимов в исследуемых текстах позволил нам сделать и более общие наблюдения над средствами конструирования исторического пространства, а именно выделить три слоя этого пространства: географическое, догосударственное и государственное, обслуживаемые разными лексемами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование текстов русскоязычных учебников по истории Китая позволило выявить как особенности функционирования в них отдельных единиц, так и текстовые тактики, используемые авторами для реализации нарративной стратегии.

Нам удалось подтвердить лингвистическими методами точку зрения историков, философов и культурологов на историческое время и пространство как важнейшие категории исторического нарратива, которые реализуются в текстах и служат для организации «нарративной интриги», включающей а) отбор значимых событий для повествования; б) расположение их в хронологической (или не хронологической) последовательности; в) выбор степени их детализации; г) объяснение их, указание на причинно-следственные и другие связи между ними. Все эти операции по наложению на события структуры (А. Данто²⁷²) автор выполняет в рамках своей интенции (замысла), отбирая и сочетая необходимые языковые средства в рамках своих текстовых тактик. А задача читателя — декодировать не только последовательность событий, но и интенцию автора.

Анализ этих языковых средств и текстовых тактик позволил нам сделать следующие выводы.

1. Поскольку исторический нарратив подразумевает не просто сообщение о хронологической последовательности или одновременности событий, но содержит их «нарративное понимание», «интригу» (П. Рикер), целенаправленную организацию фактов автором текста, то языковые средства выражения времени играют в нем роль, которая выходит за пределы обслуживания 4 микрополей категории темпоральности (собственно темпоральность, фреквентативность, таксис и дуративность). Лексические и граммати-

---

²⁷² Данто А. Аналитическая философия истории. — М.: Идея-Пресс, 2002.

ческие средства выражения времени в историческом тексте формируют нарративную интригу:

а) в диктумном плане, позволяя автору варьировать динамику действия и менять точки отсчета и направление взгляда на события; и

б) в плане модусном, вступая во взаимодействие с категорией субъекта, интерпретирующего историю с синхронной и диахронной точки зрения.

2. Демонстрируя общие принципы построения исторического нарратива, тексты учебников по истории Китая обладают и определенной спецификой использования языковых средств выражения времени, обусловленной в частности древностью китайской цивилизации и членением китайской истории на периоды или циклы.

3. Конструктом, создаваемым с помощью языковых средств и тактических приемов построения текста, является не только история в целом, но и отдельное событие, начиная с его вычленения в потоке времени и кончая установлением его внутренней «интриги».

4. Одним из важнейших итогов исследования служит лингвистическое подтверждение того, что историческое время как конструкт действительно включает **иерархию** длительностей (*длительным* может быть *событие*, а может быть *этап*) и насквозь пропитано субъектностью — от интенций и действий субъектов истории до модусной позиции автора исторического текста, что позволяет варьировать точки отсчета и «направление взгляда» (из прошлого в будущее, из будущего в прошлое, одновременность разновременных событий в пространстве «Времени — 1»).

5. Наше исследование способов конструирования исторического пространства в русскоязычных учебниках по истории Китая позволило обнаружить языковые средства и текстовые тактики реализации взаимодействия исторического пространства и исторического времени, выявить особенности функционирования слов (*В*)*восток* и *восточный* и других обозначений частей света в данных учебниках; на основе автоматизированного частотного анализа

топонимов выбрать наиболее частотные топонимы и проанализировать их использование.

6. Исследование высокочастотных топонимов позволило глубже понять значение географических названий в культурном и историческом контексте, обнаружило важную роль таких топонимов, как *Пекин, Янцзы, Шанхай, Нанкин, Гуандун, Гуанчжоу, Хуанхэ, Тайвань, Хэнань, Хунань и Хубэй*, в формировании образа китайской истории и культуры в текстах российских учебников по истории Китая.

Перспективу исследования составляет сопоставление языковых средств и текстовых тактик конструирования исторического пространства и времени в учебниках по истории Китая с учебниками по истории других государств, например, России, Индии, Японии, Ирана. Также интерес представляет изучение мультимедийных исторических нарративов по истории Китая, в которых вербальный компонент сочетается с визуальным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амгаланова М.В. Историко-культурологический анализ топонимики Китая // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции (17 декабря 2020 г., г. Хабаровск) / науч. ред. Е.В. Савелова; сост. Е.Н. Лунегова. — Хабаровск: ХГИК, 2020. — С. 13—19.
2. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. — М.: Прогресс-Традиция, 2003а. — 368 с.
3. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. — М.: Идея-Пресс, 2003б. — 376 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
5. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» арабоязычными авторами // Армия и общество. — 2014. — № 1 (38). — С. 129—133.
6. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» западными авторами // Власть. — 2014. — № 4. — С. 126—130.
7. Аюбов А.Р. Топонимы как ценное наследие культуры // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. — 2018. — № 4 (57). — С. 53—57.
8. Бабинович Г.А., Хамаева Е.А. Топонимы в лингвокультурном аспекте // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур. — 2018. — С. 113—114.
9. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. — М., — 1984.
10. Бартольд В.В. Ислам. Культура мусульманства. // Мусульманский мир. Книговек. — М., — 2012. — 352с.

11. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // 44 научная конференция «Общество и государство в Китае», часть II, выпуск 15. Институт востоковедения РАН (ИВ РАН) — М., — 2014. — С. 312 — 367.
12. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М.: Наука, 1986. — 254 с.
13. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. — М.: Просвещение, 1971. — 239 с.
14. Борисенкова А. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. — 2007. — Т. 6, № 1. — С. 55—63.
15. Боровкова О.В. Пространства исторической науки и их взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 394. — С. 79 — 83.
16. Булдыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 168 с.
17. Ван Ч., Дубкова О.В. Образы китайской культуры в названиях китайских рек // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2015. — № 6. — С. 94 — 98.
18. Ван Ч., Дубкова О.В. Когнитивный анализ названий китайских озер // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2016. — № 2. — С. 41 — 45.
19. Васильев Л.С. Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан—Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). — М.: Восточная литература, 1995. — 337 с.
20. Васильев Л.С. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.). — М.: Восточная литература, 2000. — 628 с.
21. Васильев Л.С. Древний Китай: в 3 т. Т. 3. Период Чжаньго (V—III вв. до н. э.). — М.: Восточная литература, 2006. — 679 с.

22. Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. — М.: Еврейский университет, 1993. — 350 с.
23. В.В. Виноградов. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. — 1995 — № 1. — С. 5 — 34.
24. Виноградова Е.Н., Чекалина ВЛ. Русские предложные единицы (предлоги и их эквиваленты). Синонимия и антонимия // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 26. — С. 112—127.
25. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. — М.: Издательство Московского университета, 2000. — 502 с.
26. Всеволодова М.В. Язык: норма и узус (подходы к системе языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2015. — № 6. — С. 35—42.
27. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 283 с.
28. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2003. — № 2. — С. 17—58.
29. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. — М.: Языки славянских культур, 2002.
30. Герасимов Г.И. Историческое время // Философия и культура. — 2018. — № 4. — С. 28—38.
31. Голубь А.Б. Дальний Восток или Тихоокеанская Россия: проблема наименования территории (взгляд изнутри) // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. — 2014. — № 3 (16). — С. 30—36.

32. Гриценко Н.В. Историческое время в социально-философском контексте: автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филос. н., специальность 09.00.11. — Таганрог 2004. — 24 с.
33. Грэй Д.Г. История Древнего Китая / пер. с англ. А.Б. Вальдмана. — М.: Центрполиграф, 2006. — 598 с.
34. Данто А. Аналитическая философия истории. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 292 с.
35. Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / Пер. с нем. под ред. В.А. Куренного. — М.: Три квадрата, 2004. — 418 с.
36. Дондокова М.Ю. К проблеме единообразия перевода топонимов с русского на китайский язык // Китайская лингвистика и синология: Тезисы докладов международной конференции. — М., 2019. — С. 59 — 62.
37. Захаренко О.И. Геокультура в системе международных отношений (на примере топонимии Беларуси и Китая) // Беларусь в современном мире: материалы IV Республиканской научной конференции. — Минск: РИВШ, 2005. — С. 31 — 32.
38. Золотов В.И. Историческое пространство в современном историческом знании // Вестник Брянского государственного университета. — 2021. — № 3 (49). — С. 46—53.
39. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: Наука, 1982. — 368 с.
40. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 528 с.
41. Золотова Г.А. Синтаксический словарь русского языка. — М.: Наука, 1988. — 439 с.
42. Иванов Е.А. Исторический нарратив как философско-эпистемологическая проблема: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 5.7.1

— онтология и теория познания / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена.
— СПбГПУ: РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. — 30 с.

43. Калимонов И.К. Концепция исторического повествования Поля Рикера // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2005. — Вып. 147 (2). — С. 85—99.

44. Калимонов И.К., Байтеева М.В. Понятие «историческое время» и творчество историка: взгляды П. Рикера и Р. Козеллека // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 153. — № 3. — С. 255—266.

45. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 1, т. 1 — 4. — М: АСТ, Ермак, 2004. — 668 с.

46. Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 151 с.

47. Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах: Том 1: Курс русской истории. Часть 1. — М: Политиздат., 1956. — 431 с.

48. Колесова В.В., Спицин И.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка / под ред. А.А. Андреева, Б.Б. Петрова. — М.: Индрик — 2019. — С. 65—74.

49. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. и коммент. Ю. А. Асеева. — М.: Наука, 1980. — 485 с.

50. Копосов Н.Е. Как думают историки. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 236 с.

51. Корягина Е.А. К проблеме определения исторического времени // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14. — № 2. — С. 538—542.

52. Кравцова М.Е. История культуры Китая. — СПб.: Лань, 1999. — 416 с.

53. Кривнова О.Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» опыт теоретико-экспериментального исследования:

автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19. — М. : МГУ, 2007. — 53 с.

54. Крюгер Р. Китай. История страны. — М.: Эксмо, 2008. — 543 с.

55. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. — 2006. — № 4. — С. 45 — 54.

56. Лакина С.В. Частотный анализ топонимов в учебниках по дисциплине «античная литература» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2022. — С. 65—79.

57. Ли Гуаньяо. Взаимосвязь исторического пространства и исторического времени в российских учебниках по истории Китая: лингвистический аспект // Преподаватель XXI век. 2025. — № 2. — С. 328 — 333.

58. Ли Гуаньяо. Топонимы в текстах российских учебников по истории Китая (по данным частотного анализа) // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 3 (106). — С. 407—410.

59. Льюис М.Л. Империи Древнего Китая. От Цинь к Хань: великая смена династий — М.: Центрполиграф, 2016. — 413 с.

60. Ляшевская О.Н., Шаров, С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М.: Азбуковник, 2009. — 1087 с.

61. Леонтович О.А., Ханова А.А. Исторический нарратив: конститутивные признаки и языковые характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2024. — Т. 23. — № 6. — С. 167—180.

62. Мареева Ю.А. Семантика и стилистика русских темпоральных наречий всегда, вечно, бесконечно (лингводидактический аспект) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2021. — № 201. — С. 194—200.

63. Меликсетов А.В. et al. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во Моск. ун-та; Высшая школа, — 2002. — 736 с.
64. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Значение археологии для изучения проблемы происхождения и эволюции человечества // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. — 2013. — № 3 (71). — С. 11—18.
65. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. — М.: Восточная литература, 2005. — 719 с.
66. Непомнин О.Е. Китай в контексте мировой истории // Восточный курьер. — 2019. — № 12. — С. 62—76.
67. Олейников А.А. История — событие и рассказ: критический анализ философии нарративной формы: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. — М., 1999. — 171 с.
68. Онипенко Н.К. Лингвистический анализ текста и терминологический аппарат современной грамматической науки // Рациональное и эмоциональное в русском языке: международный сборник научных трудов. — М.: Изд-во МГОУ, 2012. — С. 383—389.
69. Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. — 2001. — Т. 2. — С. 107—121.
70. Панков Ф.И. Выражение временных отношений // Книга о грамматике : для преподавателей русского языка как иностранного / под ред. А.В. Величко. — СПб. : Златоуст, 2018. — С. 253—281.
71. Панков Ф.И. Категория наречной темпоральности и ее речевые реализации // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. — М.: Филология, 1997. — Вып. 1. — С. 161—174.
72. Политова А.А. Унификация перевода китайских топонимов на русский язык с учётом их структурных особенностей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2022. — С. 79—98.

73. Попов В.В., Музыка О.А., Самойлова И.Н., Лойтаренко М.В. Особенности интервальной концепции времени в социально-историческом моделировании // Международный журнал экспериментального образования. — М. : Научно-издательский центр «Академия естествознания», 2015. — № 7. — С. 101—105.

74. Пылкова А.А., Лян Ц. Лингвокультурные особенности китайской топонимической лексики (на примере годонимов и агоронимов) // Эпоха науки. — 2021. — С. 242—250.

75. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. с франц. Т.В. Славко; науч. ред. И.И. Блауберг. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998. — 313 с.

76. Рикер П. История и истина / пер. с фр. И.С. Вдовина, А.И. Мачульская. — СПб.: Алетейя, 2002. — 400 с.

77. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.

78. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. — СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. — 523 с.

79. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. — М.: Центр-М, 2001. — 400 с.

80. Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Управление динамикой действия и длительностью событий в историческом тексте (на материале российских учебников по истории Китая) // Сборник научных трудов. Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Выпуск 5: материалы V международной научной конференции 12 сентября 2024 г. — М.: ИСТИНА МГУ, 2024. — С. 106—112.

81. Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С. 70 — 81.

82. Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2025. — № 2. — С. 9 — 19.

83. Сидорова М.Ю., Шматко А.С. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии на русском языке: «лексический минимум» нового типа // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития: сб. материалов Междунар. науч. конференции. — Ереван: ЕГУ, 2019. — С. 670—675.

84. Сидорова М.Ю., Шматко А.С. От «Лексического минимума» к «лексико-грамматической основе»: новый подход к представлению языка предметной области // Мир русского слова. — 2019. — № 3. — С. 83—92.

85. Сидорова М.Ю., Шматко А.С., Певцов Д.Н. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии. — М.: Доброе слово и Ко, 2021.

86. Симоновская Л.В. et al. История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев. — М.: Наука, 1974. — 532 с.

87. Старцева С.М. Топонимы в англоязычных детективных повестях Роберта ван Гулика и способы их передачи на китайский и русский языки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11-1 (77). — С. 165—168.

88. Стризое А.Л. Исторический текст как научный нарратив // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2012. — № 2. — С. 172—177.

89. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 3. — С. 113—115.

90. Спешнев Н.А. Южане и северяне (к вопросу об этнопсихологии китайцев) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2010. — № 2. — С. 67.

91. Тош Д. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка / пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2000. — 296 с.
92. Ульянов М.Ю. Заметки о новой книге по истории Древнего Китая (на пути к созданию академической истории) // Общество и государство в Китае. — 2014. — Т. 44, № 2. — С. 518—559.
93. Цзялу Ш. Сравнительный анализ топонимов в русском и китайском языках в аспекте лексико-семантических особенностей номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 6. — С. 1934—1937.
94. Чеканцева З.А. Время историка // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л.П. Репиной. — М. : Кругъ, 2010. — С. 66—78.
95. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 — М., 2000. — 421 с.
96. Шмарова Ж.В. Структура китайских топонимов // Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее : сборник научных статей / [Институт иностранных языков МГПУ]. — М. : Языки Народов Мира, 2022. — С. 114—120.
97. Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 311 с.
98. Эльдарион А.А. Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2017. — Т. 6, № 3А. — С. 170—177.
99. Эльдарион А.А. Исторический нарратив как форма существования исторической событийности: автореферат дисс. ... канд. Филос наук: 09.00.11 — Владивосток, 2019. — 24 с.
100. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М.: Гнозис, 1994. — 343 с.
101. Febvre L. Combats pour l'histoire. — Paris: Colin, 1953. — 458 p.

Словари и энциклопедии

1. Дальний Восток [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/dal> .

2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. т. Т. 6 (доп.): Искусство / гл. ред. М. Л. Титаренко; Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. — М.: Восточная литература, 2010. — 1031 с.

3. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — РАН, Ин-т лингвист. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/>

4. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник: учеб. пособие для студентов всех спец.— М.: МИИТ, 2009. — 424 с.

5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. . — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940 .— [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>